This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

F S12v 990.5(1893)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Дарн. № 359. 34.

СБОРНИКЪ „НИВЫ“

на 1893 годъ.

V

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“.

МАЙ.

Изданіе журнала „НИВА“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Ф. МАРКСА. Средняя Подъяческая, д. № 1.
1893.

Digitized by Google

PSlav-490.5 (1893/mai)

Командиръ

Капитанъ

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 26 1958
5 8 x 2

Дозволено цензурою. СПБ. 24 марта 1893 г.

Digitized by Google

Библіотека 4 роты. полка.

Командиръ роты
Капитанъ Радинъ

Звѣзда.

Романъ въ 2-хъ частяхъ **И. Н. Потапенко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ обширныхъ свѣтлыхъ комнатахъ, уставленныхъ мягкой, уютной мебелью, быть можетъ, нѣсколько строгаго, но чрезвычайно спокойнаго тона, стоялъ невообразимый шумъ. Трое дѣтишекъ бѣгали, хохотали, падали, дрались, плакали и кричали. Со стороны можно было подумать, что здѣсь цѣлая школа или какой-нибудь доморощенный дѣтскій садъ, биткомъ набитый ребятами. Единственное взрослое существо во всей восьмикомнатной квартирѣ, кромѣ кухарки и горничной, сидѣвшихъ на кухнѣ, была старая нянька, вспотѣвшая, раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся, благодаря необходимости гоняться разомъ за тремя питомцами, изъ коихъ каждый представлялъ необыкновенно самостоятельный характеръ, выражавшійся въ своеобразныхъ капризахъ, дикихъ выходкахъ и настойчивости.

Старуха была не изъ тѣхъ развалинъ, которымъ лѣнь или тяжело подняться съ мѣста, потому что у нихъ „все болитъ и всю разламываетъ". Нѣтъ, она еще была достаточно бодра и добросовѣстно старалась выполнить свои обязанности, тѣмъ болѣе, что ей надо было получше зарекомендовать себя на новомъ мѣстѣ,—она только вчера поступила въ домъ доктора Бравина, — но ей это совсѣмъ не удавалось: дѣти не хотѣли признавать ее.

— Ну, и сорванцы же, Господи, прости мои прегрѣшенія! Истинно сорванцы! шептала она ежеминутно, вытирая съ лица потъ передникомъ.

Въ тотъ моментъ, когда, послѣ зычнаго звонка въ передней, въ квартиру вошелъ самъ докторъ Бравинъ, ре-

Digitized by Google

бята устроили настоящую свалку и, хотя каждый безпощадно обижалъ другого, но всѣ ревѣли изо всѣхъ силъ.

— Что тутъ случилось? спросилъ онъ у няньки.

Нянька стояла передъ нимъ на вытяжку съ видомъ безконечно виноватаго человѣка.

— Никакого сладу съ ними нѣтъ!.. Всячески унимала, не слушаются!.. промолвила она дрожащимъ голосомъ.

— А барыня? Развѣ барыни нѣтъ дома?

— Съ утра нѣту ихъ... Какъ выѣхали съ утра, такъ и не бывали...

Онъ нахмурилъ брови и больше ни слова не сказалъ нянькѣ. Дѣтишки уже отъ одного его появленія въ квартирѣ успокоились и смолкли. Они вовсе не были заправскими буянами, и ихъ чрезмѣрная рѣзвость была скорѣе протестомъ противъ того, что ихъ оставили однихъ съ почти совершенно незнакомой женщиной.

— Дѣти, ведите себя тише и не деритесь! Не хорошо драться! сказалъ Бравинъ, стараясь говорить ласково, но въ его голосѣ недоставало именно ласковыхъ нотъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣти, послѣ этого краткаго внушенія, окончательно успокоились. Бравинъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и разлегся во весь свой длинный ростъ на мягкомъ диванѣ, обитомъ темнокоричневой кожей. Кабинетъ представлялъ собой обширную, почти квадратную комнату, съ тремя высокими окнами, выходившими на улицу. Мартовское солнце заливало его своими лучами. По обстановкѣ трудно было догадаться, что это кабинетъ врача, гдѣ онъ принимаетъ больныхъ. Развѣ вотъ эти вдѣланныя въ стѣну длинныя полки, тѣсно уставленныя книгами въ солидныхъ „ученыхъ“ переплетахъ, да стоявшій на маленькомъ столикѣ, изъ темнаго мрамора, ящикъ съ электрической машинкой, могли свидѣтельствовать объ этомъ; но съ другой стороны, тутъ же въ углу стоялъ другой ящикъ, говорившій объ иныхъ вкусахъ хозяина, именно— большой футляръ отъ віолончели.

„Какъ это Оленька рѣшается оставлять дѣтей съ новой нянькой! думалъ онъ, лежа лицомъ вверхъ. — До какой степени поглощаютъ ее эти музыкальныя занятія! Да и нельзя довѣрять дѣтей грубой прислугѣ... Они усваиваютъ грубые вкусы и манеры... Надо бы къ нимъ бонну приличную взять, что-ли. И вообще безпорядокъ, неурядица какая-то... Вотъ и обѣдать пора, пять часовъ, ѣсть

Digitized by Google

хочется, а ея нѣтъ... Не нравится мнѣ это... У меня отъ семи часовъ пріемъ... Когда я успѣю отдохнуть?"

На порогѣ кабинета появилась горничная.

— Прикажете подавать обѣдъ? спросила она.

— Какъ обѣдъ? Развѣ барыня пріѣхала?

— Барыня просили безъ нихъ обѣдать. Онѣ могутъ опоздать!..

„Вотъ и еще нововведеніе! Терпѣть не могу обѣдать одинъ... У меня даже аппетитъ пропадаетъ въ такихъ случаяхъ".

— Что же? барыня сказала, въ которомъ часу пріѣдетъ?

— Нѣтъ, только сказали, что поздно будутъ!

Бравинъ тяжело повернулся на бокъ, такъ что изнутри дивана послышался протяжный заунывный звонъ потревоженной пружины.

— Ну, давайте, что-жъ? Дѣти обѣдали, надѣюсь?

— Нѣтъ, дѣти не обѣдали...

— Почему же дѣтей не накормили? Вѣдь, они всегда обѣдаютъ въ четыре часа... Что за безпорядокъ у васъ, право? Я этого терпѣть не могу...

Горничная пожала плечами.

— Новая нянюшка... Она, конечно, не знаетъ порядковъ!..

— Давайте обѣдъ! сердито сказалъ Бравинъ и поднялся съ дивана.

Это былъ высокій плечистый мужчина, съ виду гигантъ и здоровякъ. Грубоватыя крупныя черты его лица, густо обросшаго свѣтлорусыми волосами, были нескладны, нѣсколько угрюмы, но, несмотря на это, сразу производили благопріятное впечатлѣніе. Говорилъ онъ густымъ голосомъ, отрывочными фразами, какъ будто сердился, но для всякаго было ясно, что онъ вовсе не сердится, а это у него была такая манера. Андрея Дмитріевича Бравина всѣ знали за человѣка мягкаго, сговорчиваго, добродушнаго, и рѣшительно никто не вѣрилъ его суровой внѣшности и грубоватому голосу.

Въ столовой уже сидѣли дѣти—старшая дѣвочка лѣтъ [illegible]ти, съ золотистыми кудрями и большими голубыми гла[illegible], Люба, и сестра ея, годомъ моложе и совсѣмъ дру[illegible] типа—тоненькая, съ продолговатымъ блѣднымъ ли[illegible]мъ, съ нѣжными правильными чертами, съ задумчи[illegible] темными глазками — обѣ на высокихъ стульяхъ, а

Digitized by Google

мальчуганъ лѣтъ двухъ, съ разгильдяйскимъ видомъ и разбойничьими замашками, на рукахъ у няни. Онъ-то, главнымъ образомъ, и мутилъ всю компанію, отнимая у дѣвочекъ ложки и вцѣпляясь обѣимъ имъ въ волосы, отчего тѣ подымали ревъ. Кромѣ того, онъ не хотѣлъ признавать новой няньки и настойчиво требовалъ маму.

Андрей Дмитріевичъ искоса поглядывалъ на это оригинальное общество и чувствовалъ, что аппетитъ, его, обыкновенно, образцовый аппетитъ, покидаетъ его. Онъ выпилъ рюмку водки, закусилъ грибомъ и началъ, было, ѣсть супъ, но сейчасъ же оставилъ ложку, потому что нужно было утѣшать младшую дѣвочку, которую чѣмъ-то обидѣла старшая.

— Люба, ты, вѣдь, старшая, какъ тебѣ не стыдно! сурово укорялъ онъ ее, вмѣсто того, чтобы приласкать, но это, разумѣется, не помогло. Дѣти плакали, въ столовой стоялъ гвалтъ.

Кое-какъ онъ довелъ обѣдъ до конца, ушелъ въ кабинетъ и сердито завалился на диванъ. Съ дѣтьми онъ рѣшительно не умѣлъ обращаться. Онъ любилъ ихъ самою нѣжною любовью, но они имѣли полное право сомнѣваться въ этомъ и немного даже дичились его. Ихъ приводилъ въ недоумѣніе его слишкомъ твердый голосъ, отрывочность и краткость рѣчи и рѣзкія манеры. Теперь онъ лежалъ и думалъ о томъ, какъ бы заснуть хоть полчаса, но немолчные крики дѣтей, глухо доносившіеся сюда, мѣшали ему. Ему мѣшало собственно не то, что дѣти шумятъ, — онъ могъ засыпать подъ грохотъ пушекъ, что и случалось, когда онъ лѣтъ десять тому назадъ былъ военнымъ врачемъ, — но ему все казалось, что дѣти чѣмъ-то обижены, и что онъ противъ нихъ не правъ, не обладая способностью утѣшить ихъ.

Изрядно провалявшись, онъ, наконецъ, заснулъ, а когда горничная, вошедшая въ кабинетъ, чтобъ зажечь свѣчи, разбудила его, оказалось, что въ пріемной уже ждутъ три паціента.

— А барыня пріѣхала? спросилъ онъ, промывая лицо холодной водой изъ крана, устроеннаго тутъ же въ кабине

— Нѣтъ, не пріѣхали! отвѣтила горничная тономъ, которомъ слышалось нѣкоторое удивленіе.

Андрей Дмитріевичъ сердито фыркнулъ и обрызг стѣну водой.

Digitized by Google

— Пригласите больныхъ! сказалъ онъ, и, окончательно приведя себя въ порядокъ, началъ пріемъ. Но на этотъ разъ онъ былъ менѣе внимателенъ къ своимъ больнымъ, чѣмъ всегда. Онъ прислушивался то къ дѣтскому крику, то къ звонку. Звонки раздавались довольно часто, но онъ сейчасъ же узнавалъ, что это были паціенты. Ольга Сергѣевна звонила два раза подъ-рядъ. Это было условлено. Онъ безпокоился. Обыкновенно, она уходила въ музыкальную школу часовъ въ одиннадцать утра и возвращалась къ четыремъ. Этого было совершенно достаточно, чтобъ взять урокъ пѣнія. И это его не стѣсняло, потому что онъ, уходя изъ дому въ больницу, или уѣзжая на частную практику,— часовъ въ 9 утра, оставлялъ ее дома, а, пріѣзжая домой, находилъ ее съ дѣтьми. Что дѣлалось дома въ этотъ промежутокъ времени—онъ не зналъ, но былъ совершенно увѣренъ, что тамъ все идетъ хорошо. Это первый разъ, что она такъ страшно запоздала, и онъ совсѣмъ случайно узналъ, что дома стоитъ неумолкающій ревъ. Въ первый разъ онъ подумалъ, что, можетъ быть, это такъ бываетъ каждый день. Онъ считалъ своихъ дѣтей тихими и миролюбивыми, а оказывается, что они драчуны и капризники. Ясное дѣло, что они успѣли испортиться за эти два года, когда Оленька стала посѣщать музыкальную школу. Очевидно, прислуга оказываетъ на нихъ дурное вліяніе, и объ этомъ надо поговорить съ Оленькой. Надо принять какія-нибудь мѣры. Если она не можетъ посвящать имъ больше времени, онъ не настаиваетъ, онъ никогда не стѣснялъ ее. Это ее забавляетъ, развлекаетъ, пусть. Онъ всегда держался мнѣнія, что скучающая жена—самое несчастное существо въ мірѣ. Скука плодитъ фантазіи, которыя гораздо хуже болѣзней. Но тогда пусть возьметъ къ дѣтямъ хорошую, приличную и надежную женщину.

Двойной звонокъ. Ольга Сергѣевна пріѣхала. Но она, очевидно, не одна. Онъ прислушивается. Она ушла въ спальню, и тотчасъ же дѣтскій крикъ прекратился. А въ залѣ остались гости, повидимому, двое мужчинъ и одна дама. Они разговариваютъ, словъ онъ не разбираетъ, а слышитъ только звуки. Его комната соединена съ залой дверью, но дверь заперта и завѣшана плотной портьерой. Одинъ говоритъ густымъ басомъ, другой звонкимъ тенoромъ, а у дамы низкій грудной голосъ. Это—пѣвцы. Ну, пусть себѣ. Теперь онъ спокоенъ и съ обычною внима-

Digitized by Google

тельностью будетъ заниматься своими больными, которыхъ хватитъ до девяти часовъ. Только бы они не вздумали пѣть. Рояль стоитъ подъ самой дверью. Это неловко и будетъ мѣшать ему...

II.

— Ну, господа, не знаю, какъ вы, а я голодна страшно! Мои ребята унялись. Наплакались, бѣдные! У Нюты расцарапанъ носъ, это—сынъ, онъ у меня разбойникъ! Пойдемте обѣдать! Лиза, надѣюсь—супъ не простылъ!..

Ольга Сергѣевна говорила все это живымъ, веселымъ, нервнымъ голосомъ, и вся ея фигура, лицо, вся она была оживлена и какъ-то насквозь проникнута волненіемъ.

Пока она была въ дѣтской, гости дѣятельно разсматривали кипу нотъ, лежавшихъ на роялѣ и привели ее въ страшный безпорядокъ. Дама—это была высокая, полная женщина съ широкимъ четырехугольнымъ лицомъ и съ высшей степени увѣреннымъ, побѣдоноснымъ взглядомъ,—присѣла къ клавишамъ и однимъ пальцемъ, и притомъ фальшиво, играла что-то изъ Шумана по раскрытой тетрадкѣ. Господинъ съ тонкимъ голосомъ былъ совсѣмъ коротенькій, въ коротенькомъ пиджачкѣ, съ лицомъ маленькимъ, безволосымъ, обильно уснащеннымъ прыщами. На головѣ у него высилась кипа густыхъ черныхъ волосъ, которой онъ видимо гордился, часто взъерошивалъ и явно думалъ, что ради этой кипы ему должны быть прощены всѣ недостатки его наружности. Ходилъ онъ на тоненькихъ ножкахъ, въ маленькихъ сапожкахъ, съ высочайшими каблуками, и былъ глубоко убѣжденъ, что это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ его человѣкомъ большого роста. Вообще, изъ всего можно было заключить, что онъ о своей наружности весьма благосклоннаго мнѣнія. Костюмъ его былъ сильно потертъ, внизу брюкъ можно было разглядѣть бахрому, воротничокъ и манжеты явно просились въ стирку, а носовой платокъ онъ вынималъ изъ кармана только тогда, когда былъ гдѣ-нибудь въ углу и убѣдившись, что на него никто не смотритъ. Но всѣ эти обстоятельства не мѣшали ему пахнуть духами, довольно скверными, ароматъ которыхъ сбивался на камфару съ деревяннымъ масломъ.

Что касается другого гостя, то весь его внѣшній видъ говорилъ, что онъ басъ, разсматриваетъ себя, только какъ баса, желаетъ пѣть басомъ, и въ этой скромной роли ви-

Digitized by Google

дитъ все свое назначеніе. Онъ былъ плечистъ, угловатъ, на спинѣ его рельефно выступали обѣ лопатки, руки и ноги его были крупныя, шея длинная съ большимъ острымъ кадыкомъ, одежда широка. Онъ часто откашливался съ такимъ видомъ, словно у него въ горлѣ засѣла кость, говорилъ умышленнымъ басомъ, всячески избѣгалъ длинныхъ фразъ, предпочитая имъ отрывочныя слова, которыми выпаливалъ точно изъ пушки. При этомъ и выраженіе лица у него было мрачное, какъ у тѣхъ оперныхъ заговорщиковъ, которыхъ ему придется во всю жизнь играть.

Гости оказались столь же голодными, какъ и хозяйка. Басъ ѣлъ совершенно откровенно и выпилъ двѣ рюмки водки, дама же дѣлала видъ, что ей достаточно одной тарелки супу, чтобъ насытиться. Это было въ явномъ противорѣчіи съ ея наружностью, которая краснорѣчиво говорила о хорошемъ аппетитѣ и о недурномъ питаніи. Впрочемъ, когда завязался живой разговоръ, она нѣсколько увлеклась филеемъ по-англійски и очень успѣшно не только догнала, но и опередила баса.

— Что же вы такъ мало ѣдите, Подпоркинъ? спросила хозяйка у тенора, который своими маленькими рученками разрѣзалъ мясо на крошечные кусочки и препровождалъ ихъ въ ротъ съ такимъ видомъ, какъ будто они были окроплены святой водой.

— Нельзя... это тяжело для голоса! отвѣтилъ теноръ.— Мнѣ одинъ докторъ сказалъ, что чистота голоса зависитъ отъ желудка...

Онъ не пилъ ни водки, ни вина, не курилъ, не ѣлъ соленаго, кислаго, боялся перцу, какъ огня, чай остуживалъ до того, что онъ дѣлался совсѣмъ холоднымъ, воду согрѣвалъ, носилъ фуфайку и кашне, по утрамъ собственноручно массировалъ горло, на улицѣ упорно молчалъ, однимъ словомъ, жилъ на свѣтѣ въ честь своего голоса. Онъ очень хорошо сознавалъ, что голосъ можетъ сдѣлать его человѣкомъ, а кромѣ голоса у него ничего нѣтъ, и безъ него онъ — нуль. Поэтому вся его жизнь, духовная и матеріальная, заключалась въ этой драгоцѣнности, которую природа случайно вложила въ его горло.

Если бы посторонній, и притомъ не посвященный, человѣкъ, случайно вошелъ въ столовую и на три минуты остался невидимъ, то онъ былъ бы пораженъ страннымъ явленіемъ. Онъ услышалъ бы русскую рѣчь, въ которой

Digitized by Google

употребляются все знакомыя ему слова, но ничего не понялъ бы, точно это былъ языкъ шифра, условленнаго между этими четырьмя личностями, столь мало похожими одна на другую.

— Нѣтъ, я хотѣла бы посмотрѣть, что это была бы за Розина! промолвила пѣвица съ четырехугольнымъ лицомъ.—Что бы она дѣлала на верхахъ...

— Кто? Тигрова? выпалилъ басъ.—Фіаско! Провалъ!

— Верхи ничего... Съ верхами ея еще можно жить... замѣтила Ольга Сергѣевна.—Но колоратура, вотъ несчастье! Она мажетъ!.

— Провалъ! Полный провалъ! повторилъ басъ, которому, очевидно, очень нравилось это слово, какъ дающее просторъ его громоносному голосу.

— Какъ иногда бываетъ полезно во-время заболѣть! воскликнула Ольга Сергѣевна.

— Вы думаете, она заболѣла? Пустяки. Видитъ, что дѣло плохо, ну, и... завязала горло.

— Нѣтъ, я видалъ ее на пріемѣ у горлового врача... воскликнулъ теноръ.

— Ну, разсказывайте! Вы за нею ухаживаете... Оттого и защищаете!

Теноръ взъерошилъ свои волосы.

— Что вы? У нея есть мужъ!..

При этомъ онъ ухмыльнулся, какъ бы давая ей знать, что о такихъ нескромныхъ вещахъ нельзя говорить, но въ то же время прямо не отрицая факта.

— Ха, ха, ха! весело разсмѣялась Ольга Сергѣевна,— да вы, Подпоркинъ, ей по плечо!

Подпоркинъ выпрямился и поднялъ голову.

— Это ничего не значитъ!.. самоувѣренно объявилъ онъ.—Ростъ не играетъ важной роли...

Хозяйка смѣялась. Вообще, она держалась среди этого общества непринужденно. Съ ними у нея не было ничего общаго, кромѣ той оперы, которую они будутъ вмѣстѣ пѣть; она отлично понимала, что басъ Кряковъ совершенно первобытенъ, контральто Оглоблина взята чуть-ли не прямо изъ-за стойки табачной лавочки, а Подпоркинъ готовился въ понамари, но кто-то надоумилъ его, что въ оперѣ можно больше денегъ заработать, чѣмъ въ понамаряхъ, и потому онъ избралъ карьеру артиста. Всѣ трое смотрѣли на нее, какъ на образецъ ума, хорошаго

Digitized by Google

тона и воспитанности и, что бы они ни сказала, считали верхомъ остроумія. Это доставляло ей удовольствіе и было какъ бы отголоскомъ или продолженіемъ того безсмѣннаго торжества, какое она вотъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ испытывала въ школѣ.

Разговоръ ни на минуту не прерывался. Это былъ странный разговоръ, постоянно пересыпаемый вокальными цитатами изъ оперъ, цитатами, которыя пѣлись вполголоса или даже полнымъ голосомъ.

— Такъ помните же, Подпоркинъ, вы должны начинать піаниссимо и идти все кресчендо, кресчендо вотъ такъ: „нѣтъ выше радости, нѣтъ выше еча-а...“ и тутъ уже развернуть голосъ во всю ширь! говорила и пѣла Ольга Сергѣевна.

— Ну, вотъ, повторите!

Подпоркинъ повторялъ, держа на вилкѣ кусочекъ курятины.

— Мнѣ бы только эту сцену по-русски перевести какъ-нибудь, а то ничего не понимаю, басилъ Кряковъ и тутъ же цитировалъ сцену:—„signor ne il chiesi! A voi presente un uom'sispa-da-sta...“ Чортъ его знаетъ, что оно значитъ!..

Обѣдъ затянулся. Ольга Сергѣевна заявила, что въ залѣ пѣть нельзя, пока не кончится пріемъ. Но въ этомъ и особенной надобности не было, потому что за обѣдомъ, среди разговоровъ, и затѣмъ за чаемъ было спѣто, между прочимъ, нѣсколько сценъ изъ нѣсколькихъ оперъ.

Послѣ девяти часовъ въ столовую пришелъ Андрей Дмитріевичъ. Видъ у него былъ усталый, и онъ посмотрѣлъ на гостей какимъ-то уныло-удивленнымъ взоромъ. Оглоблину онъ зналъ, она была у нихъ уже раза два, когда Ольга Сергѣевна разучивала дуэтъ изъ „Пророка“. Оглоблина пѣла Фидессу. Но видъ Крякова и Подпоркина поразилъ его, главнымъ образомъ, неожиданнымъ контрастомъ. Когда же пѣвцы оба поднялись, и маленькій теноръ нѣжно заявилъ, что онъ Подпоркинъ, а громоздкій басъ грузно выпалилъ, что онъ Кряковъ, онъ сразу развеселился и чуть не прыснулъ отъ смѣха.

— Это все наши будущія звѣзды! сказала Ольга Сергѣевна съ тонкой ироніей, которую, впрочемъ, замѣтилъ только ея мужъ, остальные же приняли это за чистую монету. Подпоркинъ тряхнулъ своей кипой волосъ и не возразилъ, а Кряковъ заявилъ со скромностью, свойственной всѣмъ, вообще, басамъ:

Digitized by Google

— Я-то звѣзда? Ха, ха! Мнѣ бы хоть на вторыя роли попасть! Я на полтораста въ мѣсяцъ бью, больше мнѣ не надо!..

— Какъ? Развѣ вы не претендуете на славу? спросилъ Бравинъ, съ удовольствіемъ принимаясь за чай.

— Слава? Ха, ха! Какая тамъ у чорта слава? Басамъ не бываетъ славы... Это вотъ имъ, сопранамъ да контральтамъ, да тенорамъ... А нашему брату—заговорщиковъ, да патеровъ играть,—какая-же тутъ слава? Я, вѣдь, профундо! Басъ кантабиле еще можетъ сорвать хлопки, а профундо — никогда!.. Нѣтъ, мнѣ бы только обезпечить себя и дѣтей...

— У васъ семейство? спросилъ хозяинъ.

— А какъ же? Четверо! Я и то колеблюсь... Выгодныя условія предлагаютъ...

— Гдѣ?

— Да вотъ одинъ староста церковный говоритъ мнѣ, не хочу-ли къ нимъ въ протодіаконы... Что-жъ, тамъ доходы хорошіе и прочность... это надо подумать...

Андрей Дмитріевичъ пилъ чай, молча, внимательно вслушиваясь въ рѣчи гостей и своей жены. Повидимому, эти люди были насквозь проникнуты заботой о судьбѣ разныхъ графовъ Монтероне, де-Луна, Неверовъ, Сенъ-Бри и менѣе родовитыхъ героевъ и героинь, какъ Риголетто, Марсель, Джильда, Маргарита, Фидесса. Всѣ ихъ интересы были сосредоточены на этихъ личностяхъ, о которыхъ они, впрочемъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія, на выходахъ, сценахъ, ритурнеляхъ, дуэтахъ и квартетахъ. Слушая ихъ и то, какъ они по-оперному трактовали исторію, можно было подумать, что вся исторія человѣчества была пропѣта всѣми этими героями и графами подъ аккомпаниментъ оркестра. И, кажется, Подпоркинъ и Кряковъ были именно такого мнѣнія.

Ждали баритона Огузкова, но онъ не пришелъ. Перешли въ залу, а Андрей Дмитріевичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, опять, попрежнему, разлегся на диванѣ и тоскливо слушалъ, какъ въ залѣ нестройно и нескладно разучивали „Риголетто“. Грустныя мысли роились въ его головѣ. Оленька проводитъ цѣлый день, все свое время съ этими господами. Здѣсь ихъ трое, но въ школѣ, должно быть, неисчислимое множество, и всѣ, понятно, болѣе или менѣе, на одинъ ладъ, т. е. всѣ такъ же первобытны, какъ

Digitized by Google

Кряковъ, Подпоркинъ и Оглоблина. Самъ онъ очень любитъ музыку, не слишкомъ скверно играетъ на віолончели и даже съ Оленькой познакомился на почвѣ музыки. Оленька такъ мило пѣла цыганскіе романсы, русскія пѣсни и студенческіе чувствительно-гражданскіе стихи на мотивъ изъ „Лукреціи". Это было давно, онъ тогда былъ еще студентомъ медицины. Но онъ никогда не имѣлъ въ виду, что музыка сдѣлается единственнымъ занятіемъ Оленьки, поглотитъ ее и изгонитъ изъ ея души всѣ другіе интересы. Оленька никогда не отличалась серьезностью, особеннымъ стремленіемъ къ образованію, къ книгѣ, къ умственнымъ интересамъ. Но все же она любила и новую книжку просмотрѣть, и журнальную статью пробѣжать, и выслушать ту или другую общественную новость. Но вотъ года четыре назадъ кто-то изъ знакомыхъ сказалъ ей, какъ всегда говорятъ въ такихъ случаяхъ, что „съ ея стороны преступленіе—не учиться пѣть", при чемъ были упомянуты такія слова, какъ „успѣхъ, фуроръ, слава, украшеніе сцены, искусство", пошли профессора пѣнія, которые мѣнялись каждые полгода, потому что знакомые рекомендовали новыхъ, и, наконецъ,—музыкальная школа, которая окончательно поглотила Оленьку. О томъ уже и говорить нечего, что дѣти почти не видятъ ее и грубѣютъ съ каждымъ днемъ, что ему едва удается поболтать съ нею полчаса въ день; но онъ просто замѣчаетъ, что умственный уровень Оленьки явно понижается. Она ровно ничего не читаетъ, ну, хоть бы романъ какой взяла, и того нѣтъ,—ни о чемъ съ нею говорить нельзя,—она всегда переходитъ на однѣ и тѣ же темы — объ операхъ, объ артисткахъ, о профессорахъ, о постановкѣ голоса, о нюансахъ. И теперь вотъ это общество: въ первое время, когда она приходила изъ школы, она была разстроена и жаловалась:

— Боже мой, какъ они всѣ первобытны—эти пѣвцы и профессора! Съ ними рѣшительно ни о чемъ нельзя говорить! Они точно не знаютъ о существованіи другого міра, кромѣ опернаго!

А теперь она ужъ не жалуется на это и чувствуетъ себя въ этомъ обществѣ не дурно. Но, вѣдь, это обидно! Оленька—не глупая, очень даже не глупая женщина, она оживляла общество своей веселой, нервной, остроумной болтовней, обладая замѣчательной способностью обо всемъ

Digitized by Google

говоритъ умно и дѣльно. А теперь, если при ней заговорятъ о чемъ-нибудь, не относящемся къ музыкѣ, пѣнію, сценѣ, у нея дѣлается какой-то уныло-подавленный, скучающій видъ, она молчитъ или уходитъ.

И какъ они дерутъ тамъ—эти пѣвцы, особенно, Подпоркинъ, который вретъ какъ-то самоувѣренно. И голосъ у него препротивный, сдавленный, кошачій. Ну, вотъ, слава Богу, кончили и расходятся.

— Смотрите же, завтра въ одиннадцать часовъ у меня! сказала на прощанье Ольга Сергѣевна.—И Огузкова привезите! Скажите, если не придетъ, я разсержусь! Мы пройдемъ „Риголетто" отъ начала до конца!

„Ого! Завтра, значитъ, цѣлый день у насъ будетъ стоять вой нестерпимый", подумалъ Андрей Дмитріевичъ; но тутъ же рѣшилъ ни однимъ словомъ не высказывать Оленькѣ своего недовольства. Когда она вошла въ кабинетъ и присѣла около него на диванѣ, онъ почувствовалъ, что все озлобленіе его прошло. Такъ рѣдко они бывали вмѣстѣ, вдвоемъ, такъ рѣдко музыка отпускала ее ему.

— Ахъ, какъ я устала сегодня! промолвила она, сонливо потягиваясь. — У насъ теперь идутъ репетиціи... Тромбони ставитъ для меня „Риголетто". Теперь два мѣсяца у насъ будетъ горячка... репетиціи въ классѣ, потомъ съ оркестромъ, потомъ съ хоромъ, затѣмъ перейдемъ въ театръ и тамъ репетиціи... я въ восторгѣ... Ахъ, ты не можешь представить себѣ, въ какомъ я восторгѣ... Всѣ говорятъ, рѣшительно всѣ говорятъ, что я буду блестящая Джильда... Вся школа только объ этомъ и говоритъ... Директоръ жметъ мнѣ руку, всѣ заискиваютъ...

Андрей Дмитріевичъ взялъ ея руку и, самъ не понимая почему, почувствовалъ, что она въ эти минуты далека отъ него. Она говорила долго, долго, ея усталость и сонливость прошли, она оживилась, ея хорошенькіе темные глазки блестѣли, а онъ слушалъ ее, молча, и въ сердцѣ его впервые въ этотъ вечеръ зарождалось какое-то новое чувство унынія, одиночества,—то чувство, которое испытываетъ человѣкъ, когда на глазахъ у него мало-по-малу отъ него ускользаетъ нѣчто дорогое, любимое, святое... Но онъ ни слова не сказалъ ей ни о дѣтяхъ, ни о глуномъ обществѣ. Зачѣмъ? Она такъ восторженно жила въ своихъ радужныхъ мечтахъ о славѣ, а онъ такъ нѣжно любилъ ее... Зачѣмъ?

Digitized by Google

16 - 16 NOTHEBE

какъ извозчикъ! Гордый осанка и пошелъ вонъ!... Монтероне—графъ, а нѣтъ—cocher!....

Всѣ эти восклицанія свободно раздавались на сценѣ, заглушая и оркестръ, и пѣвцовъ, и никого они не шокировали и не обижали. Тромбони здѣсь царилъ, ему, его извѣстной опытности каждый довѣрялъ всѣ свои силы, всѣ свои способности, въ полной увѣренности, что онъ-то и проведетъ самой вѣрной дорогой къ славѣ.

Еще одна большая репетиція, и, наконецъ, приблизился день спектакля. Уже за двѣ недѣли передъ этимъ истинные любители музыки и покровители искусства начали дѣлать набѣги на музыкальную школу и записываться на мѣста. Такихъ любителей и покровителей всегда оказывается очень много, когда мѣста объявлены даровыми; ихъ берутъ съ бою, и потому ко дню спектакля весь театръ отъ низу до верху былъ разобранъ по кусочкамъ, и многіе, запоздавшіе, уже теперь просили о повтореніи спектакля, конечно, при условіи, что оно также будетъ даровое.

Наканунѣ этого дня Ольга Сергѣевна Бравина цѣлый день не выходила изъ дому. Ей былъ данъ отдыхъ послѣ ста репетицій.

Тромбони посовѣтовалъ ей провести этотъ день спокойно и пріятно, безъ треволненій, безъ огорченій, чтобъ нервы уравновѣсились и голосъ окрѣпъ. Но это было очень трудно сдѣлать. Сто репетицій, происходившихъ почти каждый день подъ-рядъ, съ тысячью недоразумѣній и волненій, разстроили ей нервы. Андрей Дмитріевичъ уже давно замѣтилъ, что то, на что она прежде не обратила-бы вниманія, какая-нибудь спичка, попавшая на коверъ, вмѣсто того, чтобы занимать присущее ей мѣсто въ пепельницѣ, выводила ее изъ себя, она звонила, звала горничную и дѣлала ей самый серьезный выговоръ. Дѣтскій крикъ заставлялъ ее закрывать уши и убѣгать въ отдаленную комнату, ихъ капризы и прихоти, которые она прежде находила естественными и извинительными, вызывали съ ея стороны суровый отпоръ. Глаза ея постоянно горѣли, и возбужденный взоръ какъ-то невнимательно скользилъ по всѣмъ предметамъ домашней обстановки, разсѣянно останавливался на мужѣ и дѣтяхъ, какъ будто — ея домъ, мужъ и дѣти — все это было нѣчто случайное, а ее всю обнималъ какой-то другой міръ, въ которомъ она жила мысленно. При самыхъ обыкновенныхъ обращеніяхъ гор-

Digitized by Google

ничной или няньки по какому-нибудь домашнему вопросу, она вздрагивала, переспрашивала и даже какъ будто не сразу понимала.

„Что съ нею дѣлается! Что съ нею дѣлается! Боже мой!“ тревожно думалъ Андрей Дмитріевичъ и все собирался поговорить съ женой серьезно, толково, вразумительно, спокойно выяснить ей, какъ вредно отражается на ея здоровьѣ и на домашнихъ интересахъ ея чрезмѣрное увлеченіе своимъ ученическимъ дебютомъ. Но когда онъ думалъ о томъ, что этотъ разговоръ можетъ огорчить ее и разстроить еще больше, ему становилось жаль ея, и онъ говорилъ себѣ: „нѣтъ, послѣ, послѣ, теперь она слишкомъ возбуждена, теперь не время“.

Послѣднюю недѣлю передъ спектаклемъ онъ нѣсколько разъ былъ въ театрѣ. За кулисы онъ не ходилъ, а сидѣлъ въ партерѣ, одиноко и притаившись въ самомъ темномъ углу. Онъ сидѣлъ, не спуская глазъ со сцены. Оленька пѣла превосходно, онъ это понималъ и чувствовалъ. Голосъ ея развился замѣчательно, и, дѣйствительно, были правы тѣ, кто совѣтовалъ ей учиться. И когда онъ смотрѣлъ на то, какъ одобрительно, почти восторженно къ ней относился профессоръ Тромбони, какъ привѣтливо кивалъ ей головой управлявшій оркестромъ дирижеръ, какъ всѣ сидѣвшіе въ темнотѣ театральной залы, язвительно злобствовавшіе по поводу всѣхъ другихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, относительно его жены единодушно отзывались одобрительно, какъ, наконецъ, на генеральной репетиціи, послѣ того какъ Ольга Сергѣевна блестяще спѣла свою арію, все, что было въ театрѣ, разразилось аплодисментами, музыканты оркестра положили свои инструменты и хлопали, а Тромбони и директоръ хлопали больше всѣхъ и, не дожидаясь конца дѣйствія, побѣжали къ ней и стали пожимать ей руки,—когда онъ все это видѣлъ и слышалъ, то переживалъ странное чувство—сладостное и мучительное. Шумный и, притомъ, заслуженный успѣхъ Оленьки внушалъ ему гордость и радость за то ощущеніе счастья, какое въ ту минуту переживала его жена. Вѣдь, у нихъ была общая жизнь, общее имя, и что-жъ удивительнаго, если успѣхъ жены въ глубинѣ и его души будилъ тщеславіе, странное тщеславіе врача по поводу сценическаго успѣха жены. Но въ этомъ восторженномъ шумѣ аплодисментовъ, когда видишь и чувствуешь, что они вызваны

Digitized by Google

единодушнымъ порывомъ, есть что-то опьяняющее, наполняющее голову чадомъ... Но въ то-же время онъ какъ-то смутно понималъ, что Оленька въ эти минуты была вся проникнута чувствомъ, чуждымъ ему и семьѣ, что весь этотъ чадъ успѣха какъ-бы уноситъ ее всю въ другой міръ, отдѣляетъ ее отъ него. „Вотъ, думалъ онъ,—если-бъ въ эту минуту, въ моментъ самаго высшаго напряженія ея успѣха, передъ ней поставили дилемму: мужъ, семья, или сцена съ ея соблазнами славы и всеобщаго поклоненія, развѣ у нея хватило-бы силы отказаться отъ послѣдней? Нѣтъ, и это естественно, понятно, логично, и это ужасно!... Въ этотъ моментъ она не думаетъ и не можетъ думать обо мнѣ, о дѣтяхъ, въ этотъ моментъ она намъ чужая, она—не тотъ человѣкъ, не та простая, веселая, милая Оленька, которую я такъ горячо люблю, а существо, принадлежащее всей этой публикѣ, всѣмъ тѣмъ, кто придетъ восхищаться ею.... Конечно, это моментъ, онъ пройдетъ, едва смолкнутъ аплодисменты; но это страшный моментъ, страшный для интересовъ нашей семьи. Быть-можетъ, кто разъ пережилъ такой моментъ, тотъ уже не можетъ вполнѣ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде“.... Теперь, наканунѣ спектакля, наканунѣ того дня, когда школьный успѣхъ Оленьки, представлявшійся до сихъ поръ еще частнымъ дѣломъ, долженъ былъ сдѣлаться достояніемъ большой публики, онъ цѣлый день былъ самъ не свой. Если все, до этого времени происшедшее, до такой степени измѣнило характеръ Оленьки, такъ глубоко повліяло на нее, что-же сдѣлаетъ этотъ грандіозный успѣхъ въ биткомъ на битомъ театрѣ, эти рецензіи въ газетахъ, эти безконечные разговоры по всей столицѣ? Не будетъ-ли этотъ день роковымъ днемъ для него и для семьи? Онъ думалъ надъ вопросомъ, какъ-бы такъ поосторожнѣй заговорить объ этомъ съ Ольгой Сергѣевной. Надо, по крайней мѣрѣ, знать, думаетъ-ли она объ этомъ серьёзно и какъ сама смотритъ на дѣло.

Вечеромъ къ нимъ никто не пришелъ, они пили чай вдвоемъ. Ольга Сергѣевна казалась утомленной, и это дало ему первый поводъ завязать разговоръ.

— Не странно-ли, Ольга, что ты сегодня, когда цѣлый день была дома и отдыхала, утомлена больше, чѣмъ когда-бы то ни было? промолвилъ онъ простымъ тономъ, даже съ улыбкой, боясь больше всего, чтобъ разговоръ не имѣлъ вида серьёзнаго объясненія.

Digitized by Google

— Я оттого и утомлена, что сидѣла цѣлый день дома! сказала она какъ-бы вскользь, наливая чай въ свою чашку.

— Какъ? ты, значитъ....

Онъ не докончилъ фразы, тотчасъ-же самъ испугавшись ея конца. Вѣдь конецъ былъ-бы таковъ: „ты, значитъ, утомлена обществомъ моимъ и дѣтей, которыхъ видишь такъ рѣдко?“ Нѣтъ, этого вопроса не надо ставить. Онъ опасенъ. Можетъ быть, это не такъ, это даже навѣрно не такъ, а вопросъ заставитъ ее подумать, что это такъ.

— Но я не понимаю, почему-же? спросилъ онъ вмѣсто этого.

— Привычка, Андрей.... я такъ привыкла каждый день бывать въ школѣ и въ театрѣ, что мнѣ просто не по себѣ безъ этого.

Она сказала это такъ же, какъ и прежнюю фразу, вскользь, очевидно, не придавая этому серьёзнаго значенія и совершенно не замѣчая, какъ поражаютъ его эти отвѣты.

— Но это дурная привычка, мой другъ, надо отвыкать отъ нея!.. промолвилъ Андрей Дмитріевичъ очень серьёзно, но осторожно и мягко.

— Напротивъ!.. Зачѣмъ-же отвыкать? Мнѣ придется постоянно проводить дни и вечера на сценѣ....

— Почему-же? я все-таки не понимаю!

— Да какъ-же? Днемъ—репетиція, вечеромъ спектакль, это—почти каждый день....

— Развѣ у васъ будутъ продолжаться занятія и послѣ спектакля?

— О, нѣтъ... На будущей недѣлѣ публичный экзаменъ, и конецъ!... Какія-же теперь занятія?...

— Такъ о какихъ-же спектакляхъ и репетиціяхъ ты говоришь?

— Ахъ, Боже мой! Когда я поступлю на сцену.... осенью, разумѣется....

— Ты—на сцену? Ты поступишь на сцену? съ изумленіемъ и вмѣстѣ съ ужасомъ спросилъ онъ.

— Да что ты, Андрей? Неужели-же нѣтъ? Послѣ такого успѣха не поступить на сцену? Но это было-бы глупо, непростительно, преступно!... Да неужели-же это для тебя новость? кажется, это такъ ясно само собой....

И это было произнесено какъ-бы нехотя и вскользь, какъ заявленіе о дѣлѣ, давно рѣшенномъ, ясномъ и не допускающемъ сомнѣній.

Digitized by Google

— Но зачѣмъ-же тебѣ на сцену? Ты отлично обезпечена, ты имѣешь полную возможность заниматься музыкой дома, сколько тебѣ угодно....

— Ахъ, какія ты глупости говоришь, Андрей!... Право, это меня даже раздражаетъ!...

И она сдвинула плечами, какъ будто ощутила нервный ознобъ. Повидимому, она считала разговоръ на эту тему оконченнымъ. Но Андрей Дмитріевичъ на этотъ разъ не могъ принять во вниманіе ея раздраженіе, дѣло было слишкомъ серьёзно.

— Нѣтъ, Оленька, я очень серьёзно говорю! сказалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ.—Я не могу допустить мысли, что ты поступишь на сцену. Въ этомъ нѣтъ надобности, и это тебѣ не по характеру... Наконецъ, ты никогда не говорила объ этомъ со мной...

— Ха, ха, ха, ха! Ахъ, Андрей, какой-ты смѣшной! О чемъ-же тутъ говорить? Это ясно! Ты—чудакъ... Нѣтъ, нѣтъ, не говори, это только разстроитъ меня! Тромбони велѣлъ мнѣ сегодня совсѣмъ не волноваться, иначе завтра будетъ дрожать голосъ... Я сейчасъ иду спать, Тромбони велѣлъ пораньше лечь спать и хорошенько выспаться. Спокойной ночи, Андрей!

Она поднялась и, кивнувъ ему головой, вышла изъ столовой...

„Тромбони велѣлъ не волноваться, Тромбони велѣлъ спать!“

Эти слова звучали въ его ушахъ неумолкаемо, повторяясь тысячу разъ на тысячу ладовъ. Жила-была на свѣтѣ семья: мужъ, жена и дѣти. Они всѣ любили другъ друга, зависѣли другъ отъ друга и ни отъ кого больше. Никто, рѣшительно никто не вмѣшивался въ ихъ судьбу, и жилось имъ хорошо, жизнь ихъ была наполнена неизсякаемыми *своими* интересами, которыхъ всегда такъ много въ тѣсной, дружески сплоченной, семьѣ. Вдругъ являются откуда-то извнѣ какіе-то посторонніе интересы, вдругъ появляется новое вліятельное имя, которое произносится со значеніемъ неоспоримаго авторитета: „Тромбони сказалъ! Тромбони велѣлъ, даже *велѣлъ*“, и это — законъ, это она спѣшитъ исполнить, потому что вѣритъ въ этого Тромбони, какъ въ Бога. Кто такой этотъ Тромбони? Пѣвецъ, по всей вѣроятности, вышедшій изъ булочниковъ, макаронщиковъ, приказчиковъ, человѣкъ необразованный

Digitized by Google

только понатершійся въ разныхъ слояхъ общества и положеніяхъ, человѣкъ грубый, но смѣлый, рѣшительный, самоувѣренный, въ душѣ смѣющійся надъ общимъ поклоненіемъ, у себя дома наединѣ со своей женой издѣвающійся надъ этими глупенькими русскими барыньками, которыя платятъ ему по десяти рублей за полчаса, только потому, что онъ Тромбони, что двадцать лѣтъ тому назадъ онъ что-то такое тамъ создалъ, гдѣ-то, на какой-то сценѣ, въ какомъ-то театрѣ.... И этотъ человѣкъ вліяетъ на ихъ жизнь, его вліяніе отчуждаетъ отъ него жену, а отъ дѣтей мать. Однакожъ, Андрей Дмитріевичъ находитъ теперь глупымъ свое удивленіе по поводу того, что Оленька хочетъ поступить на сцену. Развѣ объ этомъ нельзя было догадаться раньше? Если бы она объ этомъ не мечтала, то не добивалась бы участія въ спектаклѣ, не посвящала бы ему все свое время, не отдавалась бы ему такъ всецѣло... Не надо быть глубокимъ психологомъ, чтобы понять это. Но куда же это поведетъ? Уже теперь Оленька становится какъ бы чужою ему и семьѣ, уже и теперь она скучаетъ до утомленія, когда одинъ только день ей пришлось просидѣть дома безъ музыки, безъ игры, безъ этого глупаго общества Подпоркиныхъ, Огузковыхъ, Оглоблиныхъ, Кряковыхъ и имъ подобныхъ, безъ избитыхъ комплиментовъ ея голосу и пѣнію, и... и, можетъ быть, красотѣ!.. Что-жъ тутъ удивительнаго? Это такъ легко и просто цѣпляется одно за другое. Оленька красива, статна, отлично сложена! Ея довольно высокій ростъ, при хорошей, симметричной фигурѣ, такъ много выигрываетъ со сцены. Теперь она является еще въ качествѣ ученицы, и ей говорятъ только: „ахъ, какой у васъ чудный голосъ! Ахъ, какъ вы хорошо поете!“ и это ей кружитъ голову. А потомъ—на большой сценѣ, гдѣ шире поставлено не только искусство, но и свобода нравовъ, ей станутъ говорить: „О, какъ вы прелестны! Какъ вы очаровательны!“ Будутъ съ артистическимъ обожаніемъ добиваться ея улыбки, ловить ея руки для поцѣлуя... Это окончательно отуманитъ ея голову...

Но какъ же это онъ выноситъ такія мысли въ своей головѣ, сидя въ столовой за столомъ надъ давно остывшимъ стаканомъ чаю? Вѣдь, эти мысли не фантастичны, онѣ съ неумолимой логикой вытекаютъ изъ всего, что было въ послѣднее время... Въ нихъ заключается зерно

Digitized by Google

его личнаго несчастья, зачатокъ разложенія въ семьѣ, которой онъ дорожитъ, какъ самой святой вещью, какая только была у него въ жизни.

Сердце у него бьется такъ тревожно, какъ будто несчастье, еще только логически вытекающее изъ обстоятельствъ въ его воображеніи, уже случилось. Ему кажется, что онъ долженъ выйти изъ свой роли невмѣшательства, хотя это противорѣчитъ его основнымъ принципамъ. Онъ долженъ бѣжать къ ней и привести ей рядъ разумныхъ, убѣдительныхъ доводовъ, долженъ умолять ее, плакать, чтобы спасти семью... Наконецъ, онъ долженъ, онъ имѣетъ право наложить свое veto, запретить!..

Но онъ сидитъ неподвижно на своемъ мѣстѣ часъ, и другой, и третій. Горничная пришла, убрала самоваръ и посуду. Это заставило его перейти въ кабинетъ. Уже около часу. Онъ не станетъ безпокоить Оленьку. Пусть спитъ.

Онъ сегодня остался такимъ же мягкимъ, нерѣшительнымъ человѣкомъ, какимъ былъ всегда. Этотъ гигантъ, съ такимъ внушительнымъ видомъ, этотъ, повидимому, грубый, рѣзкій, твердый человѣкъ могъ передумать самые рѣшительные планы, но предпринять ничего не могъ, въ особенности, то, что могло обезпокоить Оленьку.

Онъ не спалъ до утра, утромъ сомкнулъ глаза часа на два, а въ восемь часовъ быстро и порывисто одѣлся, выпилъ стаканъ молока, потому что самоваръ еще не былъ готовъ, и пошелъ пѣшкомъ въ больницу, которая отстояла отъ его квартиры верстахъ въ трехъ. И когда онъ дѣлалъ большіе шаги по панели, то очень хорошо сознавалъ, что съ его стороны это малодушіе, что, въ сущности, онъ бѣжалъ отъ объясненія, которое было необходимо, потому что могло, быть можетъ, отстранить бѣду. „Ну, а можетъ быть, я ошибаюсь, и мои страхи напрасны? думалъ онъ въ свое успокоеніе, подъ вліяніемъ свѣжаго утренняго воздуха. — Можетъ быть, я преувеличиваю. Оленька, вообще, склонна увлекаться всѣмъ тѣмъ, что ново, и это для нея ново, вотъ и все... Что же я буду торопиться и забѣгать впередъ? Зачѣмъ создавать положеніе, которое еще само можетъ и пройти мимо?“ Всѣ его рѣшительныя мысли, обыкновенно, кончались успокоеніемъ. Въ этотъ день онъ не торопился домой и вернулся только къ шести часамъ. Они встрѣтились съ Ольгой

Digitized by Google

рѣевной въ передней. Она была уже въ накидкѣ, съ закутанными платкомъ головой и частью лица.

— Ты уже ѣдешь? спросилъ онъ.

— О, да! Тромбони велѣлъ всѣмъ быть къ семи часамъ въ театрѣ! Прощай, пожелай мнѣ успѣха! отвѣтила она и на ходу поцѣловала его въ щеку. — А ты послѣ пріема пріѣдешь?

— Да, я постараюсь пораньше!

Она уже исчезла. „Тромбони велѣлъ!.. Опять Тромбони велѣлъ... мелькнуло въ его головѣ. — Моя жена постепенно опускается до того состоянія, когда авторитетъ какого-нибудь темнаго и невѣжественнаго Тромбони можетъ замѣнить ей все... Фу, ты... что за гнусныя мысли, однако? Тромбони ея профессоръ, и очень естественно, что она подчиняется его распоряженіямъ!..“ Онъ наскоро пообѣдалъ и открылъ пріемъ, не заставивъ никого изъ паціентовъ ждать. Онъ торопился въ театръ. Его тянуло туда, ему хотѣлось не пропустить выхода Оленьки. Она должна была появиться во второмъ дѣйствіи. И вотъ, въ девять часовъ онъ уже въ театрѣ. Въ антрактѣ онъ прислушивается къ разговорамъ въ публикѣ и убѣждается, что слово „Бравина“ у всѣхъ на устахъ; всѣ слышали о ней, всѣ ждутъ отъ нея чего-то замѣчательнаго. Объ остальныхъ ни у кого нѣтъ и рѣчи. Можно было думать, что всѣ эти Огузковы, Подпоркины, Оглоблины, Кряковы существуютъ лишь для того, чтобы лучше оттѣнить Бравину.

— Вы знаете, это будущая звѣзда! Она затмитъ такую-то! восклицали въ буфетѣ, и при этомъ называли имя извѣстной пѣвицы, царившей на большой сценѣ.

Андрей Дмитріевичъ выслушивалъ эти смѣлыя ожиданія, и съ каждой такой фразой, случайно долетавшей до его слуха, сердце у него билось сильнѣе, и весь онъ поддавался какому-то странному ощущенію страха и надежды, и духъ его то возвышался, подымаемый дерзкой самоувѣренностью, то мгновенно падалъ, подъ вліяніемъ мучительнаго сомнѣнія. Вѣдь, это имя, которое было у всѣхъ на устахъ,—его имя; вѣдь, Оленька—его святыня, его душа. И, садясь на свое мѣсто передъ началомъ дѣйствія, онъ чувствовалъ себя столь же отвѣтственнымъ за то, что должно было сейчасъ произойти на сценѣ, какъ будто онъ самъ выступалъ передъ публикой. Голова его была охвачена туманомъ, все, что наполняло театральный залъ, г

Digitized by Google

публика, и обстановка, сливалось въ его глазахъ въ нѣчто цѣльное и живое, казавшееся ему то страшнымъ чудовищемъ, которое вотъ-вотъ набросится на его доброе имя и обольетъ его ядомъ насмѣшки, презрѣнія, позора, то—какимъ-то великимъ, дружески расположеннымъ существомъ, готовымъ окружить его имя славой. „Я сумасшедшій, я сумасшедшій! твердилъ онъ мысленно:—и если я до такой степени поддаюсь обаянію этой обстановки, я—за Оленьку, то что же должна чувствовать сама Оленька?“ И онъ начиналъ понимать ея нервность послѣднихъ дней, ея отчужденность отъ домашнихъ интересовъ, ея непоколебимую рѣшимость поступить на сцену, даже ея готовность безпрекословно исполнять приказы Тромбони, опытная рука котораго смѣло и увѣренно передъ лицомъ всей этой публики выводитъ ее на подмостки славы. Какъ ни мучительно было это сознаніе, но это такъ, и иначе быть не могло. И вотъ онъ чувствуетъ, что сердце его замерло, будто перестало биться. Оленька на сценѣ. Первыя ея фразы звучатъ робко, ея волненіе передается ему; но вотъ ея голосъ разрастается и начинаетъ звучать превосходно; онъ видитъ, что весь театръ проникается симпатіей къ ней, что эта симпатія мало-по-малу переходитъ въ восторгъ, а восторгъ выливается въ бурномъ тріумфѣ, который соединяетъ въ одно цѣлое весь театръ. Среди этихъ немолчныхъ криковъ, среди моря аплодисментовъ, онъ слышитъ свое имя, одно только свое имя; онъ сидитъ въ своемъ креслѣ неподвижно, точно окаменѣлый, и не видитъ ничего, кромѣ сіяющаго, проникнутаго вдохновеннымъ восторгомъ, лица Оленьки. Она выходитъ десятки разъ, выходитъ съ другими, потомъ одна, наконецъ, съ Тромбони, который смотритъ на нее благодарнымъ взглядомъ и театральнымъ жестомъ отдаетъ ей, только одной ей весь успѣхъ.

Такъ шла вся опера до конца. Кажется, и Подпоркинъ, исполнявшій роль герцога, и Огузкинъ, пѣвшій шута, имѣли успѣхъ, но все это блѣднѣло передъ успѣхомъ Бравиной. Въ коридорахъ, въ фойэ, въ буфетѣ, въ курилкѣ, было единодушно рѣшено, что она—звѣзда крупной величины. Безъ сомнѣнія, сто разъ ему приходилось слышать подробности изъ жизни своей и Оленьки. Публика никогда не довольствуется тѣмъ, что любимый артистъ даетъ ей на сценѣ. Она требуетъ, чтобы открыли его жизнь. Съ

Digitized by Google

той минуты, какъ она дала ему слово, она считаетъ его уже своимъ достояніемъ...

— Вы знаете, мужъ ея докторъ... Да, да... Онъ по нервнымъ болѣзнямъ... Вообще, это музыкальная семья. Онъ играетъ на віолончели, и прекрасно играетъ... но онъ не выступаетъ публично, потому что онъ докторъ... Они прекрасно живутъ... Это самая нѣжная парочка... Да, да! У нихъ трое дѣтей... Она восемь лѣтъ замужемъ... Въ школѣ два года... Прежде училась у профессора Миретти, частнымъ образомъ и у Фоллеши...

„Откуда они все это узнаютъ?“ думалъ Андрей Дмитріевичъ, и ему хотѣлось думать, что онъ возмущается этимъ, но, въ дѣйствительности, онъ жадно вслушивался во всѣ эти отрывочные разговоры, какъ будто сообщавшіяся здѣсь подробности о его жизни были для него новостью.

Не досидѣвъ до конца послѣдняго дѣйствія, онъ вышелъ изъ партера, надѣлъ пальто и прошелъ за кулисы. Онъ уже раньше взялъ карету и велѣлъ кучеру стоять неподалеку отъ подъѣзда для артистовъ. Онъ воображалъ себѣ, какъ Оленька страшно утомлена и съ какимъ наслажденіемъ она поѣдетъ домой. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ ступилъ за сцену, послѣдній занавѣсъ опустился, и изъ театральнаго зала глухо доносились дружные крики, въ которыхъ опять-таки можно было явственно различить только одно имя Бравиной. На сценѣ была суматоха; его толкали; онъ наткнулся на профессора Тромбони, который окатилъ его, какъ посторонняго человѣка, свирѣпымъ взглядомъ.

„Пожалуй, это скверное животное думаетъ, что имѣетъ теперь на мою жену больше правъ, чѣмъ я!..“ мелькнуло у него въ головѣ.

Наконецъ, онъ увидѣлъ Оленьку. Она стояла у кулисы, занавѣсъ подымали, она выходила и кланялась. Онъ подошелъ къ кулисѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она вернулась со сцены; она скользнула по его лицу взглядомъ, но осталась равнодушна. Она его не узнала. Она вся дрожала отъ волненія и, по всей вѣроятности, не видѣла и не узнавала никого и ничего. Она вся была тамъ, на сценѣ, передъ рукоплещущей и выкрикивающей ея имя толпой.

Но вотъ вызовы кончились; она вернулась къ кулисѣ въ послѣдній разъ.

Digitized by Google

— Оленька! окликнулъ ее Андрей Дмитріевичъ.

Она вздрогнула, и ея слишкомъ серьезное отъ чрезмѣрнаго волненія лицо вдругъ просіяло.

— Ты? Андрей? Ахъ, какъ я рада, что ты пришелъ!.. Я умираю отъ... отъ всего этого!..

Она взяла его подъ руку и твердо оперлась.

— Проводи меня въ уборную... Я просто не въ состояніи сама добраться!.. Ты видѣлъ? Слышалъ?

— Видѣлъ и слышалъ, Оленька! И самъ страшно взволнованъ... Но ты вся дрожишь, это ужъ черезчуръ... Это можетъ потрясти твой организмъ!.. отвѣтилъ онъ мягко и съ оттѣнкомъ нѣжности въ голосѣ.

— Не знаю... Можетъ быть... Но это все равно!..

Они пришли въ уборную,—скверный чуланъ съ закопчеными стѣнами, съ какими-то скамьями вмѣсто стульевъ.

— Ты пришелъ въ театръ во-время? спросила она.

— Да, ко второму дѣйствію...

— Пожалуйста, милый, когда пріѣдешь домой, загляни въ дѣтскую и спроси у няни, спокойно-ли спали дѣти... Я безпокоюсь...

Въ первое мгновеніе онъ даже не понялъ этой просьбы, но потомъ сообразилъ.

— Какъ? ты развѣ не со мной ѣдешь? воскликнулъ онъ.

— Мы всѣ ѣдемъ къ графу... Онъ всѣхъ пригласилъ. Онъ устраиваетъ намъ ужинъ! тономъ простого сообщенія факта промолвила она.

— Какой графъ? спросилъ онъ, весь вспыхнувъ.

— Какъ какой графъ? У насъ одинъ графъ, — покровитель нашей школы...

Онъ немного успокоился. Онъ вспомнилъ, что есть такой графъ, старая развалина, покровительствующій музыкѣ потому, что онъ совсѣмъ глухъ и свободно спитъ на музыкальныхъ вечерахъ.

— Но, Оленька!.. Ты и безъ того утомлена.. Это повредитъ твоему здоровью!.. попытался онъ возразить.

— Какъ? ты хочешь, чтобы я не поѣхала? Боже сохрани! Всѣ другіе поѣдутъ, а я нѣтъ? Какъ можно! Графъ обидится... Онъ страшно обидчивъ... Ты видѣлъ, какъ онъ сидѣлъ въ ложѣ? Во время дѣйствія онъ спалъ, а послѣ дѣйствія лакей будилъ его, и онъ начиналъ аплодировать мнѣ... Это любезность! Я не могу не поѣхать... Онъ

Digitized by Google

вліятельный человѣкъ. Отъ него, отчасти, зависитъ поступленіе на сцену...

— Госпожа Бравина! Васъ хочетъ видѣть графъ! промолвила просунувшаяся въ дверь голова.

— Ну, прощай, Андрей, прощай!.. торопливо заговорила она, цѣлуя его, по своей привычкѣ, въ щеку. — Не забудь въ дѣтскую заглянуть. Прощай!.. Я сейчасъ! громко отвѣтила она въ дверь.

Андрей Дмитріевичъ вышелъ изъ театра, поднявъ воротникъ пальто и нахлобучивъ шляпу. Мысли у него были самыя мрачныя. Онъ думалъ, что они поѣдутъ домой съ Оленькой вмѣстѣ, и что она первому ему восторженно разскажетъ свои сегодняшнія впечатлѣнія. Но и тутъ нашлась помѣха. „Тромбони велѣлъ... Графъ желаетъ видѣть... Графъ дѣлаетъ ужинъ... Графъ обидится... Отъ него зависитъ поступленіе на сцену...“ Все это были новыя слова, новыя выраженія въ языкѣ Оленьки, и, конечно, они должны повліять на ихъ жизнь. До сихъ поръ они зависѣли только другъ отъ друга, теперь являются въ ихъ жизни новыя личности, въ родѣ Тромбони, графа, желанія и взгляды которыхъ надо принимать во вниманіе... Какъ все это печально и какимъ тяжелымъ мракомъ это сознаніе наполняетъ его душу!

„Я ѣду одинъ въ каретѣ! Что̀ за нелѣпость! Никогда не ѣзжу въ каретѣ!“ сердито думалъ онъ, и ему казалось это невѣроятно глупымъ и обиднымъ.

Онъ не спалъ всю эту ночь, онъ—никогда не знавшій, что такое безсонница. Когда въ пять часовъ утра раздался двойной звонокъ, онъ не вышелъ изъ кабинета, чувствуя, и самъ не зная почему, что встрѣча съ Оленькой въ эту минуту была бы тяжела для него.

Въ восемь часовъ онъ одѣлся и, усталый, совершенно разбитый, ушелъ въ больницу.

IV.

— Нѣтъ, ты этого не понимаешь, ты этого не понимаешь, Андрей! ты не можешь влѣзть въ мою душу!.. говорила Ольга Сергѣевна нервнымъ голосомъ, въ которомъ слышались одновременно и слезы, и злость.—Ты поймиже, что это безобразіе, произволъ, это какое-то насиліе!.. Я желаю выступить передъ публикой во всеоружіи. Я хочу появиться въ лучшей моей роли. А они заставляютъ

Digitized by Google

меня пѣть Гориславу... Пойми-же это! Я Гориславы никогда не проходила въ школѣ, она мнѣ не по голосу, и не люблю я этой партіи, она мнѣ не по душѣ!.. Я ее терпѣть не могу!..

Она говорила это такъ, какъ будто „Горислава" была ея личнымъ кровнымъ врагомъ, надѣлавшимъ ей множество зла. Это было за обѣдомъ. Андрей Дмитріевичъ пришелъ изъ больницы утомленный и голодный, а Ольга Сергѣевна ѣла плохо и, въ продолженіе всего обѣда, нервно разсказывала ему о своихъ театральныхъ непріятностяхъ.

Со времени ученическаго спектакля прошло болѣе двухъ недѣль. Въ школѣ экзаменъ былъ отложенъ на конецъ мая. Да Ольга Сергѣевна и интересовалась имъ очень мало. Что такое было для нея экзаменъ послѣ того блестящаго успѣха, какой выпалъ на ея долю на ученическомъ спектаклѣ? Ну, выйдетъ она на эстраду школьнаго зала, въ которомъ она десятки разъ уже появлялась и всегда вызывала удивленіе и восхищеніе, пропоетъ арію и еще разъ вызоветъ удивленіе и восхищеніе, ее похвалятъ, поставятъ ей высшій баллъ, потомъ назначатъ медаль. Что тутъ заманчиваго? Каждый годъ кто-нибудь получаетъ медаль; но такія явленія, какъ она, бываютъ далеко не каждый годъ. Нѣтъ, послѣ дебюта на ученической сценѣ, кругозоръ ея расширился, и она видѣла передъ собой только одно: дебютъ на большой сценѣ, передъ большой публикой, и затѣмъ амплуа первой пѣвицы.

Она не ѣздила въ школу. Тромбони сердился и выходилъ изъ себя. Онъ хотѣлъ пройти съ нею арію для экзамена, кромѣ того, онъ разсчитывалъ исполнить какой-то септетъ, въ которомъ должна была участвовать Бравина. Но Ольгѣ Сергѣевнѣ было не до того. Она вся была поглощена хлопотами о дебютѣ на большой сценѣ.

Но тутъ она съ перваго-же шага встрѣтила противодѣйствіе. Ея не отрицали и не отвергали, но предложили ей выступить въ „Гориславѣ" въ „Русланѣ". Она возражала: „я не могу, это не моя роль, дайте мнѣ роль моего репертуара". Но ей отвѣчали вѣжливо, но холодно: „Если это не ваша роль, то вы намъ будете безполезны. Намъ нужна пѣвица именно на эти роли!"

Она была возмущена. Ослѣпленная колоссальнымъ успѣхомъ, она шла сюда съ гордо-поднятой головой, совершенно увѣренная, что ей только стоитъ сказать слово, и

Digitized by Google

ея желаніе будетъ исполнено. И вдругъ такой пріемъ. Что-же? Ея здѣсь не признаютъ? Или они не были на ученическомъ спектаклѣ, не видѣли ея фурора?.. Это былъ первый и очень чувствительный уколъ ея самолюбію. И вотъ именно теперь, за обѣдомъ, она была подъ вліяніемъ этого оскорбленія.

— Что-же ты намѣрена дѣлать? спокойнымъ тономъ спросилъ Андрей Дмитріевичъ.—Конечно, ты откажешься отъ этого дебюта?

— Я? Откажусь? Ты съ ума сошелъ! Нѣтъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, съ ума сошелъ, Андрей! Могу-ли я послѣ моего успѣха отказаться отъ дебюта?

— Но неужели-же ты выйдешь въ роли, которая тебѣ не по характеру?

— Ни за что не выйду! Но я добьюсь своего. Я употреблю всѣ средства...

— Но, мой другъ, какія-же у тебя есть для этого средства?

— Какъ какія? Я вотъ завтра утромъ пойду къ графу и буду просить его, чтобъ онъ употребилъ свое вліяніе...

— Ты поѣдешь къ графу? Ты? Ты будешь унижаться передъ нимъ? Клянчить у него покровительства? Оленька, такъ до чего-же это дойдетъ?.. Да неужели-же ты на это способна?..

Она какъ-то растерянно взглянула на него и промолвила почти плачущимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Я не понимаю, Андрей, чего ты отъ меня хочешь! Я не понимаю! прибавила она со слезами на глазахъ.—Вмѣсто поддержки, я съ твоей стороны встрѣчаю только противодѣйствіе...

У Ольги Сергѣевны катились слезы и остановились на щекахъ. Она поникла головой. Слова мужа были тѣмъ обиднѣе для нея, что она чувствовала справедливость ихъ.

— Но какъ-же мнѣ быть иначе? сказала она упавшимъ, дрожащимъ голосомъ.—Я-же должна добиться этого...

— Успокойся, вытри слезы... Это малодушіе. Не надо падать духомъ.. Мы подумаемъ хорошенько, можетъ быть, что-нибудь придумаемъ!..

Она вынула изъ кармана платокъ и вытерла слезы.

— Да, если-бъ ты помогъ мнѣ что-нибудь придумать, Андрей!.. Конечно, лучше никому не быть обязанной, конечно...

Digitized by Google

— Ну, вотъ, то-то и есть... А ты, рѣшительно, не хочешь дебютировать въ этой... какъ ее... „Гориславѣ“?

Она замахала руками:

— Боже сохрани! Боже сохрани! Нѣтъ, даже и говорить и думать объ этомъ не хочу... Я хочу въ „Аидѣ“ или въ „Татьянѣ“, одно изъ двухъ...

Она произнесла это съ волненіемъ, въ глазахъ ея выражалось страстное желаніе непремѣнно добиться одной изъ этихъ ролей. Андрей Дмитріевичъ съ болью въ сердцѣ подумалъ: „какъ она вся отдалась этимъ опернымъ интересамъ! Боже, до какой степени они поработили ее!“

— Знаешь что, Оленька, какъ-то осторожно промолвилъ онъ.— Знаешь, что было-бы лучше всего?

— Что, Андрей? довѣрчиво спросила она, ожидая отъ него добраго и полезнаго совѣта.

— Если-бы ты отказалась отъ сцены... Постой, постой, ты не сердись... Не совсѣмъ, а теперь, ну хоть въ этомъ сезонѣ... Ты совсѣмъ расклеилась, у тебя нервы никуда не годятся, ты не можешь владѣть собой!.. И потомъ... Да, лучше бы и совсѣмъ... Нѣтъ, погоди... Дай мнѣ досказать... Развѣ ты не видишь, какая это скользкая почва! Посмотри, ты еще сдѣлала только первый робкій шагъ и уже теряешься, забываешь о самомъ важномъ и готова поступиться даже своимъ самолюбіемъ. Если ты первыхъ шаговъ не можешь сдѣлать безъ помощи какого-нибудь графа, то какъ же ты будешь дальше? Вѣдь тамъ, за кулисами— идетъ борьба... Ты поступаешь съ блестящими данными, ты хочешь быть первой, и вѣрю, что будешь. Но тамъ и теперь есть кто-нибудь первая, значитъ, тебѣ придется ее вытѣснить. Не говорю уже о томъ, что это не легко, потому что старыя репутаціи очень живучи, но ты уже сразу пріобрѣтаешь себѣ врага. И этотъ врагъ никогда не проститъ тебѣ обиды... Противъ тебя начнутъ войну, но что ты можешь сдѣлать тамъ одна, новичокъ, неопытная? И вотъ тебѣ каждый разъ придется обращаться къ какому-нибудь покровителю,—къ графу или князю, унижаться, попрошайничать... Неужели-же это тебѣ не кажется страшнымъ? Оленька?..

Нѣтъ, это казалось ей страшнымъ. По крайней мѣрѣ, въ ту минуту, когда онъ это говорилъ, въ глазахъ ея было выраженіе ужаса. Она охватила его шею своими руками и прижалась къ нему.

Digitized by Google

— Ты меня совсѣмъ разстроилъ... совсѣмъ! болѣзненнымъ голосомъ промолвила она.

— Успокойся... Мы что-нибудь придумаемъ... Нѣтъ, нѣтъ, я не противъ сцены... Я только противъ униженій... Мы придумаемъ! говорилъ онъ нѣжнымъ, успокоительнымъ тономъ.—Ты вотъ что. Поди-ка въ спальню, я уложу тебя въ постельку, и ты уснешь... Ко мнѣ скоро придутъ больные. А потомъ, когда я освобожусь, мы опять съ тобой поболтаемъ. Вотъ видишь, развѣ съ тобой прежде случалось что-нибудь подобное? Видишь, какъ уже теперь повредило тебѣ это искусство, Богъ съ нимъ... Пойдемъ!..

Онъ бережно отвелъ ее въ спальню и, уложивъ въ постель, посидѣлъ около нея съ полчаса, пока она, въ самомъ дѣлѣ, не задремала. Уже въ передней начались частые звонки, слабо слышные въ спальнѣ. Онъ ушелъ къ себѣ и началъ пріемъ, не отдохнувъ послѣ обѣда.

За чаемъ Ольга Сергѣевна казалась бодрою, и на лицѣ ея не было замѣтно никакихъ слѣдовъ прежняго волненія и нервности. Очевидно, сонъ, довольно продолжительный, подѣйствовалъ на нее благотворно.

Она встрѣтила мужа съ улыбкой и дружески положила ему руку на плечо.

— Ну, ты меня вылѣчилъ, Андрей! Если ты такъ-же скоро и удачно лѣчишь своихъ паціентовъ, то я ихъ поздравляю! весело сказала она.

— Вотъ и слава Богу! Я вижу, что ты, въ самомъ дѣлѣ, поправилась!.. отвѣтилъ Андрей Дмитріевичъ съ радостью.

— Что-же, придумалъ ты что-нибудь?

— Некогда было думать, мой другъ! Все время былъ занятъ.

Можно было заранѣе сказать, что Андрей Дмитріевичъ ничего не придумаетъ, хотя онъ былъ увѣренъ въ противоположномъ. Ему такъ было мучительно подумать, что жена его можетъ обратиться за протекціей къ какому-то графу, что онъ съ удовольствіемъ заблуждался.

На другой день утромъ она встрѣтила его тѣмъ же вопросомъ:

— Ну, что-же ты придумалъ, Андрей?

— Погоди, погоди! Дай раскинуть умомъ хорошенько! добродушно отвѣтилъ онъ.

Но она была весела и не выражала нетерпѣнія. Не придумала-ли она сама что-нибудь?

Digitized by Google

— О, нѣтъ, куда мнѣ! Я на тебя надѣюсь...

Андрей Дмитріевичъ пилъ чай и усиленно придумывалъ, но въ его головѣ, приспособленной къ тому, чтобъ ставить діагнозъ, изъ незамѣтныхъ признаковъ дѣлать общіе выводы, ничего не складывалось.

— Единственно, что я могу придумать, это — надѣть фракъ и поѣхать самому къ директору!.. сказалъ онъ, наконецъ.

— А ты думаешь, что изъ этого что-нибудь выйдетъ? спросила Ольга Сергѣевна.

— Увѣренъ, что ничего не выйдетъ, отвѣтилъ онъ и разсмѣялся.

Но Ольга Сергѣевна ухватилась за эту мысль. Нѣтъ, почему-же непремѣнно думать, что ничего не выйдетъ. Все-таки онъ — мужчина, можетъ говорить убѣдительно, авторитетно. Да, наконецъ, надо попробовать всѣ средства.

— Ты поѣзжай! Андрей! Пожалуйста, поѣзжай! Завтраже!.. Онъ принимаетъ отъ двѣнадцати до часу... умоляющимъ голосомъ говорила она.

— Отъ двѣнадцати до часу у меня осмотръ больныхъ въ больницѣ!..

— Ахъ, Боже мой! Ну, одинъ разъ, я думаю, ты можешь забыть о своихъ больныхъ!.. Для меня!..

— По совѣсти говоря, Оленька, я не имѣю права ни въ какомъ случаѣ ни для кого, ни даже для тебя, забывать о своихъ обязанностяхъ... Но... Если ты хочешь, я это какъ-нибудь устрою... Хотя вѣдь безполезно.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста, Андрей...

Это очень волновало ее, а его печалило. Она такъ легко приходила въ нервное состояніе, когда вопросъ касался какихъ-нибудь оперныхъ дѣлъ. Онъ тотчасъ-же отправилъ товарищу записку, въ которой просилъ сдѣлать завтра обходъ за него.

На другой день, около двѣнадцати часовъ утра, Андрей Дмитріевичъ былъ во фракѣ. Онъ очень рѣдко надѣвалъ этотъ костюмъ и потому чувствовалъ себя въ немъ неловко. По дорогѣ, когда онъ ѣхалъ въ извозчичьей пролеткѣ, на него напало раздумье. Рѣшительно не было никакого смысла въ этомъ визитѣ. Директоръ его лично не знаетъ. Онъ, можетъ быть, знаетъ его имя, какъ имя врача, пользующагося хорошей репутаціей, но этого слишкомъ мало. Очень можетъ статься, что его не примутъ, а если и при-

Digitized by Google

мутъ, то скажутъ нѣсколько ничего не значащихъ фразъ, а главное—что все это очень глупо. Не онъ ли вчера еще такъ горячо возмущался противъ унизительныхъ просьбъ, а сегодня ѣдетъ самъ... Зачѣмъ-же онъ, въ сущности, ѣдетъ, какъ не затѣмъ, чтобы просить? Но нѣтъ, онъ просить не будетъ, онъ только резонно докажетъ имъ, что нельзя заставлять человѣка пѣть то, что ему не по голосу.

Его приняли. Директоръ былъ не одинъ. Была здѣсь какая-то дама, скрывшая свое лицо подъ густымъ темнымъ вуалемъ. „Должно быть, тоже дебюта проситъ!“ подумалъ Бравинъ.

Оказалось, что директоръ знаетъ его и очень радъ познакомиться, но ничего не можетъ перемѣнить въ вопросѣ о дебютѣ. — Вашу супругу мы цѣнимъ, мы цѣнимъ ее!.. сказалъ онъ, повидимому, совершенно искренно,—но можемъ принять только на то амплуа, которое свободно... У нея рѣдкій голосъ, блестящій голосъ!.. и школа!.. ну, Тромбони—прекрасный профессоръ!

— Но какъ-же вы хотите, чтобъ она появилась не въ своемъ амплуа? спросилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Гм... что вамъ на это сказать, господинъ докторъ? Что вамъ на это сказать? промолвилъ директоръ, любившій, очевидно, повторять свои собственныя фразы. Онъ взялъ Бравина за рукавъ фрака, деликатно отвелъ къ окну и началъ говорить тихо, такимъ образомъ, чтобы не слышала дама, скрывшая свое лицо подъ вуалемъ.

— Скажите мнѣ, господинъ докторъ, если—беру примѣръ изъ вашей спеціальности—если, положимъ, какой-нибудь почтенный и уважаемый врачъ завѣдуетъ больницей лѣтъ десять... онъ не геній, но хорошій врачъ и честный человѣкъ, и всѣ имъ довольны—и начальство, и товарищи, и больные... Да, всѣ довольны... И вдругъ среди молоденькихъ врачей появляется одинъ... одинъ появляется... талантъ! просто такъ—вотъ и видно, что талантъ!.. Открытіе сдѣлалъ, мертваго воскресилъ,—ну, талантъ, ну, геній, скажемъ... Такъ дѣлается-ли у васъ, чтобы того, который десять лѣтъ завѣдывалъ, сейчасъ въ отставку, а этого молоденькаго, но, говорю, генія,—на его мѣсто!... а? Дѣлается ли, докторъ?..

— Нѣтъ, не дѣлается... у насъ цѣнятся опытность и прежнія заслуги!.. отвѣтилъ Бравинъ, понимая уже, къ чему говоритъ это директоръ, и заранѣе чувствуя себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ.

Digitized by Google

— А? не дѣлается? Ну, и у насъ тоже... Вы-же понимаете, къ чему я говорю. У насъ есть пѣвица—хорошая, почтенная, и публика ее любитъ... пѣвица съ заслугами. Но ваша супруга лучше, о, куда! Такъ неужели-же мы ту, съ заслугами, должны сейчасъ-же оттѣснить на задній планъ? Неужели на задній планъ? А ваша жена хочетъ на первое амплуа... Ну, значитъ, ту по боку, а? Какъ вы думаете, господинъ докторъ?.. Вѣдь это нельзя... это несправедливо!..

— Я совершенно согласенъ съ вами! И болѣе не смѣю васъ безпокоить! сказалъ Андрей Дмитріевичъ, пожимая его руку.

— Ну, вотъ, я очень радъ... И пусть ваша супруга беретъ дебютъ въ Гориславѣ... Да, она начнетъ съ меньшаго и очень высоко пойдетъ... Она очень высоко пойдетъ, господинъ докторъ! Имѣю честь кланяться! Очень, очень радъ, что имѣлъ удовольствіе познакомиться...

Андрей Дмитріевичъ вышелъ на улицу въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Ему пришлось выслушать отъ директора ту истину, которую онъ самъ долженъ былъ знать.

Онъ пріѣхалъ домой блѣдный, разстроенный, и разсказалъ все Оленькѣ. Къ его удивленію, Ольга Сергѣевна выслушала его спокойно и не только не опечалилась, а даже смѣялась. Значитъ, ее это не слишкомъ огорчаетъ? Что-жъ? Не передумала-ли она? Не повліяли-ль на нее его разумные доводы? О, какъ это было-бы хорошо, отъ сколькихъ непріятностей, отъ какого горя они разомъ были-бы избавлены!

— Ты куда-нибудь ѣдешь? спросилъ онъ, видя, что Ольга Сергѣевна надѣваетъ шляпку.

— Да, я хочу заѣхать въ школу... Я давно не была... Воображаю, какъ тамъ злится Тромбони!.. отвѣтила она простымъ, беззаботнымъ тономъ.—Ты позавтракаешь одинъ, а я уже слегка перекусила...

— Ну, а какъ-же ты рѣшила съ дебютомъ?.. спросилъ онъ.

— А, какъ-нибудь... Сама не знаю!.. предоставимъ это судьбѣ!..

Это былъ крайне неопредѣленный и даже загадочный отвѣтъ. Еще вчера она горѣла желаніемъ поскорѣе рѣшить этотъ вопросъ, который казался ей спѣшнымъ, не-

Digitized by Google

отложнымъ, а сегодня такъ легко смотритъ на него. Андрей Дмитріевичъ никакъ не могъ понять, какъ ему слѣдуетъ относиться къ этой перемѣнѣ, — радоваться или ждать всего худшаго. А когда Ольга Сергѣевна уѣхала, онъ пожалѣлъ о потерянномъ днѣ. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ по разъ установленному рецепту. Съ утра отправлялся пѣшкомъ въ больницу и работалъ тамъ до трехъ часовъ, потомъ дѣлалъ врачебные визиты, къ пяти возвращался домой, обѣдалъ, немного отдыхалъ, принималъ больныхъ, а вечеръ посвящалъ чтенію, или, если собирались гости, игралъ на віолончели, слушалъ пѣніе Оленьки, или, наконецъ, уѣзжалъ въ театръ. Такъ текла его жизнь почти неизмѣнно изо-дня-въ-день; а въ эти послѣднія недѣли какъ-то все перевернулось вверхъ дномъ.

Ольга Сергѣевна, между тѣмъ, поѣхала въ школу. Она не взяла извозчика тотчасъ-же, какъ вышла изъ дому, а дошла до каретной биржи и сѣла въ закрытую карету. Этого она никогда не дѣлала прежде, и если бы Андрей Дмитріевичъ увидѣлъ это, то не зналъ-бы, что̀ и подумать. Ему хорошо было извѣстно, что она терпѣть не могла ѣздить въ каретѣ. Она любила воздухъ, въ особенности теперь, когда стояла чудная весенняя погода, по улицамъ былъ разлитъ яркій солнечный свѣтъ, и въ то-же время воздухъ былъ освѣженъ мягкой прохладой.

Она поѣхала въ школу и оставила карету за собой. Когда она поднималась по лѣстницѣ, всѣ проходившіе мимо, даже незнакомые, смотрѣли на нее съ видимымъ уваженіемъ, даже съ восхищеніемъ, знакомые спѣшили улыбнуться ей; самъ директоръ, встрѣтившись съ нею, торопливо подалъ ей обѣ руки и спросилъ о ея здоровьѣ;— она была украшеніемъ школы, и ею гордились всѣ отъ директора до барабанщика.

Но за то Тромбони напалъ на нее.

— Это невозможно такъ дѣлать, madame Бравинъ! Вы думаетъ, что спектакль это—все. Для васъ спектакль все, но вы имѣете товарищей, которые хотятъ пѣть экзаменъ!.. До спектакль вы были больше внимательная...

Это былъ упрекъ, и Ольга Сергѣевна сейчасъ-же почувствовала его справедливость. Она покаялась, извинилась, сказала, что была больна, и сейчасъ-же приняла участіе въ септетѣ. Ея свѣжій, сочный голосъ звучалъ такъ хо-

Digitized by Google

рошо, что всѣ, не исключая и поющихъ, заслушались и все простили ей.

Когда отсюда карета двинулась по указанному адресу, Ольга Сергѣевна пряталась въ уголъ и старалась сидѣть такъ, чтобъ ее никто съ улицы не видѣлъ. Она была взволнована, сердце у нея сильно билось. „Я не могу безъ этого обойтись, думала она:—да и что тутъ дурного? Всѣ такъ дѣлаютъ... Безъ этого ничего не добьешься... Все протекція, протекція! У всѣхъ она есть, какъ я буду съ ними бороться безъ нея? А тутъ надо бороться!.. Я не буду унижаться, я только... Только попрошу. Андрей не узнаетъ, ни за что не узнаетъ!“ —Такъ думала она, но, несмотря на эти успокоительныя мысли, она чувствовала себя такъ, словно совершала что-нибудь преступное. Карета остановилась у шикарнаго подъѣзда. Ольга Сергѣевна выпорхнула, какъ птица, и быстро скрылась въ подъѣздѣ...

Минутъ черезъ двадцать она ѣхала уже домой. Сердце ея билось такъ же сильно, какъ прежде, но чувство радости вытѣснило изъ ея груди прежнее ощущеніе преступности... „Онъ обѣщалъ, онъ сдѣлаетъ! У него большое вліяніе, онъ все можетъ... И какъ онъ принялъ меня любезно! Жаль только, что онъ глухъ совсѣмъ! Приходилось кричать; даже горло заболѣло... Все равно, Андрей ничего не узнаетъ!..“

Она пріѣхала домой веселая и счастливая. Былъ только одинъ неловкій моментъ, когда она здоровалась съ Андреемъ Дмитріевичемъ, — она не могла посмотрѣть ему прямо въ глаза. „Но, вѣдь, онъ не узнаетъ... И это пустяки, это совсѣмъ, совсѣмъ пустяки“, мысленно твердила она себѣ, а въ глаза ему посмотрѣть все-таки не могла.

— Я радуюсь, Оленька, что ты такъ хорошо настроена!.. Видишь, что значитъ взять себя въ руки! сказалъ ей Андрей Дмитріевичъ.

— Ахъ, право, я рѣшила махнуть на все рукой! промолвила она.—Что будетъ, то и будетъ!..

Она умышленно говорила неправду и лукавила съ нимъ, чего прежде никогда себѣ не позволяла. Она оскорбилась бы, если бы кто-нибудь сдѣлалъ предположеніе, что это будетъ такъ. Но жажда большого успѣха, жажда первенства такъ овладѣла ею, что она легко отступила отъ этого хорошаго правила.

Digitized by Google

Не прошло и недѣли, какъ Андрей Дмитріевичъ былъ пораженъ неожиданнымъ для него извѣстіемъ. Директоръ театра писалъ на его имя: „Я очень счастливъ порадовать васъ пріятнымъ сообщеніемъ, что мы нашли возможнымъ дать вашей супругѣ дебютъ въ роли Аиды въ оперѣ того же названія. Потрудитесь сказать госпожѣ Бравиной, что дебютъ ея состоится тогда-то".

— Что-же это значитъ? Какимъ это образомъ? съ изумленіемъ спросилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Право, не знаю, не понимаю!.. правдиво-недоумѣвающимъ тономъ отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Должно быть, ты убѣдилъ его перемѣнить рѣшеніе?..

— Я? Да помилуй, мой другъ, ты же знаешь, что онъ мнѣ сказалъ тогда! Да я и не пробовалъ убѣждать его. Онъ такъ сразилъ меня своими доводами...

— Ну, значитъ, онъ раздумалъ потомъ... Да не все-ли равно?.. Лишь бы это было такъ!.. Ахъ, я такъ счастлива! Я безумно счастлива! Я просто съ ума сойду отъ восторга! Аида, это—прелесть! Я покажу имъ, какъ надо пѣть Аиду!.. Неужели тебя это не радуетъ, Андрей? Ты даже какъ будто опечаленъ?..

А онъ и самъ не зналъ, радуется онъ этому извѣстію, или ему стыдно. Вѣдь, это значитъ, что, ради его жены, ту заслуженную пѣвицу, о которой говорилъ директоръ, таки оттѣсняютъ на задній планъ. Конечно, Оленька, появившись въ Аидѣ, затмитъ ее. Значитъ, они-таки добились чужого несчастія и, можетъ быть, несправедливости, общими силами! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такъ повліялъ его визитъ къ директору? Послѣ этого онъ, пожалуй, начнетъ считать себя вліятельнымъ лицомъ. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ. Тутъ какая-то путаница, что-то непонятное, и, во всякомъ случаѣ, онъ подождетъ радоваться.

— Нѣтъ, я радъ, Оленька, я очень радъ! сказалъ онъ, не желая лишать ее хорошаго настроенія духа, а самъ рѣшилъ какъ-нибудь узнать, какому это счастливому обстоятельству жена его обязана желаннымъ дебютомъ.

V.

Дни проходили за днями. Квартира Бравиныхъ стала напоминать коридоръ музыкальной школы, гдѣ ежеминутно слышится съ разныхъ сторонъ музыка, отъ которой ни-

Digitized by Google

куда нельзя спрятаться. Ольга Сергѣевна съ поразительнымъ рвеніемъ готовилась къ дебюту.

Вставала она въ девять часовъ,—слишкомъ рано для ея привычекъ,—но у нея слишкомъ много было дѣла, и день казался ей коротокъ. Кое-какъ накинувъ капотъ и не напившись даже чаю, она подходила къ фортепіано и пѣла гаммы. Пока она спала, въ квартирѣ было тихо. Прислуга говорила вполголоса, дѣти ходили на цыпочкахъ. Первый громкій звукъ, раздававшійся въ квартирѣ, были эти безконечные „Га-а-а-а! Ги-и-и-и!!“ На всѣ гласныя и на всѣ лады. Часамъ къ одиннадцати являлись Подпоркинъ, Огузковъ и Оглоблина. Они не получили дебюта на большой сценѣ, но дѣлали ей любезность и помогали разучивать оперу. Кромѣ того, былъ приглашенъ аккомпаніаторъ, котораго они вгоняли въ потъ. Съ маленькимъ перерывомъ для завтрака, дуэты, тріо и квартеты раздавались до самаго обѣда. Обѣдали всѣ вмѣстѣ, а послѣ обѣда рояль перетаскивался въ отдаленную комнату, и до слуха паціентовъ Андрея Дмитріевича болѣе или менѣе явственно доносились звуки вердіевской оперы. Паціенты, привыкшіе въ этой квартирѣ встрѣчать тишину и порядокъ, недоумѣвали и спрашивали другъ у друга: что такое случилось въ квартирѣ доктора? Не отдаетъ-ли онъ свои комнаты въ наемъ какимъ-нибудь пѣвцамъ? Дѣти цѣлый день громко повторяли то, что пѣли взрослые, и научились довольно вѣрно пѣть дуэты и тріо. Въ особенности, старшая, Люба, очень хорошо подражала Подноркину; совершенно такъ же, какъ онъ, приподымалась на цыпочки, когда брала верхнюю ноту, и закатывала глаза подъ лобъ.

Андрей Дмитріевичъ чувствовалъ, что у него въ квартирѣ установилась какая-то безалаберщина. Какіе-то чужіе люди вели себя, какъ дома, и смотрѣли на него снисходительно, какъ на ничѣмъ не прославившагося мужа, который зачѣмъ-то живетъ при женѣ, почти уже сдѣлавшейся знаменитой.

Кажется, они самихъ себя считали болѣе важными членами этого дома, чѣмъ онъ, потому что они пѣли, а онъ... онъ только возился въ своемъ кабинетѣ съ больными.

Онъ рѣшительно никуда не могъ скрыться отъ этихъ нелѣпыхъ словъ, которыя повторялись ежеминутно, прерывались на полусловѣ и опять повторялись. Чуть онъ

Digitized by Google

раскроетъ книгу и прочтетъ полстраницы, какъ подъ дверью раздается:

„Необычной радостью горитъ твой взоръ!
Скажи, что это значитъ?..“

Онъ закрываетъ уши и упорно продолжаетъ читать, но ничего не понимаетъ. Онъ читаетъ, читаетъ — и вдругъ слышитъ новыя слова, новый мотивъ:

„Опять съ тобою, а-ангелъ ми-и-илый мой!“

Это кричитъ Подпоркинъ, Ольга Сергѣевна отвѣчаетъ ему то же самое, опять то же они поютъ вмѣстѣ, тысячу разъ повторяютъ эти слова, повторяютъ съ чувствомъ, съ выраженіемъ... И откуда у нихъ берется столько чувства на эти пустяки, на эти совершенно безсмысленныя изліянія? Ну, сказать бы—изображалось какое-нибудь высокое чувство—самопожертвованія, самоотверженной любви къ родинѣ, а то вѣдь такая пошлость: „опять съ тобою“, милліонъ разъ „опять съ тобою“, да и только. Такъ думаетъ Андрей Дмитріевичъ, думаетъ съ негодованіемъ, а тѣмъ временемъ мелодія перемѣняется, и уже въ ушахъ звучатъ другія слова, и звучатъ тоже сто разъ подъ-рядъ.

„Прощай, земля, прощай, земля, навсегда!“

Нѣтъ, это невыносимо! Каждый вечеръ, и цѣлый вечеръ одно и то-же...

Онъ швыряетъ книгу и начинаетъ свирѣпо шагать по комнатѣ. Въ груди его кипитъ бѣшенство—на эту музыку, на то, что существуютъ на свѣтѣ музыкальныя школы, обучающія всѣхъ этихъ Подпоркиныхъ, Огузковыхъ, на то, что жена его умѣетъ пѣть, что люди строятъ театры и посѣщаютъ ихъ, на все, что имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ музыкѣ. Наконецъ, онъ не выдерживаетъ, натягиваетъ на себя пальто и идетъ къ товарищу выпить стаканъ чаю, выкурить папиросу и мирно поболтать въ помѣщеніи, гдѣ нѣтъ музыки.

О, онъ готовъ терпѣливо, въ продолженіе многихъ часовъ, слушать грохотъ пушекъ и трескъ барабана, только бы въ ушахъ его не звучалъ этотъ задавленный голосъ Подпоркина, эти вѣчные, неизмѣнные „опять съ тобою“ и „прощай земля“. Товарищъ его удивленъ, и не знаетъ, какъ объяснить себѣ этотъ визитъ. Бравинъ такой домосѣдъ; его, бывало, не затащишь на четверть часа, и вдругъ самъ идетъ и сидитъ—часъ, другой, третій. Ему очень рады, потому что его любятъ, но все-таки недоумѣваютъ...

Digitized by Google

— Вы перемѣнили свои привычки, Андрей Дмитріевичъ, говоритъ ему товарищъ.

— Нѣтъ, жена уѣхала... Мнѣ одному скучно стало!.. отвѣчаетъ онъ, и при этомъ прячетъ глаза, потому что ему совѣстно лгать.

Но не сказать же ему прямо, что его выгнала изъ дому жена своей музыкой, потому что она готовится къ дебюту. Это вышло бы совсѣмъ глупо.

И эти постоянные разговоры о дебютѣ его жены. Куда бы онъ ни пришелъ, съ кѣмъ бы ни встрѣтился, съ нимъ непремѣнно говорили объ этомъ. Иногда велись по цѣлымъ часамъ самыя серьезныя бесѣды о самыхъ серьезныхъ предметахъ, а, въ концѣ концовъ, обязательно произносили: „Ахъ, да, я и забылъ! Скажите, пожалуйста, какъ же ваша супруга?.. Вѣдь, ей, кажется, предстоитъ дебютъ...“ И тутъ шли разспросы: въ чемъ она выступаетъ, какъ себя чувствуетъ, волнуется-ли, боится-ли... И каждый считаетъ своимъ долгомъ поговорить съ нимъ объ этомъ. Подъ конецъ это ему надоѣло, и онъ сталъ отдѣлываться фразой: „я ничего объ этомъ не знаю! Я этимъ совсѣмъ не интересуюсь!“ И это всѣ находили страннымъ, почти неестественнымъ.

Съ женой онъ едва успѣвалъ перекинуться двумя-тремя фразами. Подпоркинъ и компанія уходили въ часъ ночи, послѣ хорошаго ужина, который они съѣдали съ большимъ достоинствомъ, какъ нѣчто болѣе, чѣмъ заслуженное. Если же выпадали свободные часы днемъ, то ихъ поглощалъ новый врагъ, недавно появившійся въ домѣ. Это былъ портной, дамскій портной съ армянской фамиліей и армянскимъ длиннымъ, толстымъ носомъ, съ совершенно темнымъ лицомъ, съ черными глазами и бѣлыми зубами. Обыкновенно, Оленька шила платья у портнихи, но на этотъ разъ дѣло шло о костюмѣ для сцены, и потому женское искусство оказалось несостоятельнымъ. Портной съ армянской фамиліей считалъ себя большимъ художникомъ, очень много говорилъ, вдавался даже въ исторію, приносилъ какія-то книги, какія-то иллюстраціи, и вообще оказался образованнымъ по своей части человѣкомъ, и даже нѣсколько болѣе. За все это онъ заломилъ очень крупную сумму, которая удивила Андрея Дмитріевича, когда ему былъ поданъ счетъ, но онъ, разумѣется, не сказалъ ни слова. Оленька рѣшила появиться на

Digitized by Google

сценѣ въ своихъ костюмахъ, и такъ какъ главная задача состояла въ томъ, чтобъ онъ не походилъ на костюмы всѣхъ прежнихъ Аидъ, то приходилось создавать его. Портной съ армянской фамиліей болѣе всего годился для этой цѣли, такъ какъ цвѣтъ его собственной кожи былъ едва-ли свѣтлѣе эѳіопской кожи Аиды.

Наибольшій безпорядокъ въ домѣ замѣчался въ тѣ дни, когда Оленька ѣздила въ театръ на репетиціи. Подпоркинъ и компанія въ эти дни не являлись, но за то Оленька цѣлый почти день отсутствовала, и тогда дѣти начинали распѣвать „Аиду" на свой ладъ, при чемъ эѳіопы дрались съ египтянами не по-театральному, а настоящимъ образомъ, нанося другъ другу побои и ставя синяки. „Нѣтъ, говорилъ тогда Андрей Дмитріевичъ, — надо же взять къ нимъ, наконецъ, бонну, что-ли... Оленька совсѣмъ ихъ забросила!.. Вѣдь, этакъ они когда-нибудь убьютъ другъ друга!" Но его скоро поглощали другія дѣла, и онъ забывалъ объ этомъ. Наконецъ, состоялся дебютъ. Андрей Дмитріевичъ былъ въ театрѣ и испыталъ мученія, какихъ еще никогда не испытывалъ. Оленька вышла въ первомъ дѣйствіи на сцену—растерянная, неловкая, подавленная. Она сейчасъ-же почувствовала, что это совсѣмъ не та публика, что̀ была на ученическомъ спектаклѣ. То была публика—даровая, которая, обыкновенно, бываетъ восторженна. А эта заплатила деньги, и ни на минуту не забывала объ этомъ. Притомъ-же тогда къ ней относились, какъ къ ученицѣ, оказавшей хорошіе успѣхи, за которые надо поощрить, а теперь она выступала, какъ большая артистка, желающая вытѣснить другую, которую публика любила. Это послѣднее обстоятельство всегда дѣлаетъ для дебютанта холодную температуру въ театрѣ и заставляетъ публику относится къ нему строго.

Появленіе Оленьки прошло при глубокой тишинѣ. Словно она и не вышла на сцену, или-же вошла какая-нибудь статистка, а не та гордость и слава музыкальной школы, при появленіи которой на сценѣ тогда—театръ дрожалъ. Это окончательно смутило и безъ того оробѣвшую артистку, и она начала свою партію невѣрнымъ, дрожащимъ голосомъ и фальшиво. Къ тому-же еще и костюмъ ея, созданный вдохновеннымъ портнымъ съ армянской фамиліей, былъ неудаченъ. Со сцены онъ казался мѣшковатымъ, вычурнымъ, нелѣпымъ, почти смѣшнымъ. Это тоже неблаго-

Digitized by Google

пріятно повліяло на публику. Всѣ переглядывались съ недоумѣніемъ и вопросомъ во взорахъ, а ему, Андрею Дмитріевичу, казалось, что всѣ они обращаются къ нему и спрашиваютъ строго и даже дерзко: „но позвольте! что-же это такое? Что это за пѣвица? Это не пѣвица, это... это... кошка какая-то... Да, да ободранная, облѣзлая кошка! И она не поетъ, а мяукаетъ... Да, да, мяукаетъ...“

Боже! Да что-же это такое? Что сдѣлалось съ Оленькой? Куда дѣвался ея чудный, звонкій и, въ то-же время, мягкій, задушевный голосъ? Гдѣ эти за душу хватающія ноты? Онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, и ему казалось, что оно подъ нимъ проваливается, а самъ онъ горитъ, горитъ, совсѣмъ сгораетъ. Вотъ прошла одна сцена, поютъ какой-то дуэтъ, онъ ничего не слышитъ, кромѣ невѣрнаго, дрожащаго голоса Оленьки. Она никакъ не можетъ справиться, стать на настоящую точку. Теперь онъ видитъ, какая она нервная. О, какъ-бы онъ хотѣлъ очутиться тамъ, возлѣ нея, схватить ее, взять на руки и унести далеко-далеко отъ этого позора... Вѣдь, это позоръ!.. Надо назвать это настоящимъ именемъ. Вѣдь, это его мысли, которыхъ никто не слышитъ... Да, унести ее, унести въ ихъ уютную квартирку, бережно усадить въ кресло и сказать: „полно, милый другъ, забудь все это, будемъ, попрежнему, вести нашу маленькую, скромную жизнь!“ Но этого никакъ нельзя сдѣлать.

Но вотъ всѣ ушли со сцены, она осталась одна. Что теперь? Ахъ, да! Ея арія. Вѣдь онъ за эти двѣ недѣли невольно выучилъ всю оперу наизусть. Ея арія. Это все, тутъ всему конецъ! Если до этого былъ позоръ, то что-же теперь будетъ? Оленька стоитъ въ полъ-оборота къ публикѣ и смотритъ на нее искоса. Кажется, она понимаетъ, что̀ произошло. Широкимъ дыханіемъ она медленно вбираетъ въ себя много воздуха. Онъ это слышитъ и чувствуетъ. Онъ слышитъ и чувствуетъ малѣйшій шорохъ ея платья. Ну, да, вотъ она собираетъ всѣ свои силы и крѣпко беретъ себя въ руки. Конечно, онъ слышитъ ея мысли... Раздается первая фраза аріи:

„Съ побѣдой возвратись!
Въ твоихъ устахъ преступно это слово...“

Голосъ звучитъ твердо и ровно. Хорошо. Дальше лучше. Она становится на дорогу. Звуки льются свободно, плавно, красиво, слушатели вытягиваютъ впередъ головы, на ли-

Digitized by Google

цахъ выражается удовольствіе, потомъ восхищеніе, всѣ оживлены, всѣ какъ будто жалѣютъ о томъ, что такъ дурно думали о дебютанткѣ. А Оленька чувствуетъ, что дѣло ея идетъ хорошо, что каждая новая фраза аріи все больше и больше завоевываетъ театръ, и это даетъ ей новыя силы. Уже не видно смущенія въ ея фигурѣ, и костюмъ ея не кажется больше смѣшнымъ. Напротивъ, онъ очень идетъ къ ней, онъ типиченъ, характеренъ... Всѣ это находятъ. Послѣдняя фраза, послѣдняя нота... Фуроръ!

Андрей Дмитріевичъ внѣ себя схватывается съ мѣста и выбѣгаетъ изъ театра, ничего не видя кругомъ. Онъ мчится за кулисы. Онъ увѣренъ, что Оленькѣ сейчасъ понадобится помощь врача. Пережить такую муку и затѣмъ рядомъ такое торжество, — какое страшное напряженіе силъ!

Но Оленька не въ обморокѣ. Она десять разъ идетъ на сцену и кланяется публикѣ. Только шаги ея невѣрны и въ глазахъ горитъ лихорадочный огонь.

— Ничего, ничего, говоритъ она,—въ этомъ есть страшное наслажденіе. Вотъ-вотъ падаешь въ пропасть, и вдругъ— возносишься высоко-высоко, на самое небо! Ахъ, Андрей, ты не можешь себѣ представить, какое это невѣроятное, страшное наслажденіе! Когда я завоевываю успѣхи у этой толпы, только что еще готовой осмѣять меня, я чувствую себя такъ, какъ будто мщу ей за кровавую обиду. Да это такъ и есть... Нѣтъ, ты не можешь понять этого, Андрей!..

Она ошибалась. Андрей Дмитріевичъ понималъ это, потому что онъ переживалъ то же, что и она. Онъ жилъ одной душой съ нею.

— Хватитъ-ли у тебя силъ докончить оперу? спросилъ онъ у нея.

— О, хватитъ, хватитъ... на десять оперъ хватитъ, если-бы понадобилось!.. отвѣтила она.

„Что будетъ съ нею потомъ, дома? ужасно!“ подумалъ Андрей Дмитріевичъ. Звонокъ заставилъ его уйти въ театральный залъ.

Остальная часть оперы прошла для Оленьки съ ро[illegible]нымъ, неослабѣвающимъ успѣхомъ. Иначе и быть не мог[illegible] Толпу надо завоевать только однажды. При первой стыч[illegible] она оказываетъ сопротивленіе. Но разъ сдѣлавшись раб[illegible] она уже рабствуетъ безпрекословно.

Когда Андрей Дмитріевичъ везъ Оленьку домой въ [illegible]

Digitized by Google

ретѣ, она всю дорогу плакала и смѣялась вмѣстѣ, она порывисто обнимала его и говорила, что счастлива и что съ ума сойдетъ, и что ей хочется летѣть надъ городомъ или выпрыгнуть изъ кареты и бѣжать по мостовой.

— Успокойся, послушай, такъ нельзя, такъ можно дойти до Богъ знаетъ чего!... говорилъ онъ нѣжно, ласкающимъ голосомъ. Онъ боялся за ея организмъ, за ея мозгъ.

— А ты видѣлъ Пронскую? Она сидѣла въ бель-этажѣ и смотрѣла на меня съ презрѣніемъ... Ха, ха, ха! И ни одного хлопка... Ха, ха, ха!

— Кто это—Пронская? спросилъ Андрей Дмитріевичъ, не сразу сообразившій, въ чемъ дѣло.

— Ты не знаешь Пронскую? Пѣвица... Это ея роль — Аида!.. О, она навѣрно желала, чтобъ я провалилась сквозь землю!

„Ахъ, да, подумалъ Бравинъ: — это та самая пѣвица, которую, вѣроятно, оттѣснятъ на задній планъ ради моей жены!"

— Неужели тебѣ ея не жаль, Оленька? спросилъ онъ.— Вѣдь, она тебѣ не сдѣлала никакого зла...

— О, не сдѣлала, такъ сдѣлаетъ!.. Она будетъ на каждомъ шагу дѣлать мнѣ непріятности... Притомъ, у нея такое злое лицо... Ты слышалъ вначалѣ слабое шиканье... Вѣдь, это, навѣрно, ея друзья, а, можетъ быть, и клакеры...

— Ну, что ты? Что ты?

— Навѣрно, навѣрно такъ... О, я ее всей душой ненавижу!..

„И откуда это у моей милой, довѣрчивой, добродушной Оленьки явилось столько злобы, недовѣрія и ненависти? подумалъ Андрей Дмитріевичъ.—Неужели эти торжественные подмостки, среди праздничнаго освѣщенія и восторженныхъ кликовъ, вмѣстѣ съ первыми сладостными звуками славы, вливаютъ въ душу зависть и злобу?"

VI.

Быть-можетъ, съ тѣхъ поръ, какъ Ольга Сергѣевна сдѣлалась пѣвицей, это было самое лучшее время въ жизни Бравиныхъ, или, по крайней мѣрѣ, Андрея Дмитріевича. Сезонъ кончился, они переѣхали на дачу. Андрей Дмитріевичъ каждый день ѣздилъ въ городъ, утромъ принималъ у себя больныхъ, потомъ посѣщалъ больницу, а къ обѣду возвращался домой. Ольга Сергѣевна вела семейную

Digitized by Google

образъ жизни. Часа два въ день она занималась музыкой, разучивая новыя партіи и упражняясь въ гаммахъ, остальное время посвящала дѣтямъ. Дѣти сдѣлались спокойнѣе и стали вести себя лучше; она гуляла съ ними въ паркѣ и занималась ихъ воспитаніемъ. Раза два у нихъ собирались обычные гости, и Андрей Дмитріевичъ игралъ даже на віолончели. Сначала, послѣ долгаго промежутка, пальцы его шли туго по струнамъ, и смычокъ не слушался и скрипѣлъ, но потомъ онъ наладился, и дѣло пошло хорошо. Былъ даже такой случай, что Оленька какъ-то вечеромъ сказала:

— Почитать бы что-нибудь! давно ничего не читала! Какіе у насъ есть журналы?

Андрей Дмитріевичъ пріятно удивился и далъ ей нѣсколько послѣднихъ книгъ журналовъ. Ольга Сергѣевна бѣгло просмотрѣла ихъ.

— Здѣсь все продолженіе, продолженіе! Я все это пропустила! воскликнула она. (Она, вообще, въ журналахъ читала только беллетристику). А, вотъ что-то цѣльное... Съ шведскаго!..

Она присѣла къ столу и начала читать, но очень скоро отодвинула книжку.

— Представь себѣ, я не могу читать! У меня буквы прыгаютъ передъ глазами! Неужели и отъ этого можно отвыкнуть?

— Да, вѣдь, ты больше года ничего не читаешь!.. А, можетъ быть, просто зрѣніе у тебя стало хуже! Дай-ка я почитаю вслухъ, а ты послушай!..

Андрей Дмитріевичъ началъ читать вслухъ. Страницы двѣ прошли благополучно, но вдругъ Ольга Сергѣевна громко разсмѣялась.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Ха, ха, ха! Вообрази себѣ, мнѣ кажется страннымъ, что ты читаешь, а не поешь! Ха, ха, ха, ха!.. Мнѣ почему-то думается, что вотъ-вотъ ты долженъ запѣть... Вотъ что́ значитъ привычка!..

Онъ тоже смѣялся и говорилъ, что ей надо почаще браться за книгу, а то ей, пожалуй, станетъ казаться, что весь міръ долженъ пѣть. Затѣмъ она прилегла на диванъ, а онъ продолжалъ чтеніе. Шведская повѣсть заинтересовала его сильно. Онъ читалъ, не отрываясь, съ умѣреннымъ чувствомъ оттѣняя выразительныя мѣста.

Digitized by Google

Ольга Сергѣевна, вообще, любила слушать его грубоватое и простое чтеніе. Но вотъ онъ кончилъ главу и отложилъ книгу, чтобъ отдохнуть.

— Тебѣ нравится? Можетъ быть, надоѣло? спросилъ онъ.

— Гм?.. какимъ-то смутнымъ голосомъ произнесла она и повернулась на бокъ.

Онъ взглянулъ на нее. Она спала. Тогда онъ тихонько спустилъ синій колпакъ надъ лампой и осторожно вышелъ изъ комнаты. Онъ съ полчаса гулялъ по улицамъ, и выраженіе лица у него было пасмурно. Мысли, которыя наполняли его голову, были спокойнаго, даже, до нѣкоторой степени, научнаго характера, но, тѣмъ не менѣе, онѣ его сильно волновали. Онъ думалъ о томъ, какъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій быстро понижается интеллигентность у человѣка. Какъ ни больно было ему думать это относительно своей жены, но онъ долженъ былъ признать, что Оленька за послѣдній годъ просто-таки стала тупѣть. Она съ живостью принимала участіе только въ тѣхъ разговорахъ, которые касались музыки, пѣнія, оперы, сцены, артистовъ, будь то даже простыя сплетни изъ ихъ жизни. Но чуть вопросъ переносился на отвлеченную почву, требующую нѣкотораго напряженія мысли, какъ она умолкала или начинала напѣвать что-нибудь, или совсѣмъ уходила. Наконецъ, и этотъ случай. Помнитъ онъ, что въ прежніе года Оленькѣ стоило только начать какой-нибудь романъ или повѣсть, и ужъ ее не было никакой возможности оторвать отъ книги. Она заинтересовывалась судьбой героевъ, близко принимала къ сердцу ихъ горе и радости, отказывалась отъ обѣда и чаю, пока не кончала книгу, а потомъ долго еще высказывала свои впечатлѣнія, сто разъ возвращалась къ нимъ, дѣлала выводы... Однимъ словомъ, умъ ея жилъ хоть въ этой маленькой области фантазіи, а теперь она не выдержала и десяти страницъ. Все это было тяжело ему сознавать. Это обижало его, и онъ думалъ о томъ, какъ бы это перемѣнить, какъ бы поднять Оленьку, расширить ея умственный кругозоръ. И, судя по тому, какъ они жили лѣтомъ, онъ начиналъ надѣяться, что это возможно. У Оленьки много времени, она мало волнуется, сосредоточена, не разбрасывается такъ, какъ зимой. Онъ изрѣдка, какъ бы случайно, заинтересовывалъ ее той или другой книгой, или какимъ-нибудь разсказомъ изъ журнала, выбирая покороче, чтобъ не уто-

Digitized by Google

мять ее, и замѣтилъ, что есть успѣхъ. Она уже и сама иногда бралась за книгу и читала. Но пришелъ августъ, переѣхали въ городъ, и все пошло по-иному. Началось съ большого огорченія. Во время переѣзда съ дачи, Оленька простудилась. Былъ легкій жаръ, дня три лежала въ постели. Но это бы ничего, главная бѣда была въ томъ, что она простудила горло. Въ театрѣ начались репетиціи, разучивалась новая опера, въ которой для нея была прекрасная роль, и она не могла принимать въ нихъ участія. Это обстоятельство сразу повернуло ея настроеніе на прежній ладъ. Роль, въ которой она имѣла возможность съ перваго же выхода блеснуть своимъ прекраснымъ голосомъ, по необходимости, была поручена Пронской, и Оленька ничего не могла возразить противъ этого.

Она дѣятельно посѣщала горлового врача, полоскала горло, пульверизировала, молчала по цѣлымъ днямъ и, наконецъ, оправилась, но, къ этому времени, опера уже была поставлена, и она была свидѣтельницей большого успѣха Пронской въ той роли, которая ей предназначалась. Опера сдѣлалась любимой и ставилась два раза въ недѣлю, театръ каждый разъ былъ полонъ, и всѣ говорили о новой оперѣ и, разумѣется, о Пронской. Это ее бѣсило. Она находила, что Пронская вовсе не хороша, что она была бы несравненно лучше. Она обратилась къ директору.

— Я теперь здорова и могу выступить въ новой оперѣ! сказала она.

— Мы не можемъ васъ выпустить въ этой роли!.. Разъ она передана госпожѣ Пронской, то у нея и останется! отвѣтилъ директоръ.

— Но почему-же? Вѣдь, роль сперва была дана мнѣ!..

— Сперва, да! Но вы были больны, мы въ этомъ не виноваты...

— Но развѣ мы не можемъ чередоваться?

— Нѣтъ. Зачѣмъ же это? У госпожи Пронской роль идетъ прекрасно... Мы не можемъ допустить соперничества между артистами нашей труппы... Вы выступаете въ „Аидѣ“.

Въ „Аидѣ“! Пронская поетъ оригинальную, благодарную партію въ новой оперѣ, которая сдѣлалась сезонной и продержится долго, а она должна выступать въ „Аидѣ“, всѣмъ намозолившей уши и пріѣвшейся. Это пристрастіе! Дирек-

Digitized by Google

торъ пристрастенъ къ Пронской, это ясно. Такъ нельзя выдвинуться...

На этотъ разъ ей не долго пришлось думать о средствахъ достигнуть цѣли. Извозчичья карета довезла ее до квартиры графа, и она чуть не плакала передъ нимъ, умоляя его повліять, чтобы ей дали партію въ новой оперѣ. Графъ подумалъ и сказалъ:

— Дитя мое, этого нельзя сдѣлать! Нельзя, дитя мое! (Онъ такъ называлъ всѣхъ женщинъ не старше пятидесятилѣтняго возраста). Я васъ очень люблю, но зачѣмъ же бѣдную Пронскую губить? Это не хорошо, дитя мое! Тепера она въ этой роли имѣетъ успѣхъ, а рядомъ съ вами—поблекнетъ, потускнѣетъ... Зачѣмъ же это?

Графъ окончательно разстроилъ ее. Онъ угадалъ ея мысль, это было хуже всего. Да, именно, она знала, что Пронская рядомъ съ нею покажется ничтожествомъ, и хотѣла этого, хотѣла утопить ее въ лучахъ своего успѣха.

„Это дурно, я знаю, что это дурно! думала она, прижавшись въ углу кареты,—но что же мнѣ дѣлать, когда я не могу вынести ея первенства? Я вовсе не дурная женщина, я не злая, но я не могу, не могу!“

Дома она плакала и на тревожные вопросы Андрея Дмитріевича отвѣчала:

— Не знаю, сама не знаю! Такъ, просто нервы!..

Она выступила въ „Аидѣ“ съ большимъ успѣхомъ, но это ее не удовлетворило. На третій день ея маленькій письменный столъ былъ съ утра заваленъ газетами. Дрожащими руками развертывала она каждую газету и искала быстрымъ взглядомъ рецензіи. Найдя ее, она впивалась въ строки и читала ихъ по нѣсколько разъ. Лицо ея выражало удовольствіе, когда отзывъ былъ вполнѣ благопріятенъ, а такихъ было огромное большинство. Но вотъ она съ бѣшенствомъ разорвала газету и швырнула ее на полъ.

— Идіотъ! У меня въ голосѣ чувствуется утомленіе!? Ну, развѣ не идіотство написать такую глупость? Откуда утомленіе? Съ какой стати? Точно у какой-нибудь старушки Пронской, которая поетъ пятнадцать лѣтъ!..

— А кто это пишетъ? спокойно спросилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Почемъ я знаю!.. Идіотъ пишетъ! какой-то „Корнетъ-а-пистонъ...“

— „Корнетъ-а-пистонъ“? Гм... Это очень почтенный

Digitized by Google

рецензентъ... Онъ всегда высказываетъ основательныя мнѣнія...

— Ну, да, какъ-же! Не находишь-ли и ты, что у меня утомленный голосъ? Вотъ это было-бы превосходно!

— Я этого не говорю, мой другъ, но надо принимать во вниманіе всякое мнѣніе...

Онъ поднялъ разорванную газету и внимательно прочиталъ рецензію. Она была написана въ доброжелательномъ тонѣ, въ ней признавались высокія качества голоса, школы и артистическаго исполненія, но высказывалось сожалѣніе, что голосъ молодой пѣвицы какъ будто нѣсколько утомленъ. Вспоминался ученическій спектакль, въ которомъ голосъ г-жи Бравиной звучалъ лучше. Въ рецензіи не было ничего обиднаго. Андрей Дмитріевичъ покачалъ головой. „Еще одна слабость явилась у Оленьки: нетерпимость!“ подумалъ онъ. Онъ не былъ на этомъ спектаклѣ, и потому не могъ провѣрить мнѣніе рецензента. Показались и такія рецензіи, въ которыхъ г-жа Бравина совсѣмъ не признавалась. Отрицались рѣшительно всѣ достоинства, и при этомъ прибавлялось, что, конечно, ее нельзя и сравнивать съ Пронской, у которой есть всѣ достоинства. Такія рецензіи даже не обижали Оленьку. Она съ презрѣніемъ, гадливо бросала ихъ подъ столъ и говорила: „Это другъ Пронской! Даже не потрудился надѣть маску... фи, какая гадость!..“

Андрей Дмитріевичъ рѣшилъ лично провѣрить впечатлѣніе „Корнетъ-а-пистона“. Онъ взглянулъ на дѣло очень серьезно. Такой почтенный и безпристрастный критикъ не станетъ утверждать подобную вещь безъ основанія. Очень можетъ быть, что Оленька просто не достаточно оправилась послѣ болѣзни, и оттого голосъ ея былъ не такъ звученъ. Сама она этого не замѣчаетъ, такъ и должно быть.

Онъ пошелъ въ театръ, когда вторично давали „Аиду.“ Чѣмъ больше онъ слушалъ Оленьку, тѣмъ болѣе поражался. Голосъ ея былъ, попрежнему, превосходенъ, но какъ-то такъ выходило, что рядомъ съ звучной, серебристой нотой она брала какую-то неполную, тусклую. Оттѣнокъ былъ очень тонкій, публика его не замѣчала, но онъ чувствовалъ. Онъ замѣтилъ даже, что Оленька раза три откашлялась. Дома онъ не сказалъ ей объ этомъ ни слова, боясь огорчить ее поспѣшнымъ замѣчаніемъ. Онъ еп

Digitized by Google

разъ пошелъ въ театръ, и вынесъ то же впечатлѣніе. Тогда онъ рѣшилъ поговорить съ нею.

— А знаешь, Оленька, мнѣ кажется, не рано-ли ты начала пѣть послѣ болѣзни? осторожно сказалъ онъ.

Она подняла на него вопросительный, изумленный взоръ.

— Рано? Что это значитъ—рано? Почему ты думаешь, что рано?

— Да, такъ... мнѣ показалось, что ты кашляла на сценѣ... Это можетъ повредить твоему голосу...

— Какія глупости! раза два кашлянула... просто мнѣ попалъ въ горло дымъ отъ этихъ жертвенныхъ кадильницъ... Вѣдь я же была у доктора... Онъ сказалъ, что связки у меня совсѣмъ здоровы...

Андрей Дмитріевичъ сѣлъ въ качалку и началъ говорить небрежнымъ тономъ, какъ-бы вскользь и не придавая значенія тому, что говоритъ. Онъ не разсчитывалъ убѣдить ее въ чемъ-нибудь. Онъ только хотѣлъ заронить въ ея голову мысль, чтобъ она сама надъ ней задумалась.

— Видишь-ли, ты тогда разсердилась на рецензію „Корнетъ-а-пистона". Можетъ быть, онъ и не правъ... И, конечно, объ утомленіи не можетъ быть и рѣчи... Но вотъ это раздраженіе въ горлѣ... На него-бы слѣдовало обратить вниманіе. У тебя попадаются тусклыя ноты...

Ольга Сергѣевна покраснѣла.

— Тусклыя ноты! Удивительно! Откуда у меня взялись тусклыя ноты... Это твои фантазіи, Андрей... Я не понимаю, зачѣмъ тебѣ понадобилось раздражать меня...

— Я вовсе не хотѣлъ раздражать тебя. Вѣдь, я говорю это по-дружески... А впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь... Вотъ видишь, ты и теперь кашлянула!..

— Это я схватила легкую простуду вчера, когда ѣхала изъ театра... Надо сегодня съѣздить къ доктору и затѣмъ дня два не выходить изъ дому...

„Легкія простуды" повторялись все чаще и чаще. Ужъ въ двѣ недѣли Ольга Сергѣевна непремѣнно хоть разъ схватитъ „легкую простуду" и просидитъ дня два въ комнатѣ. Послѣ дачной болѣзни горло ея сдѣлалось необыкновенно воспріимчивымъ къ простудѣ. Ей пришлось отказаться еще отъ двухъ ролей. Директоръ посматривалъ на [illegible]косо. Однажды былъ парадный спектакль, на кото- [illegible] ждали какую-то иностранную знаменитость. Ольга [illegible]евна должна была пѣть при отборной публикѣ. Ди-

Digitized by Google

ректоръ наканунѣ этого дня былъ съ нею крайне любезенъ и сказалъ:

— Вотъ, госпожа Бравина, покажите иностранному гостю, что у насъ умѣютъ пѣть не хуже заграничнаго.

Ольга Сергѣевна уже съ вечера волновалась, пѣла гаммы, повторяла музыку, а на утро другого дня у нея слегка заболѣло горло.

— Надѣюсь, ты пошлешь отказъ! замѣтилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Ни за что на свѣтѣ! рѣшительнымъ тономъ отвѣтила она.—Ни за что на свѣтѣ!.. Это легкій катаръ, я пополощу горло квасцами, и къ вечеру все пройдетъ...

— Но это сумасшествіе! за это можно дорого поплатиться.

— Какъ? Ты хочешь, чтобъ я сегодня не пѣла? Чтобъ я пропустила такой случай явиться передъ избранной публикой? Подобные спектакли бываютъ разъ въ два года... Такъ по-твоему я должна и на этотъ разъ уступить мѣсто Пронской? Я тебѣ удивляюсь, Андрей! ты совсѣмъ какъ-то странно разсуждаешь...

Она усердно цѣлый день полоскала горло квасцами и подавляла кашель, стараясь увѣрить мужа, да и себя тоже, что болѣзнь прошла. Вечеромъ она была на сценѣ и пѣла... Андрей Дмитріевичъ былъ въ театрѣ и ясно видѣлъ, что она слѣдитъ за каждымъ своимъ шагомъ и думаетъ о каждой нотѣ. Обыкновенно, она пѣла легко и увѣренно, а здѣсь осторожно и какъ-бы съ опаской. Она имѣла успѣхъ, но послѣ спектакля заболѣла на цѣлую недѣлю. Кашель усилился, хрипота была явная, она не рѣшилась даже поѣхать къ горловому врачу, а пригласила его къ себѣ на домъ. Легкій катаръ, полосканье квасцами и горловой врачъ, — эти три вещи сдѣлались почти постоянными спутниками ея жизни. На это у нея было утѣшеніе, что у всѣхъ пѣвцовъ во время сезона бываетъ легкій катаръ, а для отдыха существуетъ лѣто. И правда, лѣто она отдыхала основательно. Она, кажется, сама чувствовала, что голосъ ея требуетъ осторожнаго обращенія, и ничего не пѣла, кромѣ гаммъ...

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

1го Финлянд. Стрѣлк. Библіотека 4 роты. полка.

Сумерки.

Посмотри, какъ медленно, любовно
Къ намъ подходитъ сумракъ боязливый:
Потревожить насъ не хочетъ словно,
Этотъ спутникъ ночи молчаливый.

* * *

И пришли за нимъ нѣмыя тѣни,—
Цѣлый сонмъ незримыхъ очертаній,
Цѣлый міръ истомы, грёзъ и лѣни,—
Міръ тоскливыхъ, сладостныхъ желаній.

* * *

Въ этотъ часъ, и призрачный, и смутный,
Отъ любви какъ будто чуда жду я,
И прекраснѣй счастья свѣтъ минутный,
Благороднѣй прелесть поцѣлуя.

* * *

Въ тишинѣ такая грусть таится
И такая жуткая отрада,
Точно сонъ давно забытый снится—
И боишься, что проснуться надо...

Сергѣй Сафоновъ.

Digitized by Google

Одинъ изъ многихъ.

Повѣсть **Н. Д. Маслова.**

I.

Съ небольшимъ два года тому назадъ Приглядскій оставилъ школьную скамью и началъ жить самостоятельною жизнью, а теперь уже терніи этой самостоятельной жизни дали себя почувствовать, и ему стали являться вопросы, настоятельно требовавшіе разрѣшенія, которыхъ онъ, однако, разрѣшить не умѣлъ или не могъ... Приглядскому, несмотря на его безпечность и веселый нравъ, приходи[illegible] по временамъ задумываться, и жестоко задумывати[illegible] своей будущности...

Владиміръ Александровичъ Приглядскій,—или Ло[illegible] какъ нѣкоторые его называли въ глаза, и больши[illegible] за глаза,—родился въ достаточной, но не богатой с[illegible] Родители его имѣли только внѣшность богатыхъ л[illegible] оправдывая собою поговорку, что богатаго отъ торов[illegible] не отличишь. Жили они въ Петербургѣ и были зара[illegible] довольно общей всѣмъ большимъ городамъ болѣзн[illegible] желаньемъ не отставать отъ другихъ въ тщеславно[illegible] ставкѣ своей блестящей пустоты и импонирующей с[illegible] Они давали обѣды и вечера, а Лодьку, своего едино[illegible] наго ребенка, одѣвали, какъ куколку, при гостяхъ его[illegible] зывали и имъ тщеславились. Это было первымъ н[illegible] стіемъ Лодьки. Другимъ его несчастіемъ было то, чт[illegible] былъ мальчикъ хорошенькій, ловкій и умненькій, [illegible] гости, которымъ его показывали, не только его ла[illegible] въ угоду родителямъ, но, дѣйствительно, имъ забавл[illegible] и любовались. Потомъ его отдали въ привилегиров[illegible] учебное заведеніе. Родители мечтали о его будущей ка[illegible] въ виду особыхъ преимуществъ того учебнаго заве[illegible] куда онъ попалъ; а Лодька, уже успѣвшій заразиться[illegible]

Digitized by Google

славіемъ, былъ очень польщенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ разъ въ его классѣ было два графа, три князя и два сына очень крупныхъ и видныхъ сановниковъ. Изъ этого числа два князька были, положимъ, захудалыхъ родовъ, но все-же князья; а остальные и по положенію, и по богатству несомнѣнно предназначались въ ряды золотой молодежи. Эта будущая золотая молодежь, кромѣ одного изъ нихъ, училась плохо; нѐкогда имъ было заниматься такими пустяками, какъ уроки... Они составляли особый веселящійся кружокъ, къ которому присоединилось еще двое ихъ товарищей, изъ нихъ одинъ съ громаднымъ состояніемъ желѣзнодорожнаго происхожденія. Лодька учился не особенно усердно, но былъ изъ первыхъ, благодаря своей блестящей памяти и способности все схватывать на лету. И однако онъ своими учебными успѣхами и близостью съ другими лучшими учениками нисколько не дорожилъ; онъ спалъ и видѣлъ, какъ-бы сблизиться съ блестящимъ веселящимся кружкомъ, а этотъ кружокъ относился къ остальнымъ товарищамъ нѣсколько свысока, съ насмѣшливою снисходительностью, и очень подчеркивалъ свою исключительность. Не сразу Лодькѣ удалось туда попасть. Въ стѣнахъ учебнаго заведенія съ нимъ обходились по-товарищески, но никакія попытки болѣе тѣснаго сближенія сначала не удавались. Мало-по-малу, однако, ласковость и кошачьи ухватки Лодьки побѣдили холодность, съ которою были встрѣчены его заискиванья. Надо было Лодькѣ отдать справедливость: въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, было очень много обаянія. Такой онъ былъ привлекательный своею юношескою, нѣсколько женственною красотою, такъ нѣжно и любовно онъ на всѣхъ смотрѣлъ, такъ сочувственно улыбался всему, что другіе говорили и дѣлали! И всегда-то желанія другихъ были его желаніями, никогда никто не слышалъ отъ него ни слова противорѣчія!.. Можно было-бы предположить, что такое отсутствіе воли должно обезличивать Лодьку? Нисколько. Онъ чужія желанія усвоивалъ, они сдѣлались его собственными желаніями, и онъ былъ изобрѣтателенъ и остроуменъ въ подробностяхъ ихъ примѣненія. Нельзя было не оцѣнить всего этого по достоинству, и, къ великому торжеству Лодьки, онъ былъ, наконецъ, признанъ „своимъ“ въ веселящемся товарищескомъ кружкѣ, куда онъ такъ давно и такъ сильно рвался; сначала стали съ нимъ видѣться по

Digitized by Google

праздникамъ, ходить къ нему и звать его къ себѣ, а потомъ онъ былъ допущенъ и въ квартиру желѣзнодорожнаго богача, гдѣ былъ сборный пунктъ кружка, и гдѣ происходило все то, чему не слѣдъ происходить между учениками. Это было третьимъ и самымъ большимъ несчастіемъ Лодьки.

Но всѣ эти несчастья самимъ Лодькой отнюдь несчастіями не признавались. Совсѣмъ наоборотъ. Онъ съ наслажденіемъ останавливался на воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ и ранней юности, и уже, конечно, считалъ и свое дѣтство, и свою раннюю юность вполнѣ благополучными. И однако это благополучіе довело до его теперешняго положенія, которое было подчасъ такимъ тяжелымъ. Лодькѣ не трудно было-бы прійти къ выводу, что его теперешнее неблагополучіе произошло изъ его прежняго благополучія,— если-бы онъ задался вопросомъ о причинахъ тѣхъ послѣдствій, которыя, спустя всего два года послѣ его выпуска изъ училища, такими черными пятнами ложились на его жизнь... Но задавался-ли онъ когда-нибудь такимъ вопросомъ? Разумѣется, нѣтъ. Ему это и въ голову не приходило.

Въ тотъ годъ, когда Лодька кончалъ курсъ, и кончалъ его, къ удивленію очень многихъ, хорошо, несмотря на частые кутежи, родители его убѣдились въ полнѣйшей для нихъ невозможности продолжать свою петербургскую жизнь. Изъ трехъ имѣній два были проданы, а третье, правда, самое большое, теперь закладывалось, въ виду необходимости заплатить нѣкоторые долги, а также расходовъ, предстоявшихъ по случаю выпуска Лодьки. Ничего другого не оставалось, какъ уѣхать въ деревню, и тамъ жить какъ можно экономнѣе. Лодькѣ было ужасно обидно, что это такъ случилось. Родители не стѣсняли его нисколько; напротивъ, они всегда поддерживали его стремленія сближаться со знатными и богатыми товарищами, хотя-бы ему и приходилось приносить для этого нѣкоторыя, а иногда и довольно значительныя, жертвы. Его товарищи всегда встрѣчали со стороны его родителей самый внимательный, радушный пріемъ и самую нѣжную снисходительность къ ихъ юношескимъ шалостямъ; поэтому всѣ они очень любили бывать у Приглядскихъ. А теперь, когда родители уѣзжаютъ, будетъ уже не то; у Лодьки уже не будетъ беззавѣтно ему преданныхъ и очень полезныхъ союзниковъ. Это было самое важное соображеніе,

Digitized by Google

потому что именно теперь, при вступленіи Лодьки въ свѣтъ и на службу, знатные и богатые товарищи могли ему оказать очень большія услуги. Но и во многихъ другихъ отношеніяхъ отъѣздъ родителей былъ для Лодьки очень не удобенъ. Жизнь въ родительскомъ домѣ снимала-бы съ него множество заботъ... Очень, очень было непріятно извѣстіе объ ихъ отъѣздѣ; но Лодька понималъ, что другого исхода нѣтъ. Надо было съ этимъ примириться... А что сказать?.. Непремѣнно будутъ спрашивать!..

— Скажи, посовѣтовалъ Александръ Максимовичъ, отецъ Лодьки,—что здоровье твоей матери не выноситъ петербургскаго климата... Доктора посовѣтовали...

— Ну, вотъ еще! возразилъ Лодька. — Если бы вы въ Италію ѣхали, — а то въ Новгородскую губернію... Для здоровья!.. Ça n'a ni queue, ni tête...

— Въ такомъ случаѣ, скажи, что намъ надоѣло жить въ Петербургѣ... Всѣ эти выѣзды, пріемы... Хочется отдохнуть...

Лодька не отвѣчалъ. Онъ раздумывалъ.

— Вотъ что, надумалъ онъ,—лучше всего сказать часть правды. Лѣтомъ вы уѣдете въ деревню; это совершенно естественно, и никакихъ вопросовъ не возбудитъ. А когда наступитъ зима, то я скажу, что вы нашли такія упущенія и безпорядки по управленію имѣньемъ, что вамъ, во избѣжаніе крупныхъ убытковъ, пришлось остаться въ деревнѣ, чтобы одну зиму похозяйничать. А потомъ...

— А потомъ мы и сами сюда вернемся, перебилъ Александръ Максимовичъ.—Я надѣюсь наши дѣла очень скоро поправить.

— Ого! удивился Лодька.

— Да. У меня есть цѣлый планъ. Отъ залога имѣнія, за необходимыми расходами, у насъ кое-что останется,— порядочно даже останется. Нужно будетъ сдѣлать нѣкоторыя затраты, ввести усовершенствованія. Управляющаго я устраню, и дѣло у меня пойдетъ отлично, потому что я самъ займусь хозяйствомъ.

— Гм... Пойдетъ-ли въ самомъ дѣлѣ отлично? Вѣдь, ты, папа, никогда хозяйствомъ не занимался! замѣтилъ Лодька.

— Что же за бѣда?.. Заняться всѣмъ можно, когда есть голова на плечахъ. Не боги горшки лѣпятъ...

— Учиться будемъ, вставила свое слово Марья Ни-

Digitized by Google

колаевна, мать Лодьки. — У насъ есть сосѣди, опытные хозяева. Съ крестьянами будемъ говорить, изъ нихъ есть умные мужики... Я, со своей стороны, молочнымъ хозяйствомъ займусь.

— Ну да, конечно, снисходительно улыбнулся Александръ Максимовичъ.—Молочное хозяйство не серьезное дѣло, разумѣется, но все же занятіе.

— Вы, мужчины, обидѣлась Марья Николаевна,—только то и считаете серьезнымъ, что вы сами дѣлаете.

— Нѣтъ, отчего же, съ прежнею снисходительностью возразилъ Александръ Максимовичъ.—Но нельзя же сравнивать твое молочное хозяйство съ задачами, которыя мнѣ предстоятъ.

— Какія такія задачи? послѣдовалъ со стороны Марьи Николаевны вопросъ, не лишенный ироніи.

— Мало-ли какія!.. Хотя бы правильная вырубка лѣса... Подумай-ка, сколько это намъ денегъ дастъ! Вѣдь лѣсу-то у насъ видимо-невидимо!.. И въ Борисовѣ, и въ Марьинѣ, и въ той еще пустоши... Ну, какъ эту пустошь... Забылъ названіе!

— Вырубка лѣса? спросилъ Лодька. — Да что же ты будешь съ вырубленнымъ лѣсомъ дѣлать? Его сбывать некуда.

— Ну, какъ некуда! Это все выдумки управляющаго... Поискать, такъ найдемъ сбытъ...

— Куда же, однако? Сплавной рѣки нѣтъ, а до ближайшаго города сорокъ верстъ каторжной дороги!

— Ахъ, Лодя, это удивительно, какъ ты споришь, разсердился Александръ Максимовичъ. — Ты будешь сидѣть здѣсь, въ Петербургѣ, и думаешь видѣть дѣло лучше, чѣмъ я на мѣстѣ!

— Да что же мнѣ спорить... Мнѣ же выгоднѣе, если у тебя дѣло пойдетъ хорошо!

— Разумѣется!.. Да и развѣ одинъ лѣсъ?.. Я водочный заводъ построю! Вотъ это живо подниметъ наши дѣла, это ужъ вѣрное...

Водочный заводъ пришелся очень по-сердцу Лодькѣ. На водочный заводъ, и онъ тоже возложилъ большія надежды. „Если водочный заводъ пойдетъ хорошо“, думалось ему,—„такъ и, въ самомъ дѣлѣ, все можетъ поправиться, и опять на нашей улицѣ будетъ праздникъ“.

Онъ однако скоро объ этомъ забылъ, да и вообще пе-

ресталъ думать о томъ, что разстроены-ли денежныя дѣла его родителей, или не разстроены. Разстройство родительскихъ дѣлъ на его благосостоянiи покуда еще не отзывалось, да и теперь у него своихъ личныхъ хлопотъ накопилась цѣлая пропасть. Предстоялъ выпускъ, и соединенные съ нимъ прощанье съ товарищами, заказы платья, покупки вещей, хлопоты объ опредѣленiи на службу и представленiе къ новому, служебному начальству... До того-ли было, чтобы думать о вырубкѣ лѣса или о водочномъ заводѣ?

Въ маѣ состоялся выпускъ Лодьки изъ учебнаго заведенiя, гдѣ онъ воспитывался. Все обошлось очень гладко. Выпускные экзамены сошли хорошо, и Лодька получилъ наивысшiя служебныя преимущества. Опредѣлили его въ канцелярiю, откуда, обыкновенно, дѣлались карьеры. Великосвѣтскiе товарищи были съ нимъ любезнѣе, чѣмъ когда-либо. Наконецъ, и въ деньгахъ недостатка не было, потому что имѣнье только что заложили и всѣхъ денегъ спустить еще не успѣли. Ничто не мѣшало Лодькѣ пользоваться настоящимъ и упорно отворачиваться отъ угрозъ будущаго. Вскорѣ послѣ его выпуска Александръ Максимовичъ и Марья Николаевна уѣхали въ деревню, и онъ остался одинъ на ихъ большой квартирѣ, такъ какъ срокъ контракта на эту квартиру кончался только въ августѣ. Въ деревню Лодька ѣхать не пожелалъ. Онъ вообще деревни не любилъ, и перспектива лѣта въ Петербургѣ, и поѣздокъ по петербургскимъ окрестностямъ съ ихъ увеселительными заведенiями ему очень улыбалась. Къ тому же онъ былъ не прочь выказать передъ начальствомъ свою служебную ревность, не умѣряющуюся даже льготами лѣтняго времени и жертвующую отпускомъ, которымъ воспользовались почти всѣ его товарищи.

Впрочемъ, Лодька за свою жертву былъ вознагражденъ. Боже мой, сколько онъ за лѣто сдѣлалъ разнообразныхъ, но одинаково прiятныхъ знакомствъ! Между прочимъ, случайно встрѣтившись съ семействомъ своего начальника канцелярiи, онъ, представленный матери семейства, успѣлъ ей очень понравиться, очаровалъ ея дочерей, немедленно сдѣлалъ имъ визитъ и за лѣто значительно съ ними сблизился. Дочери были некрасивы и не очень молоды, pater familias выдвинулся, благодаря своимъ дарованiямъ, изъ заурядныхъ чиновниковъ, семья Тихомировыхъ къ петер-

Digitized by Google

бургскому свѣту не принадлежала, и великосвѣтскіе друзья Лодьки Тихомировыхъ хотя и встрѣчали, но презрительно игнорировали. Все это такъ,—но нельзя же не дѣлать уступокъ соображеніямъ о своей служебной будущности!.. Лодька не только самъ безпрестанно бывалъ въ семьѣ своего начальника, но даже представилъ Тихомировымъ двухъ или трехъ титулованныхъ юношей,—не изъ самыхъ блестящихъ, конечно, но Тихомировы и отъ того были въ восхищеніи. А Лодька, сблизившись съ ними, считалъ свое служебное положеніе упроченнымъ,—и въ этомъ онъ былъ, до извѣстной степени, правъ.

Возвратившійся въ Петербургъ въ началѣ августа, для окончанія разныхъ дѣлъ, Александръ Максимовичъ остался очень доволенъ практичностью и ловкостью Лодьки. Это служило ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ неудачѣ его собственныхъ предпріятій, которыя сразу же пошли плохо. Отъ эксплуатаціи лѣса пришлось отказаться,—сбыта на мѣстѣ, дѣйствительно, не было, а расходы перевозки поглотили бы всѣ выгоды операціи. Начинать водочный заводъ было не съ чѣмъ,—слишкомъ мало оставалось денегъ отъ залога имѣнія. Увольненіе управляющаго тоже къ благу не послужило.

— Когда вы съ матерью переѣхали жить въ Петербургъ, не удержался Лодька отъ попрека,—было у насъ три имѣнья, изъ нихъ два не заложенныхъ... А теперь мы чуть-ли не нищіе... Все прожили... И что вы отъ этого выиграли?..

— Тебя воспитали, во-первыхъ...

— Меня воспитали!.. Не на меня же вы все это ухнули!..

— Странно ты говоришь! огорчился Александръ Максимовичъ.—Не на тебя... И на тебя не мало пошло!.. Да и намъ съ твоею матерью нельзя же было жить, какъ какимъ-нибудь мѣщанамъ... Связи поддерживали, новыя дѣлали... Тебѣ же все это пригодится.

— Обо мнѣ нечего безпокоиться, я и самъ сумѣю себѣ связи сдѣлать, не безъ гордости возразилъ Лодька.— Лучше было бы состояніе сохранить... Не подумай, впрочемъ, папа, что я тебя упрекаю,—поправился онъ потомъ,—Боже меня избави отъ упрековъ!.. Я о васъ думаю, а не о себѣ... Я обойдусь... Ну, въ случаѣ крайности, рѣшусь на богатую женитьбу, покуда молодъ...

— Разумѣется... Гораздо лучше жениться раньше, пока жизнь не истрепала!..

Digitized by Google

— Ну, это не потому...

— Не потому, конечно... А между прочимъ и это... Все же пріятно, женясь, сознавать въ себѣ молодыя силы, и нравственныя, и физическія.

— Нѣтъ, это все равно. На жизнь надо смотрѣть трезво, жизненные вопросы надо ставить прямо. Если приходится принимать лѣкарство, то нечего утѣшать себя тѣмъ, что оно вкусно, а нужно себѣ сказать, что оно полезно, и проглотить его, какъ бы оно скверно ни было.

— Гм... гм... Ужъ это... того... Слишкомъ прозаично. Нельзя же молодому человѣку быть такъ... Ну, какъ это сказать? Terre à terre.

— Да какая же поэзія въ женитьбѣ для поправленія денежныхъ обстоятельствъ?

— Я не говорю, что въ этомъ поэзія... А вообще... Въ наше время были идеалы, а у васъ все рубль, да рубль...

— Да вѣдь безъ рублей шагу не ступить, улыбнулся Лодька.—Я на мѣщанскую точку зрѣнія не становлюсь, деньги для меня не цѣль жизни, а только средство, въ обществѣ я всегда буду имѣть видъ человѣка, беззаботнаго насчетъ денегъ, — но нельзя же не признать, что въ нашъ вѣкъ деньги—оружіе самое могучее... Слагать этого оружія зря не слѣдуетъ... А кстати о деньгахъ. Я надѣюсь, что, уѣзжая, ты мнѣ оставишь достаточныя средства для существованія?.. А?.. Ты какъ объ этомъ, папа, думаешь?

Какъ онъ объ этомъ думаетъ?.. Александръ Максимовичъ думалъ объ этомъ, и даже очень много, но до сихъ поръ не придумалъ еще ничего путнаго, а потому прямой вопросъ Лодьки поставилъ его въ затрудненіе.

— Я полагаю, сказалъ онъ,—что продажа мебели и нѣкоторыхъ вещей дастъ намъ хорошія деньги.

Лодька горько улыбнулся.

— Ты на это разсчитываешь... для меня?

— Эти деньги всѣ цѣликомъ можно будетъ тебѣ отдать, поспѣшно отвѣтилъ Александръ Максимовичъ.

— Неужели-же отъ залога имѣнья ничего не осталось?

— Не то, чтобы не осталось... Ну, а, конечно, не особенно много... Да это не бѣда, потомъ будутъ и доходы.

— Гм... да... доходы...

Лодькѣ стало теперь ясно, что дѣло плохо; надо было устраиваться скромно и самому ковать свою судьбу. Бли-

Digitized by Google

жайшимъ стоялъ на очереди вопросъ о квартирѣ. Выборъ квартиры былъ дѣломъ важнымъ. Нужно было устроиться дешево, и вмѣстѣ съ тѣмъ прилично, чтобы недостатокъ денежныхъ средствъ никому не бросался въ глаза, а такіе недостатки, которые невозможно было скрыть, могли-бы быть отнесены насчетъ недосмотра или случайности. Это требовало серьезныхъ соображеній, осмотрительности и выдержки, и было не легко при усвоенной Лодькою привычкѣ жить и тратить деньги съ барскою безпечностью. Но случай помогъ Лодькѣ. У Александра Максимовича былъ школьный товарищъ, Кузьминъ, съ которымъ у Приглядскихъ сохранялись постоянно дружескія отношенія, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ покровительства съ ихъ стороны и заискиванія со стороны Кузьмина, считавшаго Приглядскихъ аристократами и очень гордившагося близостью съ ними. Кузьминъ и его жена давно уже мечтали сдѣлаться петербургскими домовладѣльцами, копили для этого деньги, не отступая даже передъ лишеніями, и теперь только что пріобрѣли домъ въ мѣстности, не очень дорогой, но довольно центральной. Узнавъ, что Лодькѣ нужна квартира, Кузьминъ сейчасъ-же предложилъ ему поселиться въ ихъ новомъ домѣ.

— Вѣдь, Владиміру Александровичу кухни не нужно? спросилъ онъ у Александра Максимовича.

— Разумѣется, нѣтъ. Не будетъ-же онъ дома обѣдать.

— Въ такомъ случаѣ, прекрасно. Пойдемъ смотрѣть...

Пошли, и квартира Лодькѣ очень понравилась. Уже то подкупало, что квартира имѣла отдѣльный маленькій подъѣздъ прямо съ улицы. Комнаты тоже были хороши, но ихъ было всего двѣ, а Лодькѣ хотѣлось имѣть, по крайней мѣрѣ, три. Ему претило, чтобы входъ изъ передней былъ прямо въ кабинетъ. Онъ находилъ, что это будетъ ужъ какъ-то очень... по-мѣщански.

— Этой бѣдѣ можно помочь, сказалъ Кузьминъ.—Рядомъ квартира, въ которую я самъ переѣзжаю, и тамъ для меня слишкомъ много комнатъ. Одну можно отдѣлить сюда.

— Какъ это странно, громко размышлялъ Александръ Максимовичъ.—Квартира съ отдѣльнымъ подъѣздомъ, а всего двѣ комнаты, и безъ кухни.

— Такъ ужъ было устроено бывшимъ хозяиномъ дома пояснилъ Кузьминъ.—Тутъ жилъ его сынъ, офицеръ, маленькая квартира имѣла внутреннее сообщеніе съ бол

Digitized by Google

шою, гдѣ домохозяинъ жилъ самъ, и гдѣ теперь буду жить я... Да вотъ что,—спохватился онъ, обращаясь къ Лодькѣ,—у сына бывшаго домохозяина вторая комната была кабинетомъ и спальней вмѣстѣ; кровати не было, и онъ спалъ на диванѣ. Можетъ быть, и вы такъ-же устроитесь?

— Ну, нѣтъ, поморщился Лодька,—это неудобно.

— Какъ хотите; желаете три комнаты, такъ и три будутъ... Ну, а съ мебелью какъ? Нужна она вамъ или нѣтъ?

Въ первой комнатѣ, довольно обширной, стояла старинная мебель краснаго дерева съ позолотою, обитая довольно-таки выцвѣтшимъ отъ времени, но все еще крѣпкимъ, краснымъ штофомъ. Эта мебель досталась Кузьмину вмѣстѣ съ домомъ, такъ какъ прежнему домохозяину некуда было ее дѣвать въ своемъ новомъ наемномъ помѣщеніи.

— Да, да, поспѣшно отвѣтилъ Александръ Максимовичъ,—пускай мебель остается здѣсь... Cela a du style, cela fera bien, обратился онъ къ Лодькѣ.

Лодька тоже согласился que cela a du style. Не то, чтобы онъ любилъ старинную мебель, но между его пріятелями было принято любоваться стариной. Кромѣ того, Лодька, какъ человѣкъ прежде всего практичный, сейчасъ-же сообразилъ, что хозяйскую мебель и потому еще нужно оставить, что это дастъ возможность продать бо̀льшее количество вещей и, слѣдовательно, запастись бо̀льшимъ количествомъ денегъ.

Вопросъ о квартирѣ былъ тутъ-же рѣшенъ; Александръ Максимовичъ очень скоро окончилъ свои дѣла и уѣхалъ, а Лодька переселился въ домъ Кузьмина.

II.

Съ тѣхъ поръ, слишкомъ два года онъ тамъ жилъ. Надо сказать правду, что на неудачи онъ вообще жаловаться не могъ. Многое, и даже почти все, шло очень гладко. Кузьминъ былъ домохозяинъ очень удобный. Лодька ему должалъ, и помногу, а онъ никогда не приставалъ, не надоѣдалъ напоминаніями объ уплатѣ. Служба шла отлично. Лодька уже имѣлъ штатное мѣсто и былъ предназначенъ къ наградѣ. Въ будущемъ, и не очень далекомъ, онъ могъ разсчитывать на видное положеніе и хорошее служеніе въ провинціи, если-бы рѣшился оставить Петербургъ. Всегда и всѣмъ онъ очень нравился, и свѣтскія

Digitized by Google

его связи упрочивались и расширялись. Все это такъ... но жутко было вѣчное безденежье.

А денегъ у Лодьки никогда не было. Получивъ свое мѣсячное жалованье, онъ черезъ два дня опять бывалъ безъ гроша. Александръ Максимовичъ, самъ вѣчно нуждаясь, присылалъ рѣдко и мало, не иначе, какъ послѣ многихъ напоминаній и настояній сына. Суммы, вырученной за вещи, хватило не надолго, а потомъ пришлось прибѣгать къ займамъ. И самое ужасное было то, что эту вѣчную нужду, подчасъ граничившую съ нищетою, постоянно надо было скрывать... Да, надо было скрывать... какъ гнойную рану, внушающую отвращеніе, хотя-бы и прикрытое соболѣзнованіемъ. Передъ всѣми надо было разыгрывать комедію юной беззаботности и барской расточительности, чтобы удерживаться въ томъ свѣтскомъ обществѣ и кутящихъ кружкахъ, которыми онъ такъ дорожилъ,—а чего это стоило? По временамъ, онъ просто задыхался въ этой атмосферѣ роскоши, блеска и тайныхъ униженій. Ему становилось жутко до слезъ, и являлась неодолимая потребность хоть кому-нибудь и какъ-нибудь высказаться. И онъ однажды высказался одному изъ двухъ захудалыхъ князьковъ, съ которыми онъ вмѣстѣ воспитывался, а теперь случайно служилъ въ одной канцеляріи.

Почему ему, а не кому-нибудь другому? На это едва-ли отвѣтилъ-бы самъ Лодька, хотя это и было совершенно естественно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ онъ вовсе не думалъ. Князь Подбереженскій былъ молодой человѣкъ хмурый, необщительный, и между товарищами симпатій не вызывавшій. Въ учебномъ заведеніи, гдѣ они съ Лодькой воспитывались, онъ въ теченіе шести лѣтъ почти всегда держался особнякомъ. Съ самаго перваго дня своего появленія въ училищѣ, 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ сразу заявилъ себя необщительнымъ, сторонящимся отъ другихъ; его тоже нѣсколько обѣгали, но однако относились къ нему съ уваженіемъ. Онъ былъ отличный ученикъ, способный и вдумчивый, съ твердымъ характеромъ, очевидно, знавшій, чего онъ хочетъ и куда онъ идетъ. Въ товарищеской средѣ онъ былъ изъ самыхъ бѣдныхъ, и бѣдность свою несъ гордо и независимо. Къ шумящей и веселящейся кутильной компаніи товарищ і онъ относился индифферентно, какъ будто ея совсѣмъ э замѣчалъ. Онъ не снисходилъ даже до ея осужденія, к ь

Digitized by Google

нѣкоторые другіе, и только для Лодьки дѣлалъ исключеніе. Лодьку онъ почему-то полюбилъ. А за что? Вѣдь, между Лодькой и Подбереженскимъ рѣшительно ничего не было общаго!.. Но развѣ одна только страстная любовь безпричинна? Безпричинною часто бываетъ, или-же, на первый взглядъ, кажется, очень значительная часть людскихъ привязанностей. Не по поводу одной только страстной любви, но по поводу многихъ и многихъ привязанностей сложилась поговорка: не пò-хорошу милъ, а пò-милу хорошъ.

Подбереженскій еще въ училищѣ пробовалъ оберегать Лодьку. Онъ хорошо понималъ искривленность Лодькиныхъ стремленій и хотѣлъ бы его образумить. Ему не вѣрилось, чтобы такой милый, симпатичный мальчикъ могъ быть отъ природы одаренъ несимпатичными свойствами. Нѣтъ, эти кажущіяся его свойства просто навязаны ему глупымъ воспитаніемъ и навѣяны окружающей его тщеславной пустотой. Надо заставить его оглянуться въ другую сторону, указать ему на прямую дорогу, — и онъ пойдетъ по этой прямой дорогѣ, бросивъ окольные пути... Если люди зрѣлые, и даже старые, принимаютъ обманы своего воображенія за истину, и, увлекаясь самомнѣніемъ, считаютъ свои приговоры непререкаемыми, то чему же удивляться, когда то же самое случается съ юношами? Подбереженскій былъ убѣжденъ въ безошибочности своего нравственнаго діагноза, и факты, противорѣчившіе этому діагнозу, мало и не надолго колебали его убѣжденіе. По природѣ молчаливый и сосредоточенный, онъ, обыкновенно, не высказывался, но когда рѣшался говорить, то говорилъ, не колеблясь и рѣзко. Такъ было и въ тотъ единственный разъ, когда онъ рѣшился прямо предостеречь Лодьку, не довольствуясь болѣе намеками, къ которымъ онъ и прежде иногда прибѣгалъ. Онъ встрѣтилъ Лодьку въ коридорѣ, гдѣ никого не было, взялъ его подъ руку, и сейчасъ же приступилъ къ дѣлу. Вопросы онъ поставилъ радикально. Что это за люди, изъ которыхъ онъ, Приглядскій, богато одаренный природою, сдѣлалъ свое постоянное общество? Дрянь, мишурная ветошь, никуда негодная. Души развратныхъ стариковъ въ оболочкѣ юношей! Кому они нужны, кромѣ тѣхъ кабаковъ и вертеповъ, гдѣ они выставляютъ напоказъ свое надутое ничтожество? А онъ, Приглядскій, имъ покло-

Digitized by Google

няется, и, право, можно даже подумать, что любуется ихъ самыми омерзительными свойствами, — ихъ чванствомъ, ихъ самоувѣренною заносчивостью, ихъ задорнымъ презрѣніемъ къ труду!.. Поклоняется!.. Да неужели-же онъ не понимаетъ, что онъ въ десять, во сто, въ тысячу разъ выше ихъ! Пускай онъ не вѣритъ ему, Подбереженскому,—но пускай онъ отдалится отъ излюбленныхъ имъ товарищей на одинъ мѣсяцъ,—на одинъ только мѣсяцъ,—пускай въ теченіе этого мѣсяца онъ всмотрится въ нихъ спокойно и безпристрастно, и тогда выскажетъ о нихъ свое собственное мнѣніе!.. Подбереженскій не сомнѣвается въ томъ, какое это будетъ мнѣніе..: И онъ увѣренъ, что Лодька самъ ужаснется той степи и того болота, куда онъ теперь забирается... Степь сушитъ, болото засасываетъ. Завязнувъ въ тинѣ, изъ нея, пожалуй, уже и не вылѣзешь... Это надо имѣть въ виду и не гоняться за красивою болотною растительностью и за степными миражами...

Степь!.. Болото!.. Миражи!.. Красивая болотная растительность!.. Что̀ это такое?.. Лодька слушалъ озадаченный. И вдругъ ему пришла въ голову забавная мысль, что этотъ степенный, благоразумный Подбереженскій, образцовый ученикъ, сошелъ съ ума или сдѣлался поэтомъ. Нельзя было такой мысли не улыбнуться, и Лодька улыбнулся. Но когда Подбереженскій, который все время говорилъ, не глядя на него, въ упоръ на него посмотрѣлъ, то улыбка Лодьки изъ насмѣшливой обратилась въ сочувственную, а глаза приняли слегка скорбное и нѣжное выраженіе. Подбереженскому показалось, что его слова подѣйствовали, и что онъ задѣлъ Лодьку за живое.

— Ну, что же ты скажешь?

Лодька понималъ, что ему надо было что-нибудь сказать,—но что̀? Споровъ онъ не любилъ; его коробило при одной мысли, что въ спорѣ онъ можетъ услышать что-нибудь для себя непріятное. А согласиться съ Подбереженскимъ тоже было не безопасно. Согласись онъ сегодня, и завтра Подбереженскій можетъ отъ него потребовать, чтобы онъ доказалъ свое согласіе не на словахъ только, а на дѣлѣ — съ него станется!.. Подъ вліяніемъ такой мысли, Лодькѣ стало досадно. Подбереженскій совсѣмъ не понимаетъ тѣхъ побужденій, которыми руководствуется Лодька; зачѣмъ же онъ лѣзетъ со своим

Digitized by Google

совѣтами? Вѣдь, Лодька не врывается же въ жизнь Подбереженскаго!

Къ счастью, кто-то подошелъ и избавилъ Лодьку отъ необходимости отвѣчать, а потомъ этотъ разговоръ уже болѣе не возобновлялся. Подбереженскій думалъ, что Лодька колеблется, не хотѣлъ къ нему приставать и своими приставаньями насиловать его совѣсть. Пускай самъ додумается и сознáетъ, гдѣ правда; такъ будетъ прочнѣе... А Лодька былъ очень доволенъ, что избавился отъ неумѣстнаго вмѣшательства Подбереженскаго. Въ первую же субботу послѣ разговора съ нимъ, онъ былъ вечеромъ, по обыкновенію, у Хаимова, того товарища-богача изъ желѣзнодорожниковъ, у котораго вся ихъ компанія всегда собиралась. Лодька, разумѣется, разсказалъ о выходкѣ Подбереженскаго,—осторожно, но не безъ нѣкотораго злорадства подсмѣиваясь и надъ самимъ Подбереженскимъ, и надъ его выходкою.

— Чего же отъ него ждать? сказалъ Хаимовъ съ задорнымъ нахальствомъ, свойственнымъ іерусалимскимъ дворянамъ, отъ которыхъ онъ происходилъ. — Развѣ онъ понимаетъ потребности нашей среды?.. Мужикъ онъ сиволапый, а не князь!.. Да и семья-то хороша! Я имѣю о нихъ понятіе; они въ двухъ верстахъ отъ Семеновска живутъ, въ своей маленькой усадебкѣ...

У Хаимова въ Семеновскѣ были крупные гешефты.

— Ты тамъ бывалъ?

— Гдѣ „тамъ"?.. У Подбереженскихъ?.. Разумѣется— нѣтъ!.. Въ провинціи, за неимѣніемъ людей, не приходится быть очень разборчивымъ; но съ Подбереженскими даже и тамошнее общество не знакомо... Княгиня еще туда-сюда... А княжна — сестра-то нашего — ѣздитъ въ Семеновскѣ уроки ребятишкамъ давать, чуть-ли не по полтиннику за урóкъ...

— Ха-ха-ха!..

— Ну, да, конечно!.. Голь перекатная!..

— И какъ только нашъ-то къ намъ попалъ?..

— Да, вѣдь, на казенный счетъ, развѣ не знаешь?.. Прежде былъ въ гимназіи—первымъ шелъ.

Лодька поощрительно улыбался, но, тѣмъ не менѣе, ему въ сердце прокрадывалось чувство, похожее на жалость къ Подбереженскому, котораго онъ самъ же выдалъ, и котораго теперь его друзья продергивали. Лодька зналъ

Digitized by Google

и чувствовалъ, что Подбереженскій къ нему привязанъ. Хотя онъ эту привязанность и не особенно цѣнилъ, но все же не былъ къ ней и равнодушенъ. Онъ любилъ завоевывать людей своими кошачьими ухватками и затѣмъ сознавать, что онъ имѣетъ власть надъ ихъ мыслями и чувствами. Людьми онъ не дорожилъ, но властью своею дорожилъ, — и очень. Онъ, однако, ни полусловомъ не заступился за Подбереженскаго; а только при послѣдовавшихъ встрѣчахъ съ нимъ сдѣлался любезнѣе и нѣжнѣе прежняго, да и то съ оглядкой, въ такое время, когда никто изъ кутильнаго кружка ихъ не видѣлъ.

А Подбереженскій, видя, что Лодька своихъ привычекъ не измѣняетъ, началъ понимать, что его краснорѣчіе на этотъ разъ пропало даромъ. Но—странное дѣло—онъ въ этомъ винилъ не Лодьку, а самого себя. Онъ, по своему обыкновенію, слишкомъ рѣзко говорилъ; онъ испугалъ Лодьку, а не образумилъ его. Да и когда чужое слово или чужой примѣръ заставляли кого-нибудь одуматься? Только тогда, когда они служили разъясненіемъ и дополненіемъ къ удару судьбы, обрушившемуся на собственную голову убѣждаемаго... Дѣлать нечего, надо ждать такого удара. Онъ одинъ можетъ образумить и, слѣдовательно, спасти бѣднаго Лодьку.

Но ждать пришлось долго. Подбереженскій очень объ этомъ сожалѣлъ, полагая, что, чѣмъ скорѣе ударъ разразится, тѣмъ легче будетъ Лодькѣ его вынести и отъ него оправиться. При ихъ выпускѣ изъ учебнаго заведенія, разнесся, было, слухъ,—шила въ мѣшкѣ не утаишь,— что Приглядскіе разорены, или почти что разорены. Подбереженскій думалъ, что именно это-то и есть спасительный ударъ. Думая такъ, онъ дѣлалъ крупную ошибку—судилъ по себѣ. Но кто же этой ошибки—и хорошо зная, что это ошибка—не дѣлаетъ?.. Благосостояніе семьи Подбереженскихъ тоже было не такъ давно разрушено молодой Леонидъ хорошо, во всѣхъ подробностяхъ, помнилъ тогдашнія свои впечатлѣнія, и по этимъ, жи представлявшимся ему, впечатлѣніямъ судилъ о впечатлѣніяхъ Лодьки.

Леониду Подбереженскому былъ пятнадцатый годъ: онъ былъ еще въ гимназіи, когда умеръ его отецъ. Этотъ умершій отецъ былъ неутомимый работникъ на себя. Онъ былъ и на правительственной службѣ, и часто

Digitized by Google

дѣлами занимался, зарабатывая довольно много. Да много и нужно было по вкусамъ и требованіямъ его жены, матери Леонида. Княгиня была въ семьѣ предметомъ роскоши, красивымъ, изящнымъ и вполнѣ безполезнымъ. Остроумная, находчивая, избалованная и капризная, она совершенно подчинила себѣ волю мужа, который на всѣхъ и на все смотрѣлъ ея глазами. Она же безжалостно эксплоатировала его страстную привязанность и не жалѣла его надрывавшихся за работою силъ. Состоянія у княгини не было никакого, у князя ничтожное, а жили они широко; при чемъ, однако, князь слылъ скупцомъ, дрожа надъ каждой копейкой расхода на себя, чтобы сберечь для жены. Дѣтей у нихъ было четверо. Двухъ старшихъ, сына и дочь, княгиня боготворила; къ младшей дочери была равнодушна, а самаго младшаго изъ своихъ дѣтей, сына Леонида, мальчика некрасиваго и не общительнаго, возненавидѣла отъ самой его колыбели и никогда не могла преодолѣть своей антипатіи къ нему.

Леонидъ росъ отверженцемъ, и, одаренный большою впечатлительностью, живо это чувствовалъ. Старшій его братъ умеръ семнадцатилѣтнимъ юношей, и онъ остался единственнымъ сыномъ, но это не измѣнило его положенія въ семьѣ. Его, попрежнему, не любила мать, и эта нелюбовь матери была въ глазахъ его отца жестокимъ осужденіемъ не ей, а ему. Значитъ, Леонидъ не достоинъ любви, если мать его не любитъ. Леонидъ рано началъ возмущаться своимъ положеніемъ, рано озлобился. Въ семьѣ онъ себя сознавалъ чужимъ, и только съ младшею сестрою былъ друженъ, ее одну только и любилъ. Онъ съ негодованіемъ относился къ узкому эгоизму и безсердечію матери; отецъ, со своею близорукостью и безотвѣтственностью рабочей лошади, былъ ему жалокъ, но уваженія не внушалъ. Всѣ эти чувства зародились въ немъ давно, а четырнадцатилѣтнимъ гимназистомъ Леонидъ сознавалъ ихъ ясно и опредѣленно; подъ вліяніемъ неестественной антипатіи матери и неестественнаго положенія въ семьѣ, онъ рано созрѣлъ и преждевременно сталъ мыслить, какъ взрослый человѣкъ. Онъ говорилъ себѣ, что ему опираться не на кого, что онъ самъ долженъ заботиться о своей будущности, и къ этому прибавлялъ, что и семья его также не имѣетъ права на него разсчитывать, и что если онъ когда-нибудь этой семьѣ понадо-

Digitized by Google

бится, то его обязанности къ ней опредѣлятся предписаніями закона. На его сердечность, на теплоту чувствъ, на какія-либо жертвы съ его стороны его мать полагаться не можетъ... О, конечно, нѣтъ!

А вышло не „нѣтъ", а „да"!..

Его отецъ умеръ въ нѣсколько дней. Надломленный организмъ этого неустаннаго труженика не выдержалъ болѣзни, казавшейся вначалѣ пустою. Никто смерти не ожидалъ, а когда ея стали бояться, то она была уже неизбѣжной, а больной находился безъ памяти. Никакихъ распоряженій сдѣлано не было. Денегъ осталось очень мало, а небольшое имѣнье было родовое, и къ нему наслѣдникомъ, за незначительными частями матери и сестеръ, являлся Леонидъ. Княгиня, эта избалованная женщина, привыкшая никогда и ни въ чемъ себѣ не отказывать и никогда ни о чемъ не заботиться, вдругъ очутилась въ положеніи, близкомъ къ нищетѣ. Сначала она объ этомъ не думала, ошеломленная неожиданно разразившимся надъ нею ударомъ. Но потомъ выходъ изъ этого ужаснаго положенія представился ей не только возможнымъ, но и легкимъ. Ея старшая дочь, ея любимица, была замужемъ за очень богатымъ человѣкомъ. Чего же лучше? Она, съ младшей дочерью, поѣдетъ жить къ ней, а съ имѣньемъ пусть будетъ, что̀ будетъ: все равно, Леониду достанется!.. Зять ничего не можетъ имѣть противъ такого устройства. Сынъ богатаго купца, пробравшагося въ чины и въ дворянство, онъ будетъ очень польщенъ возможностью жить съ тещей-княгиней, а дочь, конечно, поддержитъ ея планъ своею несомнѣнною и большою властью надъ мужемъ.

Такъ думала княгиня,—и ошиблась.

Ея старшая дочь, Валентина Сергѣевна Евсѣева, наслѣдовала ея узкій эгоизмъ и сердечную сухость, но безъ прелести ея свѣтскаго, плѣняющаго ума и съ примѣсью мѣщанской скаредности. Она завоевала себѣ богатаго мужа вовсе не для того, чтобы дѣлиться его богатствомъ съ расточительною матерью. Валентина Сергѣевна отказала княгинѣ наотрѣзъ, и отказала подъ предлогомъ весьма благовиднымъ: она не имѣетъ права навязывать мужу своихъ бѣдныхъ родственниковъ. А между тѣмъ, относительно зятя княгиня не ошиблась. Евсѣевъ, дѣйствительно по мотивамъ тщеславія, сначала желалъ, чтобы княгиня

Digitized by Google

и княжна переселились къ нему; но Валентина Сергѣевна такъ живо и ярко принялась описывать своевольный характеръ и расточительность матери и неуживчивость младшей сестры, что ея мужъ отказался отъ своего первоначальнаго желанія, и теперь громче жены говорилъ, что онъ не обязанъ навязывать себѣ на шею ея бѣдныхъ родственниковъ.—Княгинѣ оставалось одно: ѣхать въ имѣнье подъ Семеновскомъ, и жить тамъ, пользуясь своимъ положеніемъ опекунши несовершеннолѣтняго Леонида. Она туда поѣхала, проклиная судьбу, на все жалуясь и всѣхъ обвиняя, кромѣ себя. Въ деревнѣ она совсѣмъ уединилась, никого не хотѣла видѣть. Хаимовъ говорилъ завѣдомую неправду, увѣряя товарищей, что въ Семеновскѣ мѣстное общество не желало принимать Подбереженскихъ. Совсѣмъ наоборотъ, ихъ вездѣ принимали-бы съ удовольствіемъ, но сама княгиня и слышать не хотѣла о какихъ-нибудь выѣздахъ въ ихъ теперешнемъ положеніи, такомъ обидномъ для ея самолюбія.

— Что-же, это я въ ситцевыхъ платьяхъ, да въ русскихъ кружевахъ выѣзжать буду? спрашивала она, когда въ первое время ей предлагали познакомиться съ сосѣдями и съ городскими жителями. — Нѣтъ, ужъ увольте. Буду въ четырехъ стѣнахъ сидѣть, да горе свое мыкать. Мнѣ еще сыну нужно послѣдній грошъ отдавать; вѣдь, все его. Да и дочь молодая дѣвушка, надо и о ней подумать.

На дѣлѣ она, однако, ни о комъ, кромѣ самой себя, не думала. Сыну она ничего не давала, благо онъ ничего не спрашивалъ. Всѣ заботы по дому и по домашнему хозяйству пали сначала на бывшую няню, Авдотью Ивановну, а потомъ на дочь княгини, княжну Вѣру Сергѣевну. Земля-же издавна была въ арендѣ у крестьянъ. Княгиня, сдѣлавшаяся послѣ смерти мужа чрезвычайно богомольной, ѣздила въ сосѣдній монастырь, подолгу бесѣдовала съ монахинями, очень сошлась съ игуменьей, затѣивала дорогія работы для монастырской церкви, читала французскіе романы, вмѣшивалась во всѣ хозяйственныя распоряженія дочери, и, сама никогда и ничего по хозяйству не дѣлая, всегда и всѣмъ бывала недовольна, искренно считая себя угнетенной. Она и, въ самомъ дѣлѣ, была несчастна, и дѣлала несчастными всѣхъ ее окружающихъ.

По тому плану будущаго, который Леонидъ Подбере-

Digitized by Google

женскій составилъ себѣ еще при жизни отца, ему слѣдовало-бы безучастно относиться къ судьбѣ своей семьи и настойчиво требовать той доли имущества, которая ему слѣдовала по закону. Но этой программы, во всей ея полнотѣ, онъ выполнить не могъ. Къ семьѣ принадлежала сестра Вѣра, ему сердечно дорогая и всегда его любившая; а Вѣру отъ матери невозможно было отдѣлить. Объ этомъ онъ прежде не подумалъ, а то, конечно, и раньше сообразилъ-бы такую простую вещь, радикально измѣнявшую его планъ. Но чего онъ никакъ не ожидалъ, такъ это новаго чувства, которое у него тотчасъ послѣ смерти отца явилось къ матери. Ему стало ужасно ее жаль. Конечно, она его не любила, и онъ, благодаря ей, всегда былъ въ положеніи пасынка; конечно, она не только не была ему настоящею матерью, но была ему врагомъ, портила его отношенія съ покойнымъ отцомъ... Она, однако, теперь въ этомъ раскаивалась, хотя и было очевиднымъ, что свою антипатію она не могла вполнѣ преодолѣть... А главное, она была несчастна. По своей винѣ? Отчасти да, отчасти нѣтъ. Вѣдь, ни въ своей природѣ, ни въ своемъ воспитаніи она не виновна... Прежде Леонидъ такъ не судилъ. Но теперь его мать была безсильна ему вредить, и его озлобленіе разсѣялось. Его жалость къ этому несчастному, невмѣняемому существу не умалялась даже отъ того, что отъ безполезности и непригодности къ жизни княгини страдала нѣжно-любимая Леонидомъ сестра. Княжна Вѣра не только не имѣла тѣхъ удовольствій и развлеченій, которыя имѣютъ другія дѣвушки ея лѣтъ, она просто не имѣла отдыха. Требованія княгини были очень большія, сравнительно со средствами, получаемыми отъ имѣнья. И въ то же время, избалованная женщина рѣшительно не понимала чрезмѣрности своихъ требованій, и находила, что она желаетъ не только исполнимаго, но и необходимаго. „Чистота, опрятность и порядокъ денегъ не стòятъ“, говорила она. Нѣтъ, чистота, опрятность и порядокъ,—какъ ихъ понимала княгиня,—стоили много денегъ, гораздо болѣе, чѣмъ ихъ было у Подбереженскихъ. Канва, берлинская шерсть, шелкъ, и все что нужно было для сложныхъ и большихъ работъ, постоянно ею затѣиваемыхъ, тоже стоили не дешево. У княжны Вѣры не хватало духа говорить это матери. Многаго она не пойметъ. А что пойметъ, то ей будетъ тяжело, очень тяжело. Такъ

Digitized by Google

напримѣръ, она пойметъ, что ея вышиванья дороги, и принуждена будетъ отъ нихъ отказаться. Но это будетъ для нея ужасно. Эти полезныя работы составляютъ главное ея занятіе, чуть-ли не цѣль ея существованія... Надо, слѣдовательно, чѣмъ-нибудь дополнять недостающія средства къ жизни. Пользуясь правомъ, которое ей давалъ институтскій дипломъ, Вѣра Сергѣевна пріискала себѣ въ Семеновскѣ уроки. Когда она сказала объ этомъ матери, то княгиня не выразила ей ни запрещенія, ни одобренія. Просто промолчала. А гораздо позже, бесѣдуя со своей пріятельницей-игуменьей, она объяснилась такъ:

— Вы знаете, Вѣра уроки въ городѣ даетъ...

— Слышала, матушка княгиня, слышала!.. Позволили?

— Не запрещала... По нашимъ временамъ развѣ что запретишь?..

— Грѣхи, грѣхи! вздохнула игуменья.

— Грѣховнаго тутъ нѣтъ ничего, строго возразила княгиня, которой возгласъ игуменьи почему-то не понравился,—я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю; оттого я и не препятствовала...

— Что же тутъ грѣховнаго, заторопилась игуменья, стараясь попасть въ тонъ своей собесѣдницы,—не грѣховное, а доброе дѣло малолѣтокъ уму-разуму учить...

— Да. Я христіанское смиреніе не забываю, княжествомъ своимъ не кичусь... Дочь дѣтей учитъ... Что-же за бѣда? Выѣзжать намъ не на что, скучно ей, бѣдной... А тутъ въ городъ поѣдетъ, все ей развлеченіе... Да и не маленькая, надо-же и карманныя деньги имѣть. Мнѣ ей давать не изъ-чего. Имѣнье-то не наше, а сына; достигнетъ совершеннолѣтія,—придется отсчитываться.

— Все тщета... Въ довольствѣ, въ роскоши жили, а теперь... Дѣлать нечего, покоряться надо.

— Что вспоминать!

Леонидъ все въ подробности зналъ о деревенской жизни своихъ родныхъ; онъ съ младшей сестрой былъ въ постоянной перепискѣ. Онъ зналъ о развившейся и все усиливающейся набожности матери, о ея близости съ игуменьей сосѣдняго монастыря, гдѣ сердцемъ княгиня жила гораздо больше, чѣмъ дома. Онъ зналъ также, что княжнѣ Вѣрѣ приходится иногда очень тяжело, но не боялся и не сокрушался за нее. Обязанность есть обязанность; съ нею торговаться нельзя. Это и онъ самъ, и Вѣра помнятъ

Digitized by Google

твердо. Оба они одного закала люди, и вздыхать о непоправимомъ не будутъ. Не вздыхаетъ же онъ о томъ, что не можетъ пользоваться своими небольшими денежными средствами, оставляя ихъ въ распоряженіи матери, а самъ довольствуясь тѣмъ, что заработаетъ! Дѣлать съ этимъ нѣчего. Мать всегда мать, хотя-бы она въ свое время и не исполняла своихъ материнскихъ обязанностей. Когда, въ годъ выпуска изъ училища, Леониду исполнилось полное совершеннолѣтіе, онъ отказался вступить въ управленіе имѣньемъ, и все оставилъ по-старому. Пока мать жива, пусть она имѣньемъ пользуется, а позже обстоятельства укажутъ, что̀ надо будетъ сдѣлать. Если Вѣра не выйдетъ замужъ, или если она выйдетъ за бѣднаго человѣка, то онъ имѣнье отдастъ Вѣрѣ.

Вотъ какъ теперь сложились понятія Подбереженскаго о лежащихъ на немъ обязанностяхъ. Прежде онъ думалъ иначе, но смерть отца все перевернула. Да, ударъ судьбы не проходитъ безслѣдно... Не можетъ ударъ судьбы пройти безслѣдно и надъ Лодькой. Конечно, его положеніе совсѣмъ другое, менѣе драматическое, менѣе захватывающее. Его отецъ и мать живы, и онъ сынъ любимый, даже балованный. Но тѣмъ болѣе онъ долженъ страдать отъ пошатнувшагося благосостоянія родителей, — страдать за нихъ, а не за себя. Долженъ-же онъ понять свое положеніе, бросить всю мишуру, которою онъ забавляется, и заняться дѣломъ!.. А если не пойметъ?.. Если не пойметъ, то, значитъ, онъ не то, чѣмъ Подбереженскій его воображалъ... Съ этой мыслью Леониду было однако очень трудно мириться.

А Лодька все оставался тѣмъ-же, чѣмъ былъ. Онъ все такъ же выѣзжалъ, такъ же веселился, такъ же былъ беззаботенъ... Прошло два года со времени ихъ выпуска изъ училища, и Подбереженскій, съ глубокой сердечной болью, уже сильно сомнѣвался и въ Лодькѣ, и въ своей собственной нравственной чуткости...

Самъ-же Подбереженскій устроился удовлетворительно. Онъ очень боялся, что при выпускѣ изъ училища ему придется прибѣгнуть къ источнику, до котораго ему рѣшительно не хотѣлось дотрогиваться, то-есть къ имѣнью, для того, чтобы экипироваться и прожить первое время въ ожиданіи штатнаго мѣста. Но и этого ему удалось избѣжать, потому что за нѣсколько мѣсяцевъ до его вы-

Digitized by Google

пуска умерла его крестная мать, оставившая ему по завѣщанію небольшія деньги. А теперь ужъ онъ и штатное мѣсто имѣлъ, и въ двухъ редакціяхъ зарабатывалъ порядочно, такъ что получалъ болѣе, чѣмъ ему было нужно при его скромныхъ требованіяхъ. За послѣдніе мѣсяцы онъ сталъ понемногу откладывать, и копилъ деньги съ наслажденіемъ, чувствуя, что имѣетъ даже наклонность сдѣлаться скупцомъ.

III.

Въ холодный и дождливый ноябрьскій день, въ исходѣ пятаго, вмѣстѣ вышли изъ своей канцеляріи Лодька и Подбереженскій. Они часто выходили вмѣстѣ, вмѣстѣ шли часть пути, и потомъ расходились каждый въ свою сторону. Теперь этимъ, да мимолетными разговорами въ канцеляріи и ограничивались ихъ отношенія. Другъ у друга они не бывали. Нигдѣ также и не встрѣчались, потому что Подбереженскій ни у товарищей, ни въ обществѣ, куда ѣздилъ Лодька, и ни въ какихъ публичныхъ мѣстахъ не бывалъ. Не было у него на это ни времени, ни охоты. Въ театръ онъ изрѣдка ходилъ, но не въ партеръ, а на балконъ или въ галлереи, гдѣ, разумѣется, ни Лодьку и никого изъ другихъ товарищей встрѣтить не могъ. Но, несмотря на то, что они жили совсѣмъ различною жизнью и различными интересами, Подбереженскій продолжалъ слѣдить за Лодькой съ бо́льшимъ участіемъ, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовалобы, однажды въ немъ разочаровавшись. Онъ упрекалъ себя въ этой непослѣдовательности, считалъ свое участіе не только неумѣстнымъ, но даже малодушнымъ, и все-таки отъ этого участія отдѣлаться не умѣлъ. На этотъ разъ онъ былъ озабоченъ пасмурнымъ видомъ Лодьки, такъ мало ему свойственнымъ.

— Что съ тобою? спросилъ онъ, когда они вмѣстѣ вышли изъ канцеляріи.—Ты какъ будто самъ не свой...

— Такъ... скверно... Не всегда-же въ жизни бываетъ хорошо... Вотъ что, Подбереженскій, я зайду къ тебѣ. У меня есть время до обѣда.

Леонидъ удивился, но не счелъ нужнымъ это высказывать, и спокойно отвѣчалъ:

— Очень буду радъ. Если хочешь, то можешь у меня и обѣдать.

— Ты развѣ хозяйствомъ живешь?

Digitized by Google

— Нѣтъ. Я живу въ гарни, и, кажется, говорилъ тебѣ объ этомъ. Но у моей хозяйки есть и обѣды.

— Дрянь какая-нибудь?

— Какъ кому. Я доволенъ...

— Меня къ Пивато звали... Нѣкоторые изъ нашихъ вздумали тамъ обѣдать, и меня звали... Даже очень звали... Впрочемъ, нѣтъ, не пойду. Надоѣло... Я, и въ самомъ дѣлѣ, буду обѣдать съ тобою.

— Какъ хочешь.

— Но только, въ такомъ случаѣ, поѣдемъ. А то что-же по этому холоду и слякоти пѣшкомъ идти.

— Пожалуй. Вотъ сейчасъ можемъ сѣсть въ конку.

Такимъ предложеніемъ Лодька остался очень недоволенъ.

— Зачѣмъ-же?.. Развѣ нельзя на извозчикѣ?.. Я заплачу.

Подбереженскій вспыхнулъ.

— Ну, вотъ еще, зачѣмъ это ты будешь платить, сказалъ онъ.—Когда есть крайность, я и самъ ѣду на извозчикѣ; а когда крайности нѣтъ, то ѣду въ конкѣ, или иду пѣшкомъ. Тутъ дѣло въ установленномъ правилѣ, а не въ двугривенномъ, который ты хочешь за меня заплатить.

— Да не за-тебя-же!.. Вѣдь, и я тоже поѣду!

— Такъ и поѣзжай одинъ.

Не желая раздражать Подбереженскаго, Лодька сѣлъ съ нимъ въ конку, пугливо озираясь, какъ-бы кто его не поймалъ на столь предосудительномъ дѣлѣ. Подбереженскій замѣтилъ смущеніе Лодьки, понялъ причину этого смущенія, и слегка усмѣхнулся, пожимая плечами. Въ конкѣ они не разговаривали, доѣхали молча.

Подбереженскій жилъ на самомъ верху многоэтажнаго дома, но лѣстница была приличная, со швейцаромъ. Это Лодькѣ понравилось, но не понравился подъемъ въ пятый этажъ; не понравился также и длинный, довольно темный коридоръ, который надо было пройти до комнаты Подбереженскаго. Комната была большая, въ три окна; одно окно отдѣлялось драпировкой для спальни.

— А, вѣдь, комната у тебя не дурная, сказалъ Лодька, войдя къ Подбереженскому.

— Прекрасная; о лучшемъ помѣщеніи я и не мечтаю, отвѣчалъ Леонидъ.—Широко раскидываться я, любезный другъ, не привыкъ, да и привыкать не хочу.

Digitized by Google

— Можетъ быть, ты и правъ...

— Это внѣ всякаго сомнѣнія.

— Да... конечно... у каждаго свои взгляды.

Подбереженскій ничего не отвѣтилъ, и вышелъ, чтобы распорядиться обѣдомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ принести бутылку краснаго вина и фунтъ сыра, чѣмъ несказанно удивилъ хозяйку. Этого еще никогда не случалось.

— У васъ есть общая столовая? спросилъ Лодька, когда Подбереженскій вернулся.

— Нѣтъ... И что за вопросъ? Здѣсь не кухмистерская. Я тебя позвалъ обѣдать къ себѣ, а не въ общую столовую; ты и будешь у меня, въ моей комнатѣ, обѣдать.

— Позвалъ къ себѣ?.. Я думалъ, что мы просто будемъ обѣдать вмѣстѣ... Извини, пожалуйста.

Теперь Лодька сконфузился, вспомнивъ свой вопросъ, что не дрянью-ли какою-нибудь кормитъ хозяйка Подбереженскаго? Впрочемъ, его подозрѣніе не оправдалось. Обѣдъ былъ кухарочный, но не дурной; провизія свѣжая. Состоялъ онъ изъ двухъ блюдъ и сухого пирожнаго изъ булочной Вебера. Лодька, желая загладить свой промахъ, все находилъ превосходнымъ и неумѣренно расхваливалъ.

— Да брось, не лицемѣрь, разсердился Подбереженскій.—Вѣдь, ты избалованъ, привыкъ ко всякимъ тонкостямъ, и искренно моего обѣда хвалить не можешь. Зачѣмъ-же хвалишь?.. Если думаешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, то совсѣмъ напрасно. Что мнѣ за толкъ въ твоихъ любезностяхъ?.. Вотъ если-бы ты, напримѣръ, сказалъ, что у тебя горе, которымъ ты не знаешь, съ кѣмъ подѣлиться, и пришелъ ко мнѣ, хотя-бы и рискуя дурно поѣсть, — то *этимъ* ты доставилъ-бы мнѣ удовольствіе, потому что оцѣнилъ-бы мою давнишнюю къ тебѣ дружбу.

Съ этими словами Леонидъ всталъ изъ-за стола. Обѣдъ былъ конченъ. Лодька протянулъ ему было руку, чтобы поблагодарить, и вдругъ разрыдался и бросился ему на шею.

— Да, ты правъ, тысячу разъ правъ, говорилъ онъ, цѣлуя Леонида и плача,—мнѣ, дѣйствительно, горько, и я, дѣйствительно, не знаю, съ кѣмъ моимъ горемъ подѣлиться!

Лодька до сихъ поръ крѣпился, выдерживалъ характеръ, думая, что его волненіе и горе не особенно замѣтны. Въ канцеляріи онъ даже пробовалъ шутить и смѣяться.

Digitized by Google

Выходя оттуда, онъ не имѣлъ опредѣленнаго намѣренія идти къ Подбереженскому, а прійдя къ нему, самъ не зналъ утвердительно, выскажется-ли онъ, и въ какой мѣрѣ выскажется. Но теперь, когда слова Леонида зазвучали такимъ искреннимъ участіемъ, онъ не выдержалъ. Да, Подбереженскій ему другъ, настоящій другъ, котораго онъ до сихъ поръ не умѣлъ цѣнить... Чего, сравнительно съ нимъ, стòятъ всѣ эти пустые люди, съ которыми онъ до сихъ поръ дружилъ и съ которыми даже сегодня хотѣлъ обѣдать у Пивато?.. Такая сравнительная оцѣнка Подбереженскаго и свѣтскихъ друзей еще наканунѣ очень удивила-бы самого Лодьку. Но дѣло въ томъ, что именно наканунѣ у него накопилось множество непріятностей, и его свѣтскіе друзья отнеслись къ этимъ непріятностямъ равнодушно и слегка насмѣшливо. Это случилось далеко не въ первый разъ, но никогда такъ чувствительно ему не было: должно быть, теперь нà-сердцѣ у Лодьки уже накипѣло, или-же просто нервы у него были разстроены. Какъ-бы то ни было, но онъ чувствовалъ себя до такой степени уязвленнымъ и обиженнымъ, что, когда его позвали обѣдать на слѣдующій день у Пивато, онъ, всегда радостно исполнявшій чужія желанія, не сказалъ ни да, ни нѣтъ, а теперь вмѣсто Пивато пошелъ обѣдать къ Подбереженскому.

Подбереженскій, смотря на плачущаго Лодьку, былъ глубоко тронутъ.

— Ну, полно, успокойся, сказалъ онъ,—садись и разсказывай... Я тебя слушаю всѣмъ сердцемъ.

И Лодька началъ свой разсказъ. Онъ говорилъ безсвязно, перебрасываясь отъ одного предмета къ другому, но мало-по-малу передъ Леонидомъ возникала довольно полная картина его существованія. Существованіе это возбуждало негодованіе Подбереженскаго, но жалость брала верхъ. Лодька бился, какъ рыба объ ледъ, между безденежьемъ и желаніемъ жить жизнью богатаго человѣка. Лодька, въ самомъ дѣлѣ, былъ несчастный, хотя и по своей винѣ. Былъ-ли его отецъ совершенно разоренъ, или не совершенно? Это оставалось неизвѣстнымъ самому Лодькѣ, да даже, вѣроятно, и самому Александру Максимовичу. Но ни Александръ Максимовичъ, ни Лодька въ полное разореніе не вѣрили, все надѣясь на лучшее будущее, и это-то и было самое скверное. Александръ Максимовичъ давалъ обѣщанія, которыхъ не въ силахъ былъ держать, а Лодька, хотя и

Digitized by Google

не вѣрилъ этимъ обѣщаніямъ, но дѣлалъ видъ, что вѣритъ, и обманывалъ такимъ образомъ и самого себя, и своихъ кредиторовъ. Отношенія, основанныя на общемъ другъ къ другу недовѣріи, были унизительны. Если бы Лодька могъ это понять и прочувствовать! Тогда дѣло было-бы очень скоро поправимо! Но нѣтъ, Лодька не понималъ. Онъ видѣлъ послѣдствія, страдалъ отъ нихъ, но причинъ не сознавалъ. Слушать его жалобы было и грустно, и досадно, и отчасти смѣшно. Возраженія онъ иногда дѣлалъ изумительныя.

— Послушай, Лодя, сказалъ ему Подбереженскій, долго и внимательно его слушавшій,—тебѣ надо поставить себя въ извѣстныя рамки, умѣрить свою жизнь.

— Да я-же всячески умѣряю себя, Подбереженскій, отвѣчалъ Лодька.—Но что-же я могу сдѣлать?.. Вотъ у насъ тутъ пикники были, ужины, я отказывался... Что-же изъ этого выходило?.. Моимъ отговоркамъ не вѣрили, сейчасъ догадывались, въ чемъ дѣло. Кто-нибудь, чаще всего Хаимовъ, скажетъ: „ну, это вздоръ, Лодька, я за тебя заплачу...“ Я и ѣхалъ,—вѣдь, согласись, что послѣ этого не могъ-же я не ѣхать? Вѣдь, это-бы значило обидѣть товарищей!.. А Хаимовъ поступалъ не по-товарищески, это надо правду сказать... При всѣхъ, и главное, при женщинахъ, начнетъ приставать: „а что, Лодька, нынче съ имѣнья доходы плохіе?..“ А то распоряжается мною, посылаетъ куда-нибудь, какъ власть имѣющій... Когда-же доходило до расчета, онъ громко кричалъ на весь столъ: „я за двоихъ плачу, за себя и за Лодьку...“ Вѣдь, все это обидно, не правда-ли?.. И за что-же меня обижать? За то, что у меня теперь нѣтъ денегъ? Да, вѣдь, это пустяки, дѣла поправятся, и деньги опять будутъ... Какъ это тотъ-же Хаимовъ не хочетъ объ этомъ подумать?.. И, вообще, я тебѣ скажу, Подбереженскій, что съ деньгами бѣда! Изъ-за пустяковъ бываютъ важныя послѣдствія... Вотъ какой со мною былъ случай въ прошедшемъ году. Представили меня княгинѣ Черноземской. Ты вотъ и не ѣздишь въ свѣтъ, а все-таки, вѣроятно, понимаешь, что попасть въ такой домъ всякому молодому человѣку очень важно. Ну, такъ меня представили; я въ пріемный день сдѣлалъ визитъ, и все обошлось очень хорошо. У Черноземскихъ приготовлялся балъ,—большой балъ на весь городъ, дипломатическій корпусъ, Дворъ... Я былъ увѣренъ, что по-

Digitized by Google

лучу приглашеніе. И вдругъ не получилъ! До послѣдняго дня, до послѣдняго часа ждалъ,—и не получилъ! А догадайся, отчего?... Я догадался, да было ужъ поздно... Разсылкой приглашеній у нихъ завѣдуетъ швейцаръ, важный такой, ему полтинника не дашь, да и рубля тоже! Я хотѣлъ, выходя отъ Черноземскихъ, дать ему три рубля; но денегъ у меня было такъ мало, такъ мало, что я пожалѣлъ,—подумалъ: послѣ дамъ... И вотъ изъ-за какого вздора я не получилъ приглашенія!.. Каюсь тебѣ чистосердечно, что обидно было, до слезъ обидно, тѣмъ болѣе, что Хаимовъ тамъ былъ и послѣ надо мною подтрунивалъ, даже очень зло подтрунивалъ... Да,—деньги, деньги! вздохнулъ Лодька,—великое это дѣло!..

Подбереженскому претило все это слушать, онъ нахмурился, но не возражалъ. Къ чему возражать? Очевидно, что Лодька такъ запутался въ своемъ особомъ міровоззрѣніи, что *теперь* его возраженій не пойметъ. Онъ пойметъ ихъ только тогда, когда отъ этого міровоззрѣнія хоть сколько-нибудь отдѣлается. А покуда онъ будетъ жить въ излюбленномъ имъ еще въ училищѣ кружкѣ, онъ отъ идей этого кружка отрѣшиться не можетъ... Надо его вырвать изъ рукъ разныхъ Хаимовыхъ,—вотъ злоба дня...

— Я долженъ тебѣ сказать, Приглядскій, заговорилъ въ свою очередь, Подбереженскій,—что все, что я отъ тебя слышалъ, по-моему—скверно, очень скверно... Если ты не примешь рѣшительныхъ мѣръ, то легко можешь попасть въ положеніе безвыходное.

— Да и то попадаю!.. И друзья-то, когда имъ должаешь, не очень бываютъ деликатны, а про ростовщиковъ и говорить нечего... Ты и представить себѣ не можешь, какая каторга съ ними возиться, чего только ни наслушаешься...

— А, вѣдь, такъ просто отъ нихъ избавиться, тихо сказалъ Подбереженскій.

— Посовѣтуй, Подбереженскій... Вѣдь, ты человѣкъ практическій и мнѣ другъ... Я, между прочимъ, и объ этомъ,—даже главное объ этомъ,—хотѣлъ съ тобою поговорить.

Они посмотрѣли другъ на друга, и на нѣсколько мгновеній замолчали. У каждаго изъ нихъ была своя мысль и свой планъ, совсѣмъ различные.

— У меня есть одно предположеніе, какъ-бы сбываясь началъ Лодька.

— Если какой-нибудь пальятивъ, то лучше и не

Digitized by Google

вори, отрѣзалъ Подбереженскій. — Въ твоемъ положеніи пальтивы никуда не годятся. Тутъ нужно энергично отбросить одно и начать другое. Выбралъ ты себѣ путь,— хорошій-ли, или дурной, объ этомъ я разсуждать не стану,—но только на этомъ пути оставаться тебѣ нельзя и надо повернуть на другой, на который тебѣ указываетъ простой здравый смыслъ. Когда ты вышелъ изъ училища, ты разсчиталъ свою жизнь на опредѣленныя средства, а на дѣлѣ средства эти оказались далеко меньшими, чѣмъ ты думалъ, несоотвѣтствующими начатой тобою жизни. Такъ себѣ и скажи, не прячась малодушно отъ тяжелой для тебя истины. А затѣмъ, сообразно съ этимъ и поступи. Брось квартиру, отпусти прислугу, и переселяйся въ гарни,— на первый случай, хоть сюда, гдѣ я могу быть тебѣ полезнымъ. О тонкихъ обѣдахъ и всякихъ излишествахъ забудь, и обѣдай здѣсь, у моей хозяйки, Марьи Алексѣевны. А когда ты это сдѣлаешь, то, само собою, измѣнятся и твои знакомства. Тогда твоего казеннаго содержанія тебѣ будетъ вполнѣ достаточно. Все, что̀ ты можешь выручить отъ продажи излишнихъ вещей, и все, что̀ тебѣ пришлетъ отецъ, ты долженъ употреблять на уплату своихъ долговъ; такимъ образомъ, ты опять завоюешь потерянныя тобою свободу и достоинство... Вотъ твой новый путь; иного у тебя нѣтъ.

— Можетъ быть, и есть, улыбнулся Лодька.

Подбереженскій отрицательно покачалъ головою.

— А то, что ты предлагаешь, продолжалъ между тѣмъ Приглядскій,—черезчуръ радикально. Шутка сказать,— порвать со всѣми своими привычками, съ людьми, съ которыми сжился, отъ всего отказаться!.. Не всякій обладаетъ твоимъ характеромъ,—виновато съежился Лодька, немного помолчавъ и умильно улыбаясь Леониду,—героическія средства мнѣ не по-плечу... Ты—другое дѣло, тебѣ и карты въ руки... Ты, вотъ, живешь отшельникомъ... Да и тебя, я думаю, иной разъ о̀дурь беретъ... Вѣдь, сознайся, скучаешь иногда, страшно скучаешь?..

— Я скучаю? удивился Подбереженскій.—Да когда мнѣ скучать?.. Некогда. Утромъ я занятъ, на службѣ работаю добросовѣстно,—ты самъ знаешь. Когда можно, цѣлые часы просиживаю въ Публичной библіотекѣ. Работаю и дома для журналовъ. Есть у меня и знакомые, есть и развлеченія... Нѣтъ, я не скучаю; дни мои наполнены. И

Digitized by Google

ночью, утомленный, я сплю спокойно. Ничѣмъ большимъ я не задаюсь и довольствуюсь малою пользою, которую приношу... Довольствуюсь тѣмъ, что бѣленькое платьице маленькой дѣвочки въ моемъ сердцѣ не забрызгано грязью.

— Маленькой дѣвочки въ твоемъ сердцѣ? изумился Лодька.

— Да, у Вагнера есть такая сказка...

— У Вагнера?.. Какой Вагнеръ?

— Вагнеръ... Профессоръ... Сказки Кота-Мурлыки?.. Будто не знаешь?

— Ахъ да, да... Сказки Кота-Мурлыки... Конечно, знаю, совралъ Лодька.—Такъ что-же это за дѣвочка? Напомни пожалуйста.

— Это, видишь-ли, по увѣренію Кота-Мурлыки, въ сердцѣ каждаго человѣка сидитъ маленькая дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ. Когда ты дѣлаешь доброе дѣло, дѣвочка радостно трепещетъ, и тебя самого наполняетъ радостью. Когда же ты совершаешь какую-нибудь гадость, то на бѣломъ платьицѣ маленькой дѣвочки является грязное пятно, и она плачетъ. Дѣвочка эта зовется совѣстью.

— А!.. Вотъ что... Это очень поэтично.

— Да... И правдиво. Вотъ ты имѣй храбрость послѣдовать моему совѣту и ступить на новый жизненный путь, и тогда ты узнаешь, какое высокое наслажденіе даетъ радостное трепетаніе маленькой дѣвочки въ твоемъ сердцѣ.

— Я не спорю о томъ, что мнѣ нужно ступить на новый жизненный путь, какъ ты выражаешься. Я хочу только сдѣлать это иначе, чѣмъ ты предлагаешь. Я думаю жениться. Что ты на это скажешь?

— Рано тебѣ жениться. Но, впрочемъ... Если есть достойная дѣвушка, которую ты серьезно полюбилъ, и которая согласна за тебя выйти... Кто же это?

— Ого!.. Comme vous y allez!.. Кто же это!.. Тутъ важно прежде всего принципіально рѣшить вопросъ: надо или не надо жениться?

— Принципіально его рѣшать нельзя. Это совершенно субъективно. Въ одномъ и томъ же случаѣ, одному слѣдуетъ жениться, а другому не слѣдуетъ. Одному и тому же лицу при однихъ обстоятельствахъ можно и даже должно жениться, а при другихъ—нельзя. Если у тебя никого нѣтъ въ виду, то о принципіальномъ вопросѣ не стоитъ и говорить.

Digitized by Google

— Нельзя сказать, чтобы никого не было въ виду... Только я еще не рѣшился.

— А!!

— Да. Такъ какъ же... Разсказать?

— Я слушаю.

— Вотъ видишь-ли, у Кузьмина, — это мой домохозяинъ, Кузьминъ, ты знаешь?—есть родственники Филатòвичи. Прошедшей осенью Филатòвичи переѣхали изъ Москвы въ Петербургъ, потому что ихъ сынъ изъ Московскаго кадетскаго корпуса поступилъ въ Николаевское кавалерійское училище.

— Постой... Филатòвичи... Изъ Москвы... Я, можетъ быть, ихъ знаю. Когда отецъ былъ живъ и служилъ въ Москвѣ, въ числѣ знакомыхъ нашего семейства были и Филатòвичи. Они курскіе помѣщики?

— Да, да... Въ Курской губерніи у нихъ имѣнье, и еще гдѣ-то.

— Самого Филатòвича зовутъ Иванъ Герасимовичъ?

— Ну да, конечно... Такъ ты ихъ знаешь? протянулъ Лодька, и въ тонѣ его вопроса несомнѣнно прозвучала досада.

— Знаю, отвѣчалъ Подбереженскій, догадавшись, почему именно Лодькѣ досадно, и улыбнувшись на это,—но ты успокойся; я къ нимъ не поѣду и въ твои дѣла вмѣшиваться не буду. Зналъ я ихъ очень мало, еще въ дѣтствѣ, давно потерялъ изъ виду, и ты можешь о нихъ говорить, какъ о людяхъ совершенно мнѣ незнакомыхъ.

— Да не все-ли мнѣ равно, поправлялся Лодька, покраснѣвъ,—я и не собирался говорить о нихъ что-нибудь дурное... Къ тому же дурного и сказать-то нечего. Филатòвичи—прекрасные люди. Ну, конечно, это не люди настоящаго общества... Еще бы! Родственники и друзья Кузьмина!.. Кузьминъ, впрочемъ, ими очень гордится. На его мѣрку они очень богаты, и чуть-ли не знатны, потому что Филатòвичъ былъ предводителемъ дворянства... Забавный этотъ Кузьминъ! Скупердяй онъ страшный, а для Филатòвичей даже балъ закатилъ!.. Вотъ какъ!.. Балъ, конечно, вышелъ пресмѣшной, я на немъ сдѣлалъ только une courte apparition, потому что у меня былъ другой вечеръ у князя Хвощинскаго, но тѣмъ не менѣе меня съ барышней Филатòвичъ успѣли познакомить... И, можешь себѣ представить, что̀ тутъ произошло... Должно быть, я ей очень понравился...

Digitized by Google

— Ого!.. Такъ сразу?..

— То-то, что сразу... Да вотъ самъ посуди... Когда меня ей представили, я сдѣлалъ съ нею два или три вальса, и только что кончилъ, какъ она подозвала къ себѣ старшаго сына Кузьмина, длинновязаго такого гимназиста. Поговорила она съ нимъ о чемъ-то, и мой гимназистъ,—представь себѣ какой неловкій!—направился прямо ко мнѣ. Спрашиваетъ: „у васъ есть дама на котильонъ?"—Нѣтъ, отвѣчаю я.—„Такъ Ольга Ивановна (это m-elle Филатовичъ) не танцуетъ. Пригласите ее".—Не могу; я сейчасъ уѣзжаю на другой вечеръ, и тамъ у меня уже давно приглашена дама на котильонъ. И это была правда, а то я остался бы у Кузьмина и танцовалъ бы съ Ольгой Филатовичъ, потому что она хорошенькая и мнѣ тоже сразу приглянулась... Даже досадно было, что никакъ нельзя было остаться. Но на другой день я, разумѣется, сдѣлалъ визитъ. Любезничалъ, конечно, напропалую. Меня пригласили бывать. Ну, и пошло, и пошло... Только что я пріѣду, дочь отъ меня не отходитъ, мать тоже разсыпается, и только отецъ немножко сухъ... Но Кузьминъ мнѣ уже намекнулъ, что это не особенно важно, и что если я сдѣлаю предложеніе, то имѣю большіе шансы на успѣхъ... А Кузьминъ знаетъ!

— Барышня, должно быть, бойкая; я такой побоялся бы дѣлать предложеніе... Судя по твоимъ словамъ, она за тобою ухаживаетъ больше, чѣмъ ты за ней?.. Мнѣ это было бы противно.

— О, Подбереженскій, какъ ты отсталъ! Ты все еще, кажется, держишься старосвѣтскаго правила, что дѣвушка должна манерничать и скрывать свои чувства!

— Дѣвушка не должна терять своей стыдливости,—иначе она, вмѣстѣ со стыдливостью, теряетъ и всю свою прелесть.

— Ахъ, какой вздоръ, какой банальный вздоръ!.. Прелесть дѣвушки не въ старомодныхъ ужимкахъ, а въ той пикантности, которая дается свободою чувствъ и мнѣній!.. И современныя дѣвушки это хорошо понимаютъ!.. Когда имъ человѣкъ нравится, онѣ стараются его завоевать, точно такъ же, какъ и мы стараемся завоевать женщину, которая намъ понравилась. C'est de bonne guerre.

— Ты мнѣ далъ ключъ къ тому, что для меня было загадкой, возразилъ Подбереженскій, не скрывая своей

Digitized by Google

ироніи.—До сихъ поръ я не могъ понять, почему это въ наше время все больше женятся или мальчики, или старики, а люди въ полномъ расцвѣтѣ разсудка рѣдко женятся. Теперь я это понялъ.

Лодька вскинулъ глазами, неопредѣленно улыбнулся, и ничего не отвѣтилъ.

— Такъ ты не боишься этой бойкой барышни и готовъ на ней жениться?

— Чего же мнѣ бояться? Разумѣется, не боюсь. Ну, а жениться—это другое дѣло. Я уже говорилъ тебѣ, что на этотъ счетъ я еще не рѣшился... Чѣмъ жить?.. Приданаго-то за нею всего сто тысячъ.

— Сто тысячъ!.. Она такъ богата?

— Богата!.. Да ты шутишь? Или ты думаешь, что я говорю о доходѣ?.. Если бы у Ольги Филатовичъ было сто тысячъ годового дохода, то она, въ самомъ дѣлѣ, была бы богата и, пожалуй, за меня не пошла бы!.. Но, сто тысячъ капитала!.. Сообрази-ка, какой это ничтожный доходъ!.. И при этомъ никакихъ связей, никакого положенія въ обществѣ, что тоже важно... Поневолѣ задумаешься!

Подбереженскій съ трудомъ воздержался отъ рѣзкой отповѣди Лодькѣ; но онъ еще не отчаивался его образумить, считая всю фальшь его разсужденій напускною блажью юноши, не желающаго отставать отъ избранныхъ имъ свѣтскихъ образцовъ. Рѣзкая отповѣдь его теперь только отпугнетъ; а если онъ отдалится отъ развращающаго его общества, то и самъ опомнится.

— Я полагаю, Лодя, сказалъ Подбереженскій съ возможною сдержанностью,—что ты не совсѣмъ оцѣниваешь значеніе того, что говоришь, оттого и говоришь такъ... странно. Я не вѣрю, чтобы ты былъ способенъ продать себя за какія бы то ни было деньги!.. Не вѣрю я также, чтобы ты не понялъ своихъ обязанностей относительно дѣвушки, которую честно полюбишь, да и относительно собственнаго своего достоинства... Ты просто недостаточно обо всемъ этомъ подумалъ. Бракъ—не коммерческая сдѣлка. Это посильное рѣшеніе едва-ли не самой важной изъ жизненныхъ задачъ. Бракъ налагаетъ важныя обязанности. Только серьезно ихъ обдумавъ и взвѣсивъ, можно ихъ брать на себя.

Лодька нѣсколько сконфузился; онъ понялъ, что увлекся

Digitized by Google

и сталъ говорить съ Подбереженскимъ не тѣмъ языкомъ, которымъ съ нимъ надо было говорить, и сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Ахъ, какой я легкомысленный, какой легкомысленный! заговорилъ онъ, взявъ Подбереженскаго за обѣ руки и ласково смотря ему въ глаза,—все-то я болтаю, что мнѣ взбредетъ на умъ... А ты, какъ всегда, разумѣется, правъ!... Женитьба дѣло серьезное, и я это понимаю... Еще-бы!... Обязанности не шуточныя... Но главная изъ этихъ обязанностей,—съ этимъ и ты долженъ согласиться,—обезпечить семью, не допустить ее до голоданья... А если у меня самого дѣла запутаны, если я въ долгахъ, то какъ же тутъ быть?.... Вотъ въ какомъ смыслѣ я говорилъ о приданомъ.

Подбереженскій не сталъ развивать своихъ мыслей о бракѣ и настаивать на нихъ,—не все сразу. Теперь онъ считалъ необходимымъ настаивать только на одномъ: на перемѣнѣ образа жизни Лодьки, на сокращеніи его расходовъ, на его водвореніи въ гарни, вмѣсто квартиры. Когда онъ поправитъ свои дѣла, когда онъ развяжется со своими кредиторами, тогда онъ спокойнѣе и разумнѣе можетъ отнестись и къ вопросу о женитьбѣ.

Лодька не спорилъ, даже соглашался. Утомленный различными ощущеніями этихъ послѣднихъ дней, онъ менѣе, чѣмъ когда-нибудь, чувствовалъ себя теперь способнымъ спорить. Да и Подбереженскаго не хотѣлъ онъ раздражать. Зачѣмъ? Подбереженскій рѣшительно его любитъ, и можетъ пригодиться. Наконецъ, убѣжденная рѣчь товарища какъ-то заразительно на него подѣйствовала,—можетъ быть, не на долго, на одинъ только вечеръ,—но подѣйствовала. И онъ даже себя спрашивалъ: ужъ не правъ-ли Подбереженскій?

IV.

А Подбереженскій, со своей стороны, думалъ, что если онъ не убѣдилъ, то поколебалъ Лодьку. Теперь ужъ онъ Лодьку не броситъ и будетъ слѣдить за нимъ, не упуская случая поддерживать его добрыя намѣренія и бороться противъ дурныхъ. Капля воды камень продалбливаетъ.... и Подбереженскому, можетъ быть, удастся спасти этого симпатичнаго мальчика....

Но нашими дѣйствіями чаще располагаетъ случай, чѣм

Digitized by Google

наша воля. Подбереженскому не пришлось заниматься Лодькой и его судьбою,—или, по крайней мѣрѣ, пришлось это отложить на нѣкоторое время. На другой-же день послѣ того, что Приглядскій у него обѣдалъ, онъ отъ своей сестры, княжны Вѣры, получилъ письмо, которое спѣшно отозвало его въ Семеновскъ.

Тамъ случились обстоятельства, никѣмъ не ожидавшіяся, никому не приходившія въ голову. Княгиня покупала себѣ келью въ монастырѣ и переселялась туда на жительство. Княжну Вѣру звали къ себѣ Евсѣевы.

Какимъ образомъ все это произошло? Княжна Вѣра написала коротко, изъ ея письма не видно было причинъ неожиданныхъ обстоятельствъ. Только пріѣхавъ въ деревню, Леонидъ узналъ, и то не вполнѣ опредѣленно, эти причины, отчасти изъ разсказовъ другихъ, отчасти по собственнымъ догадкамъ....

Изъ дѣтей княгини, болѣе всѣхъ тяготилась матерью Валентина Сергѣевна Евсѣева, то-есть та именно, которая менѣе всѣхъ отъ нея зависѣла и всѣхъ менѣе для нея дѣлала. Валентинѣ Сергѣевнѣ, очень богатой,—у ея мужа было тысячъ шестьдесятъ годового дохода,—были очень непріятны частые разговоры о томъ, что ея мать крайне нуждается. Отъ Москвы, гдѣ Валентина Сергѣевна жила, до Семеновска было недалеко, въ Москвѣ, мѣстѣ служенія покойнаго князя, Подбереженскихъ знали, съ Москвою княгиня сохранила кое-какія отношенія. Не мудрено, что по Москвѣ ходили слухи о ней и о ея тяжеломъ положеніи. Валентину Сергѣевну эти слухи просто выводили изъ себя и вынуждали часто думать о матери. Какъ избѣгнуть лицемѣрныхъ и злостныхъ вздоховъ разныхъ пріятельницъ о „бѣдной княгинѣ“? Валентина Сергѣевна придумала комбинацію очень недурную. Надо, чтобы княгиня пожелала переселиться въ монастырь, а княжну Вѣру Евсѣевы возьмутъ къ себѣ. Княгиня, судя по ея настроенію за послѣднее время, можетъ такому плану только сочувствовать; на мысль-же объ этомъ ее наведетъ игуменья, приходящаяся двоюродной теткой Евсѣеву. Игуменья схватится за такую мысль съ удовольствіемъ. Келью купятъ Евсѣевы. Они-же сдѣлаютъ вкладъ въ монастырь,—небольшой, конечно,—но обѣщать можно многое; вѣдь, отъ обѣщаній ничего не станется. О своихъ пожертвованіяхъ они, разумѣется, сами говорить не будутъ,

Digitized by Google

но позаботятся, чтобы о нихъ много и громко, и со значительными преувеличеніями, говорили другіе... Что касается до княжны Вѣры, то она, испытанная нуждою, невзыскательная и научившаяся быть отличною хозяйкою, будетъ очень полезною въ домѣ. (Теперь уже Валентина Сергѣевна оставила свою выдумку о ея неуживчивомъ характерѣ). Къ тому-же Вѣра красива и носитъ звучное имя, что тоже ничему не мѣшаетъ.

Валентина Сергѣевна, достаточно обдумавъ свой планъ, сообщила его своему мужу; тотъ съ нею согласился безпрекословно. Дѣйствительно, нельзя было не согласиться: планъ былъ разумный; выполненіе его будетъ стоить денегъ небольшихъ, а матеріала для похвальбы дастъ достаточно; къ тому-же, все это и легко выполнимо... И въ самомъ дѣлѣ, относительно игуменьи и княгини, планъ Валентины Сергѣевны былъ выполненъ какъ по писанному. Княгиня только сказала игуменьѣ:

— А какъ же Вѣра?

— Княжна Вѣра Сергѣевна можетъ жить у Евсѣевыхъ. Они ее зовутъ къ себѣ.

— А!!... Ну, что-же? Очень хорошо... Что молодой дѣвушкѣ въ деревнѣ пропадать! Ей у сестры лучше будетъ, да и жениха въ Москвѣ скорѣе найдетъ... Нынче дѣти о себѣ думаютъ, а не о родителяхъ... Я никому не нужна... Да и мнѣ въ мірѣ тяжело становится. Буду на монастырь работать, да Богу молиться.

Княжна Вѣра ничего объ этихъ планахъ не знала и узнала о нихъ только отъ самой княгини, сообщившей ей о своемъ рѣшеніи. Вѣра изумилась, и сильно возстала противъ рѣшенія матери. Зачѣмъ ей переселяться въ монастырь? Монастырь близёхонько, и она можетъ ѣздить туда, сколько угодно, а жить у себя дома.

— У себя? насмѣшливо переспросила княгиня.—То-то и бѣда, что у меня дома нѣтъ. Я живу у сына... Нѣтъ, ты меня не отговаривай... Это рѣшено. Я не хочу быть въ тягость своимъ дѣтямъ.

— Да кому-же ты въ тягость, мама?

— И тебѣ, и Леониду,—обоимъ вамъ.

— Я за Леонида ручаюсь такъ-же, какъ и за себя. Никому ты не въ тягость.

— Ну, все равно... Какъ я рѣшила, такъ и будетъ.

Тогда Вѣра написала брату, и вызвала его въ деревню.

Digitized by Google

Ей казалось, что они оба не исполнятъ своего долга относительно матери, если допустятъ ее переселиться изъ дома, гдѣ она жила на попеченіи дочери и на средства сына.

Когда Леонидъ пріѣхалъ въ деревню, онъ тамъ уже засталъ Валентину Сергѣевну, тоже пріѣхавшую изъ Москвы наканунѣ. Тутъ-же былъ Соймоновъ, единственный сосѣдъ, бывавшій у Подбереженскихъ. Съ женою Соймонова княжна познакомилась въ городѣ, въ одномъ изъ домовъ, гдѣ она давала уроки; онѣ сдружились и довольно часто видѣлись. Но послѣднее время жена Соймонова была больна и не выѣзжала, а самъ Соймоновъ пріѣзжалъ, попрежнему, часто и сидѣлъ подолгу. Впрочемъ, теперь, черезъ какихъ-нибудь полчаса послѣ пріѣзда Леонида, Соймоновъ уѣхалъ, понимая, что онъ лишній.

Не успѣлъ Леонидъ усѣсться на свое прежнее мѣсто, проводивъ Соймонова до передней, какъ княгиня ему объявила:

— Я переселяюсь въ монастырь. Послѣ смерти твоего отца я не жила, а прозябала... Пора мнѣ успокоиться и отдохнуть отъ всякой мірской суеты. Да ты знаешь... Вѣра тебѣ писала.

— Да, знаю, сказалъ Леонидъ.—Но я не думалъ, чтобы ваше рѣшеніе было окончательнымъ. Я полагалъ, что вы можете еще передумать!

Въ семьѣ Подбереженскихъ дѣти говорили отцу и матери „ты". И Леонидъ говорилъ отцу „ты", но матери „вы". Княгинѣ это какъ будто нравилось. По крайней мѣрѣ, она никогда не возставала противъ такой привычки сына.

— Ты полагаешь, что я могу передумать? съ горечью возразила княгиня.—Нѣтъ, любезный другъ. Я стара становлюсь, мнѣ дорогъ *свой* уголъ... Келья-то будетъ моя, я *у себя* тамъ буду.

— Мать всегда у себя, отвѣчалъ Леонидъ, сдерживаясь и заставляя себя говорить очень тихо,—когда она у своихъ дѣтей.

Княгиня усмѣхнулась и пожала плечами.

— Оставимъ это... Это праздные разговоры... Я уже укладываюсь и черезъ два дня переѣду,—сначала къ игуменьѣ, пока моя келья не готова; а ты вступишь во владѣніе *своимъ* имѣньемъ.

— Такъ развѣ ты не можешь. мама, вступилась княжна

Digitized by Google

Вѣра,—остаться здѣсь хотя-бы до тѣхъ поръ, пока твою келью не приготовятъ?

— Зачѣмъ? горячо перебила Валентина Сергѣевна.— У игуменьи мамѣ будетъ отлично, а живя въ монастырѣ, она сама станетъ надзирать за устройствомъ своего будущаго помѣщенія. Это гораздо практичнѣе.

Леонидъ, стѣснявшійся въ возраженіяхъ матери, не имѣлъ ни надобности, ни желанія стѣсняться съ сестрою.

— Ничего тутъ нѣтъ практичнаго, сказалъ онъ, — и я не понимаю, чтобы можно было поддерживать матушку въ ея желаніи бросить домъ своихъ дѣтей, да еще и торопить ее отъѣздомъ безъ всякой надобности.

— Мама сама рѣшаетъ вопросъ о надобности, слицемѣрила Валентина Сергѣевна, — а мы съ мужемъ исполняемъ только ея желаніе и заботимся о ея спокойствіи.

— При чемъ тутъ вы съ мужемъ? вскинулъ Леонидъ глазами на Валентину Сергѣевну.

— Такъ кто-же покупаетъ келью? Кто беретъ на себя всѣ расходы по водворенію мамы въ монастырѣ?

— А!... Вотъ какъ!... Такъ не вы-ли дали матушкѣ и блестящую мысль тамъ водвориться?... Какіе нашлись благодѣтели!..

— Нечего иронизировать! Мамѣ будетъ спокойнѣе и лучше въ монастырѣ, чѣмъ здѣсь. Мы съ мужемъ денегъ не пожалѣемъ и все сдѣлаемъ на широкую руку...

— Мы съ мужемъ денегъ не пожалѣемъ, передразнилъ Леонидъ. — Это что-то новое!... И все деньги, сейчасъ деньги... Не въ нихъ теперь дѣло... Ты мнѣ скажи, кто васъ просилъ вмѣшиваться въ дѣла, васъ не касающіяся?...

— Ты долженъ-бы былъ благодарить насъ, а не браниться... Твое-же благосостояніе теперь увеличится.

— Не надо мнѣ этого совсѣмъ, я работать умѣю... Да и опять я повторяю, вы то чего вмѣшивались?... У васъ денегъ много, — ну и Богъ съ вами; развѣ я когда-нибудь просилъ у васъ денегъ? Развѣ я не сумѣлъ-бы и безъ васъ содержать мою мать? Развѣ Вѣра хуже заботилась-бы о ней, чѣмъ будутъ заботиться ваши монахини?

— Вѣра—молодая дѣвушка, Вѣрѣ нужно пожить и

Digitized by Google

своею жизнью, нужно повеселиться... Не все-же ей прозябать въ глуши, да ѣздить въ губернскій городъ уроки давать.

— А Вѣра вамъ жаловалась на свое положеніе?

— Никогда, сказала княжна Вѣра.

— Такъ что-же такое, что не жаловалась?... Родная сестра, княжна, и какіе-то гроши зарабатываетъ уроками?... Вѣдь, это и намъ стыдно!... Пусть лучше живетъ у насъ.

— А такъ вотъ ты до чего договорилась!... Вѣра уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ даетъ уроки, и это тебя никогда не безпокоило, а теперь, вѣроятно, молва объ этихъ урокахъ дошла до Москвы, до твоихъ знакомыхъ... Вотъ тебѣ теперь и стало стыдно... И выходитъ, что изъ пустого тщеславія ты не останавливаешься передъ сквернымъ дѣломъ!

Валентина Сергѣевна вся вспыхнула и поднялась съ кресла.

— Ты всегда былъ грубъ и неблаговоспитанъ, сказала она, уходя,—и я предпочитаю уйти, чтобы не слушать твоихъ дерзостей.

Поднялась также и княгиня.

— Ты могъ-бы хотя при мнѣ воздержаться, обратилась она къ сыну.—А то, несмотря на мое присутствіе, оскорбляешь сестру... И за что? За то, что она заботится обо мнѣ и о Вѣрѣ!... Я, удаляясь отъ міра, желала-бы ни съ кѣмъ не ссориться, но я не могу не сказать тебѣ, что ты поступаешь дурно, очень дурно!

И она тоже вышла вслѣдъ за Валентиной Сергѣевной.

Леонидъ угрюмо молчалъ. Зачѣмъ возражать, не стоитъ! Слѣпому цвѣта не объяснишь, глухому не передашь звука, а намѣренно слѣпыхъ и глухихъ къ правдѣ, въ правдѣ не убѣдишь!... Княжна Вѣра тоже молчала, наклонившись надъ своею работою. Щеки ея разгорѣлись, она, видимо, волновалась, но волненія своего выдавать не хотѣла. Когда шаги княгини смолкли въ сосѣднемъ коридорѣ, она подняла голову, посмотрѣла на брата, и сказала:

— Зачѣмъ это?.. Къ чему это ведетъ?..

— Ни къ чему не ведетъ, самъ знаю, согласился Леонидъ,—но лицемѣріе и лживость Валентины до того

Digitized by Google

меня раздражаютъ, что я не всегда могу совладать съ собою... Я вижу, я чувствую, что она лжетъ и лицемѣритъ, а зачѣмъ, понять не могу...

— Можетъ быть, лжетъ и лицемѣритъ, а можетъ быть, просто придерживается такого строя мыслей, который намъ съ тобою не понятенъ. Объ этомъ мы можемъ съ тобою разсуждать и спорить хоть до завтра, не прійдя ни къ какому результату, потому что и за, и противъ у насъ будутъ однѣ только догадки... Да и что̀ намъ этимъ заниматься? Пускай Валентина живетъ и мыслитъ, какъ хочетъ. Насъ интересуетъ не она, а наша мать...

— Я только о матери съ нею и говорилъ.

— Да, но задѣлъ при этомъ Валентину и возстановилъ противъ себя маму.

— Возстановилъ! съ горечью усмѣхнулся Леонидъ.— Какъ будто я могъ-бы этого избѣгнуть, что бы я ни говорилъ и ни дѣлалъ...

Княжна Вѣра отвѣтила не сразу, а только послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Время такое, что желательно было-бы избѣгать всякаго столкновенія... А существеннаго значенія это столкновеніе, разумѣется, не имѣетъ. Я теперь знаю, чего не знала, когда писала тебѣ, что мама рѣшилась окончательно, и отъ своего рѣшенія не откажется. Сдѣлалось-ли это по ея собственной мысли, или по внушеніямъ игуменьи и Валентины...

— Все равно, мы съ тобою одурачены, перебилъ Леонидъ.—Я, положимъ, могу въ счетъ не идти,—но ты! За тебя мнѣ обидно. Сколько прошло лѣтъ образцоваго самоотверженія, сколько потрачено и труда, и сердечной заботливости,—и для чего? Для того, чтобы отъ тебя ушли, не только съ тобою не посовѣтовавшись, а даже не предупредивъ заблаговременно,—просто бѣжали! Точно будто ты дѣлала зло, а не добро!

— Ну, Леонидъ, зачѣмъ эти счеты и упреки! Это мелко, ужасно мелко, и я отъ тебя этого не ожидала.

— Мелко, мелко!.. Не такъ мелко, какъ тебѣ кажется, и, во всякомъ случаѣ, гораздо крупнѣе того, передъ чѣмъ мы съ тобою принуждены пасовать... Матушка распорядилась собою; на это она, положимъ, имѣла право. Но она распорядилась также и тобою... Неужели-же ты, и въ самомъ дѣлѣ, пойдешь жить къ Евсѣевымъ?

Digitized by Google

— Разумѣется, нѣтъ...

Леонидъ только-что собрался разспросить сестру о ея планахъ на будущее, какъ княжну Вѣру позвали къ княгинѣ. И княгиня, и Валентина Сергѣевна, обѣ въ глубинѣ души чувствовали себя въ разныхъ отношеніяхъ неправыми передъ Леонидомъ, и тѣмъ болѣе на него сердились. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни та, ни другая не хотѣли окончательной съ нимъ ссоры, особенно, теперь. Княжна Вѣра дала имъ излить свое негодованіе, не вторя имъ, но и не особенно противорѣча, и затѣмъ безъ особаго труда ихъ убѣдила, что Леонидъ оскорбить Валентину никакого намѣренія не имѣлъ, и что происшедшій непріятный разговоръ слѣдуетъ позабыть. Княгиня съ обѣими дочерьми возвратилась въ гостиную, и остатокъ дня былъ проведенъ всею семьею вмѣстѣ, безъ особыхъ усложненій, а Леониду не представилось болѣе случая переговорить съ княжною Вѣрою.

Но на другой день этотъ случай представился. Они пошли гулять вдвоемъ, и сейчасъ-же возобновили прерванный наканунѣ разговоръ.

— Такъ ты къ Евсѣевымъ ѣхать не хочешь? спросилъ Леонидъ.—Говорила-ли ты объ этомъ матери или сестрѣ?

— Нѣтъ еще. Я прежде съ тобою хотѣла переговорить.

— Что же ты располагаешь дѣлать?

— Я думаю остаться здѣсь, Леонидъ.

— Здѣсь? Одна?

— Мнѣ двадцать пять лѣтъ, я не дѣвочка. И къ тому-же я буду не одна, а съ Авдотьей Ивановной.

Авдотья Ивановна была нянькой младшихъ Подбереженскихъ. Выняньчивъ Вѣру и Леонида, она осталась въ домѣ. Это была женщина лѣтъ пятидесяти пяти, или нѣсколько болѣе, но крѣпкая, энергичная и дѣятельная. Она была умна, довольно начитана и въ домѣ пользовалась положеніемъ скорѣе родной, чѣмъ слуги. Прежде, чѣмъ Вѣра стала хозяйничать, все хозяйство Подбереженскихъ лежало на Авдотьѣ Ивановнѣ.

— Едва-ли присутствіе Авдотьи Ивановны, сказалъ Леонидъ,—будетъ достаточнымъ, чтобы уберечь тебя отъ всякаго злословія.

— Отъ злословія? удивилась княжна Вѣра.—Какого злословія?

Digitized by Google

Леониду не легко было отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ давно подозрѣвалъ въ жизни Вѣры романъ, но она никогда съ нимъ объ этомъ не говорила. Врываться въ ея довѣріе, насильно завладѣвать ея тайною онъ не хотѣлъ-бы, но именно теперь, при настоящихъ обстоятельствахъ, представлялось необходимымъ выяснить справедливость его догадокъ.

— Ты любишь Соймонова, тихо сказалъ Леонидъ, не глядя на сестру, и по тону его голоса трудно было опредѣлить, говоритъ-ли онъ утвердительно, или-же спрашиваетъ?

Княжна Вѣра вся вспыхнула и замялась отвѣтомъ. Это былъ такой предметъ, о которомъ она не желала-бы говорить, но еще менѣе желала она лгать и увертываться.

— Почему ты знаешь? Какъ ты могъ догадаться? вырвалось у нея.

— Я давно ужъ это думаю... Такъ это правда?

Княжна Вѣра шла молча, не рѣшаясь прямо отвѣтить,— да прямого отвѣта и не было нужно. Не дождавшись этого прямого отвѣта, Подбереженскій, попрежному, тихо, какъ-бы про себя, промолвилъ:

— Это несчастіе... Соймоновъ женатый человѣкъ.

— Почему несчастіе? подняла голову княжна Вѣра, снова покраснѣвъ. — Развѣ я чего-нибудь жду, на что-нибудь надѣюсь? Я сердечно, горячо желаю Надеждѣ Николаевнѣ выздоровленія, и довольствуюсь моею дружбою съ ними обоими.

— Но будетъ-ли Соймоновъ довольствоваться твоею дружбою?

— Артемій Васильевичъ—честный человѣкъ! сказала Вѣра, сверкнувъ глазами,—и я тоже... Ни тотъ, ни другой—мы никогда ничего безчестнаго не допустимъ... Никогда между нами не было и не будетъ сказано ни одного слова, которое не могло бы быть передано Надеждѣ Николаевнѣ...

— Я знаю, что ты не лжешь, Вѣра, что ты не способна лгать... Я безусловно довѣряю твоей искренности... Но мы всѣ люди, а не ангелы. Твои отношенія съ Соймоновымъ могутъ измѣниться.

— Нѣтъ, не могутъ, упрямо возразила княжна Вѣра.— Подожди, Леонидъ, я разскажу тебѣ одинъ случай, кото-

Digitized by Google

рый, я надѣюсь, тебя убѣдитъ. У Надежды Николаевны ракъ въ груди, и ей уже однажды, два года тому назадъ, дѣлали операцію. Передъ операціей она очень упала духомъ и была увѣрена, что умретъ. О смерти она говорила безпрестанно и, между прочимъ, одинъ разъ, заведя этотъ излюбленный ею тогда разговоръ, она вдругъ обратилась къ Артемію Васильевичу и ко мнѣ и потребовала отъ насъ обоихъ, чтобы ея послѣдняя воля была исполнена. Мы, конечно, обѣщали. Но каково же было наше изумленіе и смущеніе, когда она, вся въ слезахъ, сказала: „если меня не станетъ, то ты, Артемій, долженъ жениться на Вѣрѣ; она одна только можетъ моимъ бѣднымъ дѣтямъ замѣнить мать". Мы, разумѣется, какъ могли и умѣли, успокоили ее, выразивъ увѣренность, что операція удастся. Операція, дѣйствительно, удалась, и Надежда Николаевна ожила... И вотъ, во всѣ тѣ два года, которые послѣ того минули, между Артеміемъ Васильевичемъ и мною не только никогда не было никакого разговора, хотя бы въ шутливомъ тонѣ, о желаніи, выраженномъ Надеждою Николаевною, не было на это никогда ни малѣйшаго намека... Довольно-ли тебѣ этого?

Леонидъ готовъ былъ не только сказать, но закричать: „Нѣтъ, не довольно!.. Прошедшее не ручается за будущее!.." Онъ, однако, воздержался и спросилъ:

— А Надежда Николаевна этого разговора не возобновляла?

— Нѣтъ. Потомъ произошло нѣчто странное... Когда она, оправившись, возвратилась изъ Москвы, гдѣ ей дѣлали операцію, она ни съ того, ни съ сего стала какъ-то холоднѣе со мною, суше; мнѣ показалось даже, что она какъ будто ревнуетъ... Впрочемъ, все это было мимолетное, и теперь наши отношенія опять прежнія.

Леонидъ покачалъ головою.

— Мимолетное... Это мимолетное опять можетъ повториться.

— Не думаю... Капризъ больной женщины—не болѣе.

— Положимъ, что и такъ... Но все-таки этотъ капризъ больной женщины долженъ былъ бы вамъ съ Соймоновымъ служить предостереженіемъ, и даже довольно грознымъ. Съ огнемъ не шутятъ.

— Право, ты все это принимаешь слишкомъ трагически. Тутъ не только огня, а ни малѣйшей искорки нѣтъ.

Digitized by Google

— Всякое запутанное положеніе есть искра, изъ которой можетъ разгорѣться большой огонь... И потомъ, я тебѣ повторяю то, что уже сказалъ въ началѣ нашего разговора: зачѣмъ подавать поводъ къ злословію?

— Да какой поводъ? Все то, о чемъ мы съ тобою сейчасъ говорили, никому здѣсь и въ голову не приходитъ.

— Это не извѣстно... Мнѣ, однако, пришло, и Надеждѣ Николаевнѣ также... Пока ты жила здѣсь съ матерью, ты была въ положеніи нормальномъ, и передъ этимъ нормальнымъ положеніемъ смолкало, или, по крайней мѣрѣ, сдерживалось злоязычіе... Когда же ты останешься одна или съ Авдотьей Ивановной, что̀ въ глазахъ постороннихъ людей то же самое, то положеніе твое перестанетъ казаться нормальнымъ. Явится вопросъ: зачѣмъ ты осталась одна въ деревнѣ? На этотъ вопросъ будутъ искать отвѣта, найдутъ его, и тебя не пощадятъ... Да первая же Валентина, обиженная твоимъ отказомъ переселиться къ ней, тебя не пощадитъ...

Очень не хотѣлось княжнѣ Вѣрѣ уѣзжать изъ деревни. Съ деревнею она сжилась, тутъ у нея сложились опредѣленныя привычки. А главное то, что Соймоновы были самою сильною ея привязанностью, и не одинъ Артемій Васильевичъ, а также и жена его, и, въ особенности, дѣти. Уѣхать отъ нихъ было очень тяжело. Но справедливость сказаннаго братомъ бросалась въ глаза. Да, злословіе непремѣнно возникнетъ, и не только испортитъ ея собственную жизнь, но можетъ внести смуту и раздоръ и въ семью Соймоновыхъ, которую она такъ любитъ.

Нѣсколько времени Леонидъ и Вѣра шли молча. Вѣра раздумывала, Леонидъ ждалъ ея слова.

— Да, ты правъ, сказала она, наконецъ, — конечно, правъ... Но что же изъ этого?.. Что же мнѣ дѣлать?.. Ѣхать въ Москву, къ Евсѣевымъ?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Леонидъ. — Ѣхать въ Петербургъ, ко мнѣ.

Лицо княжны Вѣры, очень пасмурное, значительно просвѣтлѣло. Ужъ если нельзя остаться въ деревнѣ, то самое лучшее жить съ братомъ. Братъ ей былъ гораздо ближе сестры.

— Спасибо тебѣ,—она горячо пожала ему руку,—это исходъ, и очень хорошій... Я на этомъ не останавливалась, потому что не считала этого возможнымъ... А развѣ

Digitized by Google

оно возможно и въ матеріальномъ, и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ?

— Отчего же нѣтъ? Однажды, что ты перестанешь жить съ матерью, никто не можетъ лишить тебя права выбирать между сестрою и братомъ. А на скромную жизнь — правда, очень и очень скромную — у насъ средства найдутся.

Такимъ образомъ, Подбереженскій, совершенно для себя неожиданно, зажилъ жизнью семейнаго человѣка. Гарни, разумѣется, было оставлено, и они съ Вѣрою поселились въ маленькой квартиркѣ на дворѣ. Образъ жизни Леонида мало измѣнился, онъ работалъ не меньше, если не больше прежняго, но чувствовалъ себя довольнымъ и даже счастливымъ. Никогда у него не было семьи, а теперь была. Его потребность кого-нибудь любить и о комъ-нибудь заботиться нашла правильный исходъ. Лодька отошелъ на второй планъ. Теперь уже не могло быть рѣчи о томъ, чтобы поселить его у себя и ежечасно заниматься имъ съ заботливостью отца или старшаго брата.

V.

У Хаимова приготовлялся большой вечеръ: хоръ цыганъ, карточные столы и—главное—великолѣпнѣйшій ужинъ. Все это, и особенно ужинъ, было очень соблазнительно, и огромное большинство приглашенныхъ разсчитывало приглашеніемъ воспользоваться. А приглашенныхъ, не считая дамъ и цыганъ, было значительно болѣе ста человѣкъ. Хаимовъ, до гадости скаредный и алчный въ денежныхъ расчетахъ, жестокосердно выгонявшій полунищихъ-жильцовъ своего громаднаго дома на Вознесенскомъ проспектѣ за 10-ти или 15-ти-рублевый долгъ, не упускавшій ни малѣйшаго случая нажить отъ бѣднаго человѣка рубль и выторговать у него гривенникъ, никогда не помогавшій безъ расчета самымъ близкимъ людямъ въ самой крайней нуждѣ, былъ чрезвычайно щедръ на свои собственныя потребности и фантазіи и ничего не жалѣлъ для удовлетворенія своего тщеславія. Хаимова свѣтская молодежь презирала, о немъ за глаза говорили съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, но всѣ къ нему ѣздили, искали въ

Digitized by Google

немъ и въ глаза льстили. Нельзя — нужный былъ человѣкъ, охотно оказывавшій одолженіе всѣмъ тѣмъ, отъ кого, въ томъ или другомъ видѣ, могъ получить сторицей. И кромѣ того, у него всѣ встрѣчались, онъ заботился о томъ, чтобы у него было весело, вкусно и пьяно. Жилъ онъ въ томъ же своемъ домѣ на Вознесенскомъ, занимая бо̀льшую половину бельэтажа. Квартира была обширная, роскошно обставленная, со всякими затѣями. Все было даже слишкомъ роскошно, отзываясь мѣщанской неумѣренностью и безвкусіемъ выскочки. И на всемъ лежала печать какого-то трудно опредѣлимаго сразу, но хорошо чувствовавшагося неряшества, и матеріальнаго, и нравственнаго.

Лодька, разумѣется, былъ въ числѣ приглашенныхъ. Хаимовъ уже давно, какъ извѣстно, записалъ его въ свою свиту, предназначенную усиливать блескъ хаимовской богатѣйшей персоны. Впрочемъ, въ свитѣ Хаимова состояли молодые люди и поважнѣе Лодьки: графъ Норингъ, князь Варлютовъ. Но тутъ же были и другіе, изящные на видъ и понатершіеся въ разныхъ обществахъ, но которыхъ общественный голосъ называлъ евреями, и съ довольно сомнительною къ тому же репутаціею: Вильноверъ, Катскій. Понятно, что и обращеніе Хаимова съ разными лицами его свиты было различное.

Лодька, собираясь на хаимовскій вечеръ, задавалъ себѣ вопросъ: играть или не играть? Этого вопроса онъ такъ дома и не рѣшилъ, — тамъ видно будетъ. Лодька въ послѣднее время, уже послѣ поѣздки Подбереженскаго въ деревню, пустился въ азартныя игры. Произошло это совсѣмъ случайно. Разъ какъ-то, у одного изъ товарищей, играли въ винтъ. Игра кончилась пустяками, и выигравшій—выигралъ одинъ, остальные трое проиграли—предложилъ сыграть на его маленькій выигрышъ въ банкъ. Стали играть, банкъ затянулся и кончился тѣмъ, что довольно значительный кушъ, нѣсколько сотенъ рублей, перешелъ въ карманъ къ Лодькѣ, который уже давно не видалъ у себя въ рукахъ столько денегъ сразу. Онъ возвратился домой, ногъ подъ собою не чувствуя отъ радости. Наконецъ-то ему не нужно просыпаться съ тяжелой заботой о томъ, откуда онъ сегодня достанетъ денегъ! Нѣкоторые, самые назойливые, долги можно заплатить, разумѣется, мелкіе. А потомъ играть, играть и играть!

Digitized by Google

Въ этомъ, можетъ-быть, спасенье. Мало-ли людей, которые живутъ игрою?.. И если повезетъ, то и женитьбой торопиться нечего! Чего себя съ этихъ поръ закабалять!.. Случаи играть всегда были, но Лодька ими прежде не пользовался, а теперь сталъ пользоваться. Судьба ему улыбалась, онъ, бо́льшею частью, выигрывалъ, и это продолжалось уже болѣе мѣсяца. Теперь онъ съ горделивой увѣренностью говорилъ, что человѣкъ, играющій съ надлежащею выдержкою, никогда не проиграетъ. Онъ самъ можетъ служить примѣромъ. Онъ положилъ себѣ никогда болѣе ста рублей въ одинъ вечеръ не проигрывать и, проигравъ ихъ, сейчасъ же остановиться. Правда, что до сторублеваго проигрыша онъ въ теченіе этого мѣсяца не доходилъ ни разу, и что, такимъ образомъ, его теорія практикой провѣрена не была. У Хаимова онъ до сихъ поръ не игралъ. Тамъ бывало много другихъ развлеченій, да и игра, когда затѣвалась, бывала крупная, чего Лодька немного побаивался. Не сунешься съ маленькими ставками, а большихъ не выдержишь!

Въ половинѣ девятаго Лодька входилъ къ Хаимову. Хаимовъ, развалившись на диванѣ, сидѣлъ въ первой отъ передней маленькой гостиной. Тутъ же на креслахъ и стульяхъ размѣстилось человѣкъ пять гостей, въ томъ числѣ Вильноверъ и Катскій. Никого изъ свѣтской молодежи еще не было, даже состоящихъ въ хаимовской свитѣ графа Норинга и князя Варлютова.

— Что такъ поздно? привѣтствовалъ Лодьку Хаимовъ, не вставая и съ дивана протягивая ему руку. — Вѣдь, я въ девять звалъ... А ты-то могъ бы и въ восемь прійти.

— Въ восемь? Почему это въ восемь?

— Помогъ бы... Мало ли тутъ дѣла было... Всѣ съ ногъ сбились.

— Что же тебѣ помогать? улыбнулся Лодька, пропуская мимо ушей мало скрытую дерзость Хаимова. — Развѣ ты самъ все устраивалъ? Прислуга... А я и такъ пришелъ раньше всѣхъ.

— А этихъ ты не считаешь? расхохотался Хаимовъ, кивнувъ головою на своихъ гостей. — Молодецъ, Лодька! Да, впрочемъ, ты, пожалуй, что и правъ... Что ихъ считать!

Лодька сконфузился. Вильноверъ кисло усмѣхнулся, остальные переглянулись, и всѣ промолчали.

Digitized by Google

— Друзья въ счетъ не идутъ, счелъ Хаимовъ нужнымъ позолотить свою пилюлю.

Всѣ лица снова просвѣтлѣли. Хаимовъ всталъ со своего дивана.

— Пойдемъ-ка посмотрѣть, обратился онъ къ Лодькѣ,— какую я штуку устроилъ. Вѣдь, ты у меня цѣлую недѣлю не былъ и еще не знаешь...

Онъ вышелъ изъ гостиной, и всѣ вслѣдъ за нимъ. Черезъ столовую, гдѣ былъ накрытъ роскошнѣйшій буфетъ, прошли въ бильярдную. Это былъ обширный залъ, въ глубинѣ котораго, занимая сравнительно незначительную его часть, обыкновенно, помѣщался бильярдъ. Но теперь бильярдъ былъ убранъ, и на его мѣстѣ были устроены обитые краснымъ сукномъ и обставленные цвѣтами подмостки для цыганъ. Весь залъ, густо уставленный группами креселъ и стульевъ, съ разбросанными между ними маленькими столиками, былъ залитъ свѣтомъ. Общая картина была красивая, и Лодька ею невольно залюбовался. Но не это хотѣлъ ему показать Хаимовъ. За бильярдной была довольно большая комната, не имѣвшая раньше никакого назначенія, совсѣмъ лишняя и пустая. Хаимовъ быстро прошелъ залу и вошелъ въ эту комнату, зовя за собою Лодьку. Лодька остановился у порога и ахнулъ. Тутъ былъ цѣлый садъ тропическихъ растеній и цвѣтовъ, и между ними были раскиданы, очень маленькими établissements, низенькіе турецкіе диванчики, кресла и пуфы въ азіатскомъ вкусѣ. Ни одной лампы, ни одного канделябра; вся комната была освѣщена цвѣтными фонариками, спрятанными въ зелени, отчего она казалась полутемной, и производила впечатлѣніе чего-то таинственнаго, особенно же, при входѣ въ нее изъ залитой свѣтомъ залы.

— А?.. Каково? спросилъ Хаимовъ.

— Прелестно! искренно отвѣтилъ Лодька.

— Да-съ!.. Лицомъ въ грязь не ударимъ!.. И замѣть, моя идея, не только въ общемъ, но и въ деталяхъ... Все я самъ выбиралъ, всѣ вещи, всѣ матеріи... Про тебя говорятъ, что у тебя много вкуса. Вотъ ты и разсмотри все; увидимъ, сдѣлаешь ли ты какое-нибудь замѣчаніе...

— Да что же разсматривать!.. Общій видъ прелестный, и больше ничего не нужно.

— Нѣтъ, я тебя покорнѣйше прошу, ты все детально

Digitized by Google

осмотри и скажи мнѣ свое откровенное мнѣніе. Ты меня этимъ очень обяжешь.

— Теперь не время, Хаимовъ. Тебѣ гостей надо встрѣчать.

— Рано еще. Какіе еще гости! Друзья, — такъ тѣ извинятъ.

„А, такъ ты этого непремѣнно хочешь!“ подумалъ Лодька. И онъ пошелъ внимательно осматривать всю комнату.

Лодька, несмотря на свою голубиную душу,— такъ про него говорили, и это ему очень нравилось, — имѣлъ давнишній зубъ противъ Хаимова. Онъ сталъ обходить комнату очень степенно и останавливаться передъ нѣкоторыми предметами, раздумывая. Это, по мнѣнію Хаимова, затянулось слишкомъ долго, и Хаимовъ начиналъ уже сердиться. Наконецъ, Лодька кончилъ свой осмотръ, и, слегка покачивая головою, молчалъ.

— Ну, что же?

— Какъ тебѣ сказать... На первый взглядъ безупречно.

— Это ужъ мы слышали... А далѣе?

— Но если вдаваться въ подробности, то это будетъ другое дѣло... Il y a beaucoup à redire.

— Précisez, mon cher.

— Да хотя бы эти красныя занавѣски и красный коверъ съ турецкой мебелью... Развѣ это можно? Очевидно, что окна и двери слѣдовало драпировать въ азіатскомъ стилѣ, подъ-стать мебели, и ковры тоже слѣдовало положить турецкіе или персидскіе... Также и эти гладкіе круглые фонарики совсѣмъ не у мѣста, характеръ не выдержанъ...

— Однимъ словомъ, все скверно и мерзко, перебилъ Хаимовъ, совсѣмъ уже разсерженный.

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Въ общемъ прелестно, вѣдь, я говорилъ тебѣ!.. Но ты самъ же заставилъ меня разбирать детально... А теперь претендуешь...

— Я не претендую, помилуй! Напротивъ, я тебѣ очень благодаренъ за твою откровенность... И на будущее время я буду знать, что ты судья строгій, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ безпристрастный...

Лодька казался серьезнымъ и даже нѣсколько огорченнымъ, но въ душѣ торжествовалъ: наконецъ-то ему уда-

Digitized by Google

лось хоть нѣсколько отплатить Хаимову за всѣ его жестокіе уколы Лодькиному самолюбію!

— Хорошая вещь безпристрастіе, — что говорить! Высокая добродѣтель, ехидничалъ между тѣмъ Вильноверъ, обращаясь къ Катскому, но, очевидно, ведя свою рѣчь по адресу Хаимова и Лодьки.—А подите-ка, суньтесь, овладѣйте безпристрастіемъ! Вѣдь, для этого надо быть высшимъ характеромъ, чтобы въ сердцѣ ни капельки зависти не было!.. А?.. Какъ вы думаете?

Лодька посмотрѣлъ на Вильновера и не удостоилъ его отвѣтомъ. Хаимовъ взялъ между тѣмъ Лодьку подъ-руку и, понижая голосъ какъ бы для интимной бесѣды, но однако такъ, что его всѣ слышали, сказалъ ему:

— Ну, да что, бросимъ всѣ эти пустяки... Я давно уже собираюсь тебѣ серьезный вопросъ сдѣлать: какъ идутъ дѣла... тамъ...

— Гдѣ тамъ? отвѣтилъ Лодька вопросомъ на вопросъ.

— Тамъ... въ деревнѣ... у твоихъ родителей?

Лодька чуялъ западню, — но какую? Въ чемъ она заключалась? Какъ ее избѣжать?

— Ни шатко, ни валко, отвѣчалъ онъ, колеблясь. — Когда управляющіе напортятъ и напутаютъ, такъ не легко потомъ разбираться. Впрочемъ, отецъ принялся за дѣло энергично. Завелъ правильную вырубку лѣса, котораго множество; затѣиваетъ водочный заводъ... Дастъ Богъ, скоро все поправится... Ну, а теперь, конечно, есть затрудненія...

— Я очень счастливъ, что слышу это отъ тебя. А то мнѣ говорили совсѣмъ другое.

— Ну, вотъ еще!

— Право, говорили, и даже вѣрные люди говорили... Меня увѣряли, что вы совсѣмъ разорены.

— Охота тебѣ слушать всякій вздоръ!..

— Легко тебѣ говорить, Лодька, „слушать вздоръ"!.. А ты посуди самъ: ты мнѣ другъ-пріятель, Александра Максимовича я тоже знаю, — не могу же я вами не интересоваться!..

— Очень тебѣ признателенъ. Ты видишь, однако...

— Что же мнѣ дѣлать, если я добрый человѣкъ! Я даже придумывалъ, чѣмъ бы тебѣ помочь, если бы вы и, въ самомъ дѣлѣ, были разорены...

Digitized by Google

— Прибереги свою помощь для болѣе подходящаго случая, возразилъ Лодька, стараясь говорить шутливо.

— Какъ хочешь,—а все же я долженъ тебѣ сказать, что именно я придумалъ... У тебя столько вкуса и знанія дѣла... Если вы, дѣйствительно, разоритесь, то я тебѣ предлагаю мѣсто... моего метръ-д'отеля и декоратора.

Кругомъ захихикали. Лодька выдернулъ свою руку изъ подъ-руки и, весь красный отъ негодованія, задрожавшимъ голосомъ сказалъ:

— Послушай, Хаимовъ, товарищескія вольности имѣютъ границы... И въ шуткахъ надо знать мѣру... А ты всякія границы переходишь...

— Ну, вотъ еще! расхохотался Хаимовъ своимъ привычнымъ, дерзкимъ хохотомъ.—Терпѣть я не могу, Лодька, когда ты ломаешься!

И Хаимовъ, повернувшись къ нему спиною, ушелъ въ маленькую гостиную. Вслѣдъ за нимъ, съ обидно-скромнымъ видомъ, ушли и свидѣтели этой сцены. Въ столовой, гдѣ произошла вся сцена, Лодька остался теперь одинъ.

Какъ онъ ни привыкъ къ Хаимову, но онъ былъ ошеломленъ и не зналъ, на что ему рѣшиться. Уѣхать?.. Разумѣется, и сейчасъ же. Вѣдь поступокъ Хаимова былъ возмутителенъ, и Хаимовъ даже не извинился... Разумѣется, надо уѣхать... Да, но если уѣдешь, то это ссора.... окончательная... Разрывъ и огласка...

Продолжая раздумывать, Лодька подвинулся въ слѣдующую комнату, и оттуда увидѣлъ входящихъ графа Норинга и князя Варлютова, которые пріѣхали вмѣстѣ. При видѣ двухъ товарищей, Лодька вдругъ воспрянулъ духомъ, какъ будто прибыло подкрѣпленіе. Мысли его измѣнились. „Нѣтъ, вздоръ, нечего уѣзжать. Это было бы даже малодушно. Всѣмъ извѣстно, что Хаимовъ шутъ гороховый. Est-ce qu'on le prend au sérieux?"

Лодька остался, но было ему какъ-то не по себѣ, никакъ не могъ онъ войти въ надлежащую колею. Около половины одиннадцатаго начали быстро собираться гости. Пріѣзжали почти безъ перерыва. Запѣли цыгане, появился пуншъ, составились партіи, вечеръ началъ налаживаться. Хаимовъ раза два-три заговаривалъ съ Лодькой, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Лодька старался казаться веселымъ и развязнымъ. Это, однако, ему плохо удава-

Digitized by Google

лось; въ головѣ и на сердцѣ онъ чувствовалъ какую-то тяжесть.

— Что съ тобою? спросилъ его Норингъ.—Ты сегодня... немножко странный...

Лодька чуть-чуть было не расплакался,—онъ, вообще, былъ слезливъ,—чуть-чуть было не разсказалъ Норингу про свою обиду. Ему ужасно хотѣлось пожаловаться на Хаимова и возбудить къ себѣ сочувствіе. Къ счастью для него, онъ во-время опомнился и промолчалъ. Онъ смутно сообразилъ, что разыгралъ смѣшную и глупую роль, и что на свои жалобы онъ можетъ услышать такой отвѣтъ:

— Надо было вызвать Хаимова на дуэль... Или же принять его выходку за товарищескую шутку,—пошлую, но товарищескую,—и тогда уже не жаловаться.

Лодька подходилъ то къ одной группѣ, то къ другой, вступалъ въ разговоръ, но нигдѣ ему сегодня по душѣ не приходилось. Мужчины казались ему надутыми и скучными, женщины еще скучнѣе. Цыганскія пѣсни, которыя онъ очень любилъ и слушалъ иногда съ увлеченіемъ, представлялись ему теперь верхомъ пошлости. Пробовалъ онъ себя подбодрять значительнымъ количествомъ пунша, но и это не помогало. Онъ сталъ бродить изъ комнаты въ комнату, и въ кабинетѣ у Хаимова набрелъ на штоссъ, который заложилъ Вильноверъ. Рядомъ съ Вильноверомъ помѣстился не разлучавшійся съ нимъ Катскій, но не игралъ,—вѣроятно, былъ съ нимъ въ долѣ. Когда Лодька вошелъ, онъ услыхалъ, что Вильноверъ уже третій банкъ закладываетъ; банкометъ, однако, этимъ не смущался, и какъ будто даже былъ доволенъ; можетъ быть, въ его расчеты входило оживить своимъ проигрышемъ начало игры. Около карточнаго стола сгруппировалось человѣкъ пять-шесть понтеровъ, и въ томъ числѣ два очень богатыхъ офицера одного изъ самыхъ блестящихъ кавалерійскихъ полковъ. На этихъ офицеровъ, очевидно, было обращено главное вниманіе Вильновера.

Лодька подошелъ къ играющимъ. Его ужасно тянуло поставить карточку, но онъ мысленно убѣждалъ себя, что этого дѣлать не слѣдуетъ. Кто его знаетъ, этого Вильновера... Онъ, однако, черезъ нѣкоторое время не устоялъ, вытащилъ карту, и вопросительно посмотрѣлъ на банкомета.

Digitized by Google

— Можно присоединиться?

Тотъ мотнулъ головою и сказалъ:

— Пожалуй... Только я вашу игру знаю... Будете по три да по пяти рублей ставить, выжидая случая банкъ сорвать.

„Вишь ломается“, подумалъ Лодька, и громко отчеканилъ, вынимая деньги:

— По десяти рублей око, фигура.

Это было очень рискованно, потому что у Лодьки въ карманѣ было немногимъ болѣе трехсотъ рублей; но онъ не могъ удержаться отъ желанія замазать ротъ Вильноверу.

— Готово?

Да, у всѣхъ было готово. Вильноверъ сталъ метать; Лодька открылъ карту, даму. По второму же абцугу дама была дана. Другіе понтеры проиграли, и банкъ не пострадалъ.

— Нà-пе, сказалъ Лодька, опять поставивъ даму.

И опять дама была дана. Тогда Лодька, игравшій стоя, взялъ стулъ и усѣлся, собираясь играть основательно.

Игра пошла для Лодьки съ перемѣннымъ счастьемъ, но другіе сильно проигрывали, и банкъ быстро возрасталъ. Офицеры переглянулись и перекинулись двумя-тремя словами, которыхъ Вильноверу не удалось разслышать. Его вдругъ разобралъ страхъ, что офицеры отстанутъ отъ игры. Какъ ихъ удержать?.. На его счастье, въ это время вошелъ зачѣмъ-то Петръ, камердинеръ Хаимова.

— Петръ, сказалъ Вильноверъ съ заискивающей улыбкою,—какъ бы намъ сюда крюшончикъ...

Петръ взглянулъ на него мелькомъ, какъ-то сбоку, и, не отвѣчая ему, обратился къ Лодькѣ:

— Прикажете?

„Пусть этотъ прикажетъ, мысленно негодовалъ Петръ,— все же изъ настоящихъ господъ... А то всякій жидюга будетъ тутъ распоряжаться!“

— Что же, не мѣшаетъ! отвѣчалъ Лодька.

Крюшонъ тотчасъ же явился, и, дѣйствительно, оживилъ понтеровъ. Тѣмъ не менѣе одинъ изъ офицеровъ скоро отсталъ отъ игры, разсчитался и ушелъ, но другой остался. Этотъ другой былъ въ большомъ проигрышѣ. Начиналъ также и Лодька серьёзно проигрывать. Весь столъ былъ испещренъ записями банкомета. Когда одинъ изъ офицеровъ ушелъ, то Вильноверъ снялъ изъ банка зна-

Digitized by Google

чительную долю своего наличнаго выигрыша. Нѣкоторые изъ понтеровъ выразили неудовольствіе, но все-таки продолжали играть. Мало-по-малу, однако, всѣ отстали и оставались только офицеръ и Лодька.

Лодька зарвался. Онъ понадѣялся на то, что вначалѣ онъ бралъ довольно большіе куши, и что, сверхъ наличныхъ денегъ, у него была значительная запись на банкометѣ. Когда онъ сталъ проигрывать, то, желая вернуть проигранное, онъ увеличивалъ, и неумѣренно увеличивалъ свои ставки. Видя, что многіе изъ партнеровъ отстаютъ, новыхъ не прибываетъ, и игра можетъ скоро прекратиться, онъ свелъ въ умѣ приблизительный балансъ своего выигрыша и проигрыша, и съ ужасомъ убѣдился, что не только его проигрышъ больше выигрыша, но что у него недостаточно денегъ, чтобы расплатиться. Тогда онъ потерялъ голову. Мысль, что ему придется публично извиниться и публично же выслушать, можетъ быть, непріятныя замѣчанія,—и отъ кого же? отъ Вильновера, котораго онъ до сихъ поръ презрительно игнорировалъ!—приводила его въ ужасъ. Теперь оставалось одно: смѣлыми ставками вернуть хоть часть проигрыша, ту часть, которой онъ не могъ заплатить. Но ему не везло. Двѣ-три карты ему давали, а третью или четвертую, ту именно, которая должна была его выручить, били. И, должно быть, Вильноверъ замѣтилъ, что онъ зарвался, потому что нѣсколько разъ съ полуулыбочкой на него посматривалъ, и однажды остановилъ даже его ставку ехиднымъ вопросомъ: „Такъ много? Не поставите-ли меньше?..“ Вильноверъ, однако, не отказывался бить всѣ его карты, боясь своимъ отказомъ спугнуть другого своего понтера, офицера. Наконецъ, офицеръ вынулъ туго набитый бумажникъ и сказалъ:

— Сосчитаемтесь.

У Лодьки даже сердце такъ и упало, даже въ глазахъ потемнѣло отъ волненія. Ему казалось, что счастье къ нему только что вернулось: послѣднія таліи были удачны; еще 10—15 минутъ и все могло быть исправлено!

— Такъ вы кончаете? спросилъ Вильноверъ у офицера, и прибавилъ обращаясь къ Лодькѣ:—И я кончаю.

— Больше играть не будете? едва выговорилъ Лодька.

— Нѣтъ... Не вдвоемъ же намъ съ вами играть!.. Да сейчасъ, вѣроятно, и ужинъ.

Digitized by Google

Офицеръ разсчитался и ушелъ, пасмурный. Очередь была за Лодькой. Лодька сводилъ счеты медленно, всячески оттягивая страшную минуту. Когда всѣ записи были приведены въ ясность и оттягивать расплату было уже нельзя, Лодька сосчиталъ всѣ свои деньги и, отдавая ихъ, сказалъ:

— Остальныя завтра.

— Вы меня не предупредили, а я иначе, какъ на чистыя деньги, не играю, возразилъ Вильноверъ.

— Такъ случилось... Со мною больше нѣтъ... Не все-ли вамъ равно, если завтра...

— Разумѣется, завтра! Карточные долги не откладываются... А все же такъ не дѣлаютъ.

Лодька сгоралъ со стыда и молчалъ. Катскій издалъ звукъ и сдѣлалъ жестъ, долженствовавшіе изображать негодованіе безупречнаго человѣка при видѣ предосудительнаго поступка. Вильноверъ пожалъ плечами и спросилъ:

— Сколько-же за вами?

— Восемьсотъ пятьдесятъ.

— По-моему девятьсотъ семьдесятъ. Повѣримте снова.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же повѣрять, поспѣшилъ сказать Лодька, — вѣроятно, я ошибся...

Онъ былъ увѣренъ, что не ошибся ни на одинъ рубль, но у него недостало духа возобновлять пережитую уже муку.

— Какъ угодно-съ... Такъ непремѣнно завтра?

Лодька только кивнулъ головою. Вильноверъ и Катскій, взявшись подъ-руку, вмѣстѣ вышли изъ кабинета, и Лодька слышалъ какъ въ дверяхъ Катскій сказалъ Вильноверу:

— Это возмутительно!.. А еще важничаютъ!.. Носъ дерутъ!..

VI.

Послѣ игры Лодька сейчасъ-же уѣхалъ домой. Ему было не до ужина и не до веселыхъ разговоровъ. Онъ вернулся совсѣмъ ошеломленный, потерявъ способность думать и соображать. Не раздѣваясь, взялъ книгу, сталъ читать, не понимая ни единаго слова изъ прочитаннаго. Потомъ раздѣлся, легъ въ постель, потушилъ свѣчу, и тотчасъ-же, можетъ быть, подъ вліяніемъ большого количества выпитаго имъ вина, заснулъ тревожнымъ, безпре-

Digitized by Google

станно прерывающимся, сномъ. Проспалъ онъ недолго, всего часа три, и часу въ седьмомъ былъ на ногахъ, теперь уже съ отчетливымъ пониманіемъ случившагося... Если сегодня утромъ не заплатить, то Вильноверъ и Катскій молчать не будутъ, осрамятъ. Скандальныя новости разлетаются быстро, всѣ узнаютъ... Куда покажешься?.. Надо заплатить, непремѣнно надо... А какъ заплатить?.. Если даже всѣ вещи заложить, мебель, платье,—такъ, пожалуй, на спѣхъ тысячи рублей не выручишь... Да, вѣдь, и это скандалъ!.. Занять?.. Нѣгдѣ, всѣмъ долженъ... Одна надежда на Хаимова. У него все это произошло, пусть выручитъ! Тугъ онъ на деньги, никогда еще Лодька у него денегъ не рѣшался просить, хотя и бывала нужда крайняя, — но теперь особый случай... А покуда, сейчасъ-же написать отцу. Не Богъ знаетъ какія деньги тысяча рублей. Извернется отецъ, найдетъ... Да,—такъ... Обойдется. Перемелется,—все мука будетъ.

Лодька сѣлъ писать отцу. Написалъ длинно, убѣдительно, краснорѣчиво. Перечиталъ свое письмо, и остался имъ доволенъ. Посмотрѣлъ на часы: безъ четверти девять. Теперь ужъ можно было позвать человѣка, не слишкомъ изумивъ его раннимъ зовомъ. Лодька позвонилъ, но его Никаноръ, человѣкъ уже старый, служившій еще крѣпостнымъ мальчикомъ у его дѣда, утомленный наканунѣ долгимъ ожиданіемъ барина, еще спалъ и пришелъ не скоро. Умыванье, одѣванье, утренній чай, — все это взяло время, и все-же былъ только одиннадцатый часъ въ началѣ, когда Лодька, совершенно готовый, могъ-бы изъ-дому выйти. Но идти къ Хаимову раньше двѣнадцати часовъ было невозможно: онъ, конечно, еще спитъ послѣ вчерашняго...

Хаимовъ однако не спалъ, когда къ нему пришелъ Лодька, нѣсколько ранѣе двѣнадцати. Онъ легъ въ пять часовъ, а въ десять уже всталъ, и теперь занимался дѣлами. Хаимовъ былъ человѣкъ дѣловой. Его отецъ орудовалъ въ Москвѣ, въ разныхъ подмосковныхъ городахъ, и былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ; а онъ завѣдывалъ отцовскими дѣлами въ Петербургѣ и, кромѣ того, имѣлъ и независимое большое состояніе отъ умершей матери, съ которымъ также было не мало дѣла.

— Лодька! удивился Хаимовъ, кладя перо и всматри-

Digitized by Google

ваясь во входящаго товарища. — Вотъ такъ неожиданно! За какимъ дѣломъ?

— Почему-же непремѣнно за дѣломъ? улыбнулся Лодька, усиливаясь казаться спокойнымъ.

— А то какъ-же? Вчера вечеромъ, или, лучше сказать, сегодня ночью, видѣлись, ты даже разсердился на меня за мою шутку, а теперь являешься! Когда ты, по твоимъ привычкамъ, долженъ-бы еще спать!.. Не изъ-за любви-же ко мнѣ ты всталъ такъ рано?

— Да, правда; есть дѣло...

— Ну, то-то... Садись покуда на диванъ и просмотри газеты; я сейчасъ кончу и тебя выслушаю, а потомъ будемъ завтракать.

Лодька нашелъ, что Хаимовъ принялъ его любезно. Любезнѣе онъ не бывалъ, а менѣе любезенъ очень часто. И Лодька былъ правъ въ своемъ заключеніи, Хаимовъ, дѣйствительно, хотѣлъ быть любезнымъ. Вильноверъ ничего не успѣлъ ему разсказать, и онъ предположилъ, что Лодька пришелъ объясняться по поводу вчерашняго столкновенія, котораго Хаимовъ вовсе не хотѣлъ доводить до серьезныхъ размѣровъ. Лодька между тѣмъ воспрянулъ духомъ, и надежды его усилились.

— И такъ, въ чемъ-же дѣло? спросилъ Хаимовъ, окончивъ счеты, которыми былъ занятъ, и усаживаясь возлѣ Лодьки на диванѣ.

Лодька довольно бодро разсказалъ о вчерашней игрѣ, разумѣется, всячески себя выгораживая.

— Очень жаль, заговорилъ Хаимовъ уже совсѣмъ другимъ тономъ,—что это случилось съ тобою и у меня. Но я-то тутъ при чемъ-же?

— Конечно, ни при чемъ... Я только надѣялся, что ты меня выручишь...

— Какъ-же я могу тебя выручить?

— Вотъ видишь, Хаимовъ... Карточные долги задерживать нельзя... Я долженъ заплатить сегодня-же...

— Понятно.

— Я отцу уже написалъ всю правду... Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ вышлетъ деньги, понявъ мое ужасное положеніе... Но все-же до полученія денегъ пройдетъ недѣля, можетъ быть и двѣ.

— Ну?

Digitized by Google

— И я надѣялся, что ты на этотъ срокъ ссудишь меня тысячью рублями.

— Странный ты человѣкъ, Лодька... Ты, пожалуй, и, въ самомъ дѣлѣ, увѣренъ, что Александръ Максимовичъ вышлетъ тебѣ тысячу рублей?

— Почему-же нѣтъ?

— Да развѣ онъ выдѣлываетъ фальшивую монету?

— У тебя всегда глупыя шутки, Хаимовъ!

— Какія шутки, — помилуй... Твой отецъ въ деревнѣ въ такомъ-же несчастномъ положеніи, какъ ты здѣсь, точно такъ-же безъ гроша, точно такъ-же не умѣетъ сократить размахъ своихъ привычекъ, и точно такъ-же перебивается мелкими займами... Откуда ему взять тысячу рублей?

— Какъ ты все это знаешь!.. Даже изумительно! попробовалъ Лодька насмѣшливаго тона.

— Ничего нѣтъ изумительнаго. Какой-же я былъ-бы дѣловой человѣкъ, если-бы не зналъ денежнаго положенія людей, съ которыми мнѣ приходится быть въ сношеніяхъ!

— Ну, хорошо, я тебя разубѣждать не буду, хотя и знаю, что отецъ мнѣ деньги вышлетъ...

— Прекрасно сдѣлаешь, что не будешь разубѣждать. Меня разубѣдить нельзя, потому что я на фу-фу никогда не говорю.

— Оставимъ это... Но неужели-же ты, какъ товарищъ, откажешься меня вызволить изъ петли? Чтобы тебѣ заплатить, я, въ случаѣ надобности, все, до послѣдней рубашки, продамъ... Конечно, тысяча рублей, деньги, сравнительно, большія...

— Кому какъ, возразилъ Хаимовъ, съ заносчивостью мѣщанскаго денежнаго тщеславія, — тебѣ большія, мнѣ ничтожныя... Мнѣ вотъ вчерашній вечеръ болѣе трехъ тысячъ обошелся... Что мнѣ тысяча рублей?... Не въ количествѣ рублей дѣло, а въ принципѣ.

— Въ принципѣ? удивился Лодька.

— Да. Я разъ навсегда установилъ для себя правиломъ никогда друзьямъ и знакомымъ въ долгъ не давать. Дашь въ долгъ, — непремѣнно выйдутъ непріятности, и потеряешь друга. А я своими друзьями дорожу.

— О, Хаимовъ, какъ можешь ты думать... Да если ты меня выручишь, то моя благодарность...

Digitized by Google

— Нѣтъ, Лодька, лучше не проси. Ни для тебя и ни для кого я отъ своихъ правилъ не отступлю. Не проси. Что за охота идти на вѣрный отказъ?

— Да ты подумай только о моемъ положеніи...

— Ты не маленькій. Ты мой ровесникъ, или, развѣ, нà годъ моложе меня. Я не обязанъ думать о твоемъ положеніи, если ты самъ недостаточно о немъ думаешь.

— Развѣ я оправдываюсь?.. Я виноватъ, кругомъ виноватъ... Но не будь-же и ты безжалостенъ...

— Все это напрасно. Ты только и себя, и меня попусту затрудняешь... Я уже сказалъ тебѣ, что у меня есть правила, отъ которыхъ я не отступаю.

Чувствуя себя на краю пропасти, Лодька обозлился.

— Правила! Правила! возразилъ онъ, возвышая голосъ и со сверкающими глазами. — У тебя для однихъ одни правила, а для другихъ другія!.. Ты друзьямъ денегъ въ долгъ не даешь,—это твое правило!.. А Норингъ? А Варлютовъ?.. Я знаю, что Норингъ тебѣ долженъ десять тысячъ...

Хаимовъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, и, покачивая головою, съ легкой усмѣшкой, внушительно проговорилъ:

— Да ты, Лодька, совсѣмъ... наивный!.. Сравнилъ себя съ Норингомъ и съ Варлютовымъ!.. Да, это правда; я имъ давалъ въ долгъ, и еще дамъ... до извѣстныхъ предѣловъ и при извѣстныхъ условіяхъ. Эти деньги я выписывалъ и буду выписывать въ расходъ... Такъ вѣдь Норингъ-то родной племянникъ княгини Черноземской, а Варлютовъ... Ну, да что объ этомъ... Вотъ ты сдѣлайся Норингомъ или Варлютовымъ, тогда я тебѣ не то что тысячу рублей, а десять тысячъ, или даже двадцать дамъ!.. А до тѣхъ поръ...

— А до тѣхъ поръ, перебилъ его Лодька, задыхаясь отъ волненія,—мнѣ хоть топиться или стрѣляться!..

Хаимову было немножко жаль Лодьку, и очень хотѣлось отъ него отдѣлаться. Онъ терпѣть не могъ ни чувствительныхъ сценъ, ни нарушенія порядка своей жизни.

— Вотъ что, сказалъ онъ, пораздумавъ,—я тебѣ докажу, что я добрый человѣкъ и не отказываюсь, если могу, помочь другу въ бѣдѣ... Я терпѣть не могу вмѣшиваться въ чужія дѣла, и никогда не вмѣшиваюсь, но для тебя сдѣлаю исключеніе. Я попрошу Вильновера, чтобы онъ тебѣ отсрочилъ уплату твоего долга и не оглашалъ бы всей этой непріятной исторіи... Или еще лучше: я просто

Digitized by Google

напишу на своей визитной карточкѣ, что прошу исполнить твое желаніе. Тогда ты самъ сговоришься съ нимъ, какъ хочешь.

Лодька зналъ, что Вильноверъ былъ не только очень близокъ съ Хаимовымъ, но состоялъ отъ него въ нѣкоторой зависимости, чуть-ли не былъ агентомъ по какимъ-то хаимовскимъ дѣламъ. Однажды, что Лодька не могъ заплатить Вильноверу свой карточный долгъ, то вмѣшательство Хаимова являлось для него дѣйствительною и большою помощью. Онъ Хаимова поблагодарилъ, и они разстались друзьями... такими же, какими были и прежде.

Разумѣется, къ Вильноверу надо было идти сейчасъ-же; этого откладывать было нельзя, и Лодька не остался даже у Хаимова завтракать, какъ тотъ ему предлагалъ. Вильноверъ жилъ близко, на Казанской, въ гарни средней руки, гдѣ онъ занималъ двѣ комнаты, меблированныя съ претензіями и съ дешевымъ великолѣпіемъ рыночнаго пошиба. Онъ былъ дома, и встрѣтилъ Лодьку въ дверяхъ первой изъ своихъ двухъ комнатъ.

— Я васъ ждалъ, прямо заявилъ Вильноверъ,—вы, вѣроятно, принесли деньги?

— Нѣтъ, не успѣлъ еще достать, отвѣчалъ Лодька.

Вильноверъ ожидалъ этого, но прикинулся изумленнымъ.

— Вотъ карточка Хаимова, поспѣшилъ сказать Лодька.

— Гм!.. „Александръ Абрамовичъ Хаимовъ убѣдительно проситъ исполнить желаніе В. А. Приглядскаго“, прочиталъ Вильноверъ.

„Убѣдительно!“ Это было условленное выраженіе. Если бы просто стояло „проситъ“, или даже „очень проситъ“, то можно и отказать. Но „убѣдительно“,—отказать нельзя. Хаимовъ противъ Лодьки душою не покривилъ. Но и Вильноверъ отнесся къ этому довольно равнодушно, тѣмъ болѣе, что Хаимовъ выразился такъ неопредѣленно: „исполнить желаніе“... Вѣдь все равно пришлось бы идти на какую-нибудь сдѣлку!

— Въ чемъ же заключается ваше желаніе? спросилъ Вильноверъ, усаживаясь и подвигая Лодькѣ кресло.

— Вотъ видите-ли... Я написалъ отцу о деньгахъ... Покуда онъ вышлетъ, пройдетъ время...

— Такъ вы хотите, чтобы я вамъ отсрочилъ вашъ долгъ?

— Объ этомъ-то я и пришелъ васъ просить.

Digitized by Google

— Вы сами знаете, что карточные долги всегда уплачиваются немедленно!

— Знаю. Но тутъ ужъ такъ случилось... Потому-то я и просилъ Хаимова ходатайствовать за меня...

— Дѣлать нечего. Александру Абрамовичу я ни въ чемъ отказать не могу... А добрый человѣкъ Александръ Абрамовичъ, надо правду сказать! Онъ могъ бы на васъ за вчерашнее сердиться, а онъ не только что не сердится, но еще услугу вамъ оказываетъ... Такъ на сколько же времени вамъ отсрочить? На двѣ недѣли?

— Я хотѣлъ бы на мѣсяцъ... Вѣрнѣе... Я, вѣроятно, отдамъ вамъ гораздо ранѣе, но на всякій случай...

— Мѣсячный срокъ для карточнаго долга!.. Ну, да что же подѣлаешь!.. Извольте.—Вексельную бумагу вы захватили?

— Вексельную бумагу? Зачѣмъ?

— А то какъ же? Уплата карточнаго долга должна быть произведена не позже слѣдующаго дня, тѣмъ или другимъ способомъ. Вотъ я, вмѣсто наличныхъ денегъ, и соглашаюсь принять вашъ вексель, дѣлая это только по просьбѣ глубокоуважаемаго мною Александра Абрамовича... Если же вы не согласны...

— Нѣтъ, нѣтъ, поспѣшно перебилъ Лодька, — согласенъ... Разумѣется... Но я этого не предвидѣлъ, и вексельной бумаги не принесъ...

— У меня есть.

Вильноверъ вышелъ въ другую комнату и возвратился съ листомъ вексельной бумаги. Лодька сѣлъ писать вексель.

— Пишите на тысячу рублей, сказалъ Вильноверъ,— вмѣсто того, чтобы заплатить деньги, вы еще получите...

И онъ вынулъ три десятирублевыхъ бумажки.

И это Лодькѣ было съ руки: послѣ вчерашняго погрома у него оставалось лишь нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ. У него какъ камень съ плечъ свалился, и онъ сразу повеселѣлъ, окончательно забывъ тревогу, только что пережитую. Вильноверъ это замѣтилъ, и когда Лодька уходилъ, то онъ проводилъ его мысленнымъ напутствіемъ:

— Постой, любезный, еще напляшешься! Васъ, голубчиковъ, учить нужно, чтобы носъ не задирали!..

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Стихотворенія

К. Медвѣдскаго.

Май.

I.

О, чудный май! Подъ ласками твоими
Проснувшаяся, нѣжится земля!
Ты засверкалъ лучами золотыми,
И ожилъ лѣсъ, и ожили поля.

Ты забросалъ цвѣтами лугъ душистый
И соловьями рощи населилъ,
И сумраку ночному запретилъ
Смѣнять уныньемъ день лучистый...

Спасибо, май!—И въ сердцѣ у меня
Зажегъ ты блескъ немеркнущаго дня!...

II.

Весело иду знакомою дорогой;
Небо лучезарно блещетъ надо мной.
Полонъ юный лѣсъ весеннею тревогой
И душа полна любовью и тоской.

Въ необъятномъ небѣ, ярко озаренномъ,
Точно разбѣгаясь, таютъ облака...
Въ сердцѣ обновленномъ, въ сердцѣ умиленномъ
Таетъ, умираетъ тихая тоска...

Digitized by Google

Библиотека 4 рубля

Линочка.

Разсказъ **Гр. Евгеніи Гендриковой.**

Изъ наслажденій жизни—
Одной любви музыка уступаетъ,
Но и любовь—мелодія...

А. Пушкинъ („Каменный Гость").

I.

Юрій Андреевичъ былъ очень смущенъ.

— Лина, милая моя! Почему не можете вы отвѣтить мнѣ сейчасъ? Черезъ пять дней окончится мой отпускъ, я долженъ вернуться въ полкъ... Но не могу же я уѣхать, ничего не зная! Скажите же, Лина!

Онъ остановилъ аристонъ, положивъ свою сильную руку на кругъ съ нотами, и она невольно бросила играть. Какъ ему хотѣлось схватить ея маленькую бѣленькую ручку и прижать къ своимъ губамъ!

Лина сначала взглянула на него, а потомъ, быстро отвернувшись, тихо сказала:

— Я не могу теперь, не могу!.. Не спрашивайте, Юрій Андреевичъ!

Опять такой же отвѣтъ!

Вчера онъ весь день бродилъ по дому, точно въ полуснѣ, ожидая ея возвращенія. Онъ рѣшился добиться ея согласія.

Но она пріѣхала лишь поздно вечеромъ.

Неужели такъ весело было ей въ гостяхъ?

Какое-то смутное предчувствіе говорило Юрію Андреевичу, что Линочка нарочно вернулась такъ поздно, чтобы не слыхать признанія, которое всякій день за эти три недѣли готово было сорваться у него.

Утромъ она показала ему свой рисунокъ—прелестную грезовскую головку. Развѣ онъ виноватъ въ томъ, что находитъ Линочку красивѣе? Онъ такъ прямо и сказалъ ей это.

Она вся вспыхнула, не сказала ни слова и вскорѣ

Digitized by Google

уѣхала на весь день къ своей подругѣ. Конечно, она уѣхала—бѣжала отъ него. Но почему?

Линочка вовсе не кокетка. Она выросла почти на его глазахъ. Общій опекунъ-дядя заботился о нихъ.

Линочку рано отдали въ пансіонъ, но всѣ почти каникулы они проводили вмѣстѣ, и только послѣдніе два года не видались. За это время Линочка очень похорошѣла, выросла, развилась. Въ послѣдній разъ они видѣлись у тетки Юрія Андреевича, куда Лину отпустили на нѣсколько часовъ.

Онъ тогда только-что былъ произведенъ въ офицеры и показался Линѣ въ полной парадной формѣ, въ кирасѣ, въ каскѣ, которая такъ шла къ его красивому, смуглому лицу. Какая Лина была тогда веселая! Какъ искренно восхищалась его наряднымъ мундиромъ...

— Юрикъ, ты теперь настоящій красавецъ! кричала она, по-дѣтски хлопая въ ладоши и кружась по комнатѣ.

Тогда она и не думала звать его „Юрій Андреевичъ", говорить ему „вы"... Какъ два года измѣняютъ дѣвушку!

Въ ней и теперь сохранилось еще много дѣтскаго, шаловливаго, но съ нимъ она особенно сдержанна и холодна.

Три недѣли пронеслись, какъ одинъ день.

Какъ ни старался онъ выбрать удобную минуту, чтобы поговорить съ нею—все что-нибудь мѣшало.

Вчера онъ ждалъ ее у ея двери, и, когда она прошла мимо него, со свѣчой въ рукѣ, спокойно пожелавъ ему „спать хорошенько" — онъ не удержался и остановилъ ее.

— Лина, зачѣмъ вы меня избѣгаете? Вѣдь, вы же видите, что я люблю васъ... Поймите же, что вы мучаете меня... Лина, я васъ люблю, милая, я васъ люблю!...

Она смутилась, мучительно покраснѣла, и онъ началъ уже надѣяться, ждать чего-то, какъ вдругъ она тихо высвободила свою руку изъ его рукъ и сконфуженно шепнула:

— Не надо, Юрій Андреевичъ! Не надо... Я не могу!... Спокойной ночи!

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, она исчезла въ дверяхъ, и онъ остался въ темнотѣ.

„Спокойной ночи!" Какъ будто можно спать спокойно послѣ такого разговора!...

И сегодня весь день онъ ловилъ минуту, но все не удавалось остаться съ нею наединѣ. То завтракъ, то

Digitized by Google

гости, то обѣдъ. Наконецъ, дядя уѣхалъ на вокзалъ встрѣчать своего стараго друга Рановскаго.

И все-таки они не одни!

Линочка хлопотала цѣлый часъ въ комнатѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться знаменитый артистъ. Какъ будто безъ нея не могли тамъ все приготовить? У женщинъ, положительно,—страсть кого-нибудь устраивать, водворять на новомъ мѣстѣ, заботиться о всякой мелочи...

Юрій Андреевичъ видѣлъ, какъ онѣ съ Эмиліей Ивановной пронесли въ ту комнату цѣлую стопу нотной бумаги и бутылку съ чернилами. Неужели онѣ воображаютъ, что Рановскій въ эти три дня, что онъ здѣсь пробудетъ, напишетъ цѣлую оперу?

Едва онѣ нашли, что „все готово"—пришла маленькая племянница Эмиліи Ивановны, и Линочка, для удовольствія этой племянницы, вотъ уже около часа вертитъ безъ устали ручку аристона и даже не вглянетъ въ сторону Юрія Андреевича. Пока онѣ играли разные вальсы и польки, онъ сидѣлъ спокойно съ газетою въ рукахъ, но вотъ онѣ принялись уже за его полковой маршъ!...

Маня въ восторгѣ маршируетъ по комнатѣ, притопывая толстыми ножками, а Линочка подпѣваетъ въ тактъ маршу: „Лѣвой, правой! лѣвой, правой! разъ, два!"...

Нѣтъ, это уже черезчуръ!

Онъ подошелъ къ столу и совсѣмъ близко нагнулся надъ аристономъ. Золотистые, волнистые волосы Линочки почти касались его щеки. Она перестала считать, ручка инструмента завертѣлась порывисто, неровно, темпъ марша значительно ускорился, и Маня, потерявъ тактъ, остановилась среди комнаты, глупо улыбаясь. Можетъ быть, эта улыбка и не была глупа, но Юрій Андреевичъ почему-то за эти четверть часа совсѣмъ разлюбилъ Маню, которая казалась ему прежде необыкновенно милымъ и умненькимъ ребенкомъ. И опять, когда прекратилась эта безсмысленная музыка, и онъ возобновилъ вчерашній разговоръ, Лина чуть не со слезами въ голосѣ проговорила:

— Я не могу теперь, не могу... Не спрашивайте, не говорите мнѣ ничего!

— Но вѣдь долженъ же я знать! настаивалъ Юрій Андреевичъ и даже разсердился.

— Мнѣ это очень, очень тяжело!... Оставьте меня!

На ея красивыхъ черныхъ глазахъ блеснули слезы.

Digitized by Google

Онъ замѣтилъ эти слезы, сконфузился самъ и нѣжно, такъ нѣжно, какъ только могъ, сказалъ ей:

— Лина! что это все значитъ? Скажите мнѣ, скажите лучше прямо, что вы меня не любите, и я васъ оставлю...

— Это не то! грустно покачавъ головою, прошептала она, и хотѣла уйти. Онъ схватилъ ея руку.

— Не то?... Такъ что-же?

Онъ былъ совсѣмъ изумленъ и, страшно поблѣднѣвъ, отшатнулся отъ Лины, услыхавъ, какъ она робко и застѣнчиво отвѣтила:

— Я люблю не васъ... Пустите меня!...

Не его? Значитъ, кого-нибудь другого? Его Лина любитъ другого? Онъ такъ давно уже рѣшилъ, что она должна любить только его, его одного, быть его женою...

И вдругъ она полюбила другого!... Но кого-же? Кого она выбрала? Всего два мѣсяца, какъ она окончила курсъ въ пансіонѣ. Три недѣли онъ здѣсь и не спускалъ съ нея влюбленныхъ глазъ, видѣлъ всѣхъ ея знакомыхъ. Неужели онъ не почувствовалъ бы, не замѣтилъ бы, кто его соперникъ? Въ одну секунду онъ мысленно перебралъ всѣхъ, кто только могъ нравиться... Но нѣтъ! Она никого не отличала и со всѣми была одинаково непринужденно весела, любезна и равнодушна.

Но, можетъ быть, его здѣсь нѣтъ? Онъ остался въ Москвѣ? Она встрѣчалась съ нимъ на балахъ въ ихъ пансіонѣ? У тетки, быть-можетъ, встрѣчала его? Развѣ знаетъ онъ, что она дѣлала эти два года?!

— Лина! Моя милая Лина! Простите меня... Я васъ такъ безумно люблю... Не бойтесь, я не буду больше говорить объ этомъ... Только, Лина, вѣдь, я вамъ не чужой! Я вашъ лучшій другъ, почти братъ... Самый близкій человѣкъ послѣ дяди... Скажите мнѣ, умоляю васъ: кто онъ?... Я знаю, что не смѣю этого спрашивать, но мнѣ легче будетъ, увѣряю васъ, когда я узнаю все... Ради Бога, скажите мнѣ, не мучьте меня!

Юрій Андреевичъ очень волновался. Онъ взялъ опять ея руку и, нѣжно пожавъ, посмотрѣлъ въ глаза Линочки такъ умоляюще и съ такимъ глубокимъ, тревожнымъ чувствомъ... Она колебалась... Онъ все смотрѣлъ и ждалъ отвѣта.

Она опять покраснѣла и спросила тихонько:

— А вы не будете смѣяться? Никому не скажете?

Digitized by Google

— Клянусь вамъ! быстро сказалъ Юрій Андреевичъ, даже не задумываясь надъ странностью ея вопроса.

— Тогда я скажу... это, это... Рановскій.

Она застѣнчиво шепнула эти слова и опять хотѣла уйти.

— Рановскій? Гдѣ же вы встрѣтились?

— Какъ встрѣтились? мы нигдѣ не встрѣтились! снова отвѣтила Лина и, вдругъ рѣшивъ не уходить, отпустила Маню въ другую комнату, а сама сѣла на диванъ рядомъ съ Юріемъ Андреевичемъ.

Юрій Андреевичъ былъ сильно изумленъ, и, въ то же время, ея отвѣтъ, втайнѣ, нѣсколько успокоилъ его. Линочка же сдѣлалась разговорчивой и откровенной.

Тайна, которая мучила ее послѣднее время и заставляла сторониться, избѣгать Юрія, была высказана, наконецъ.

Теперь они снова будутъ друзьями. Вѣдь, въ сущности, Линочка очень любитъ своего троюроднаго брата, и ей такъ невыносимо больно удаляться отъ него. И она понимаетъ, что Юрій Андреевичъ любитъ ее, ее одну, конечно.. И вотъ теперь все сказано, онъ знаетъ, почему она не можетъ быть его невѣстой... Она любитъ другого...

— Какъ вы полюбили его, Лина? съ участіемъ спросилъ онъ, сдерживая легкую улыбку, невольно скользнувшую по его лицу.

— Какъ полюбила? Сама не знаю, какъ! весело воскликнула Линочка.—Это уже давно, года полтора... Я, вѣдь, давно его знаю. Помните? Еще до пансіона мы слыхали все о немъ. И дядя, и Эмилія Ивановна, а потомъ тамъ—вездѣ говорили о немъ...

— Еще бы! вѣдь, Эмилія Ивановна знала его еще мальчикомъ, потомъ молодымъ человѣкомъ... Быть-можетъ, она сама была къ нему неравнодушна? Все можетъ статься!...

— Вотъ видите! въ него нельзя не влюбиться! Въ пансіонѣ, въ музыкальной комнатѣ висѣлъ его портретъ, и мы съ Лелечкой Николаевой всегда повторяли уроки на томъ роялѣ, который былъ ближе къ нему.

— И Лелечка въ него влюблена?

— Да, пресерьезно отвѣтила Лина, не замѣчая шутливаго тона въ его вопросѣ,—и она влюблена. Мы дали другъ другу торжественную клятву въ вѣчной любви къ нему.

— Зачѣмъ же клясться, Линочка?...

— Такъ. Это у насъ такъ было принято. Она сначала любила другого.

Digitized by Google

— Тоже музыканта?

— Музыкантъ! Развѣ можно такъ называть великаго артиста! Онъ не музыкантъ, а артистъ, композиторъ, геній...

— О, неужели? Никакъ не предполагалъ этого!..

— Конечно, геній! Развѣ вы не знаете его сочиненій? Въ нихъ есть что-то положительно неземное?... Какіе звуки! Знаете ли вы, что я не могу хладнокровно ни слушать, ни играть его вещей?.. Въ нихъ что-то совсѣмъ волшебное!...

— Вамъ это такъ кажется, Лина! Вы себя электризуете собственной фантазіей, и потому вамъ всѣ его произведенія представляются въ какомъ-то необыкновенномъ свѣтѣ. Вы находите въ нихъ то, чего въ нихъ и не было, вѣроятно, никогда.

— Какъ можно! Вы ужасный скептикъ!..

— А вы неисправимая фантазерка! Я помню, какъ вы въ дѣтствѣ зачитывались волшебными сказками. Потомъ я самъ давалъ вамъ, потихоньку отъ дяди, романы... Что же это за любовь, въ самомъ дѣлѣ? Влюбиться въ человѣка, котораго вы никогда не видали... Вѣдь, это положительно въ родѣ прежняго институтскаго обожанія! Да и то уже вывелось теперь повсюду... Вы Рановскаго не знаете...

— Но я о немъ такъ много слышала! Онъ для меня не чужой: его характеръ, его судьба, его чувства даже— все это мнѣ извѣстно давно...

— Его чувства? Развѣ и онъ влюбленъ въ васъ? съ ужасомъ спросилъ Юрій Андреевичъ.

Она сконфузилась.

— О, нѣтъ! Онъ, вѣроятно, и не знаетъ, живу-ли я на свѣтѣ! Я говорю о его чувствахъ, вообще... о тѣхъ чувствахъ, которыя онъ высказываетъ въ своихъ произведеніяхъ.

— А!.. Во всякомъ случаѣ, эти чувства и разсказы о немъ — всего этого, по-моему, очень мало для „вѣчной любви“...

— Вы обѣщали не насмѣхаться... даже тоже поклялись... я только, поэтому только и была съ вами откровенна...

Онъ сейчасъ-же сдѣлался серьезенъ.

— Лина, сегодня вы его увидите... Это ужъ не будет мечта...

— Да, да! И я такъ волнуюсь... прошептала она... вдругъ въ одну секунду напомнила ему ту самую Ли...

Digitized by Google

которую онъ такъ давно зналъ и любилъ сначала братскою, а потомъ страстною любовью.

— Не смѣйтесь, милый Юрій! Право, мнѣ и самой странно, что я поддалась этому чувству, но... теперь уже поздно раздумывать объ этомъ... Все кончено, голубчикъ, я его люблю.

— Кто же внушилъ вамъ эту любовь? Неужели Эмилія Ивановна? И послалъ-же вамъ Богъ въ няньки,—я хотѣлъ сказать въ компаньонки,—старую дѣву, сентиментальную и влюбленную въ него!.. Она однако его знала, когда ему было 20 лѣтъ... И тотъ портретъ, о которомъ вы говорите, снятъ тоже лѣтъ десять тому назадъ...

— Пусть такъ! Но если-бы онъ не былъ геніаленъ, онъ не прославился бы никогда! А теперь его всѣ знаютъ. Весь міръ его уважаетъ! съ гордостью вскричала Линочка.

— Ахъ, лучше бы міръ его обожалъ, а вы только уважали! Нѣтъ, нѣтъ, я не смѣюсь... Мнѣ очень больно... увѣряю васъ. Но вы слышите, Лина, звонокъ?.. Они пріѣхали...

— Не можетъ быть!... Юрій, милый, куда мнѣ дѣваться? Я не могу, я не хочу его видѣть сейчасъ!..

И она заметалась по комнатѣ.

Юрій Андреевичъ зажегъ свѣчку, и, спокойно, повидимому, закуривъ, сталъ слѣдить за нею любопытными, смѣющимися глазами. Какъ она была мила въ своемъ полудѣтскомъ, полуженскомъ смущеньи!

— Куда мнѣ уйти? Куда мнѣ?.. умоляюще прошептала она, схвативъ Юрія Андреевича за руку и вся дрожа отъ волненія.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги дяди и гостя, голоса... Она совсѣмъ растерялась. Юрій Андреевичъ быстро задулъ свѣчу и тихонько толкнулъ ее къ двери, ведущей въ его комнату.—„Идите туда! Я обойду кругомъ... выпрыгните въ окно,—я буду внизу,“ быстро прошепталъ онъ и, прижавъ ея трепещущую ручку къ своимъ губамъ, закрылъ за нею дверь и пошелъ навстрѣчу гостю.

II.

Когда Юрій Андреевичъ заглянулъ въ окно, быстро пройдя черезъ садъ и стараясь какъ можно меньше гремѣть своими шпорами,—Линочки въ его комнатѣ уже не было. Онъ нагнулся, зажегъ спичку и замѣтилъ, что трава и цвѣты внизу сильно примяты. Значитъ, она выскочила сама изъ его комнаты, рискуя ушибиться...

Digitized by Google

Боже, какая нелѣпая выдумка—эта любовь къ таинственному незнакомцу!

Юрій Андреевичъ хотя улыбнулся, но въ душѣ его копошилось очень непріятное чувство.

Глупо завидовать—ревновать еще хуже... но вотъ, влюбилась же она въ этого артиста, даже не видавъ его ни разу въ жизни! Положимъ, это все ребячество, но оно воздвигло цѣлую стѣну между Линочкой и Юріемъ Андреевичемъ. Она называетъ это любовью; слѣдовательно, нельзя смотрѣть на это, какъ на шутку. Лина—мечтательница. У нея живая, восторженная натура... пожалуй, она способна на необыкновенныя выходки?.. Сначала клятва... потомъ признаніе... Нѣтъ, это вздоръ! На это она не способна, этого она не сдѣлаетъ! Не хватало бы, къ довершенію несчастія, чтобы Рановскій самъ влюбился въ нее... Во всякомъ случаѣ, все это и смѣшно, и грустно!

Юрій Андреевичъ вернулся въ столовую. Тамъ—Эмилія Ивановна съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ наливала чай, все спрашивая Рановскаго: „не мало-ли сахару?“

Дядя весело улыбался и острилъ насчетъ ихъ старой дружбы. Рановскій усердно ѣлъ и пилъ, предоставляя хозяевамъ ухаживать за собою.

Юрій Андреевичъ не сѣлъ на свое обычное мѣсто возлѣ Линочки, а помѣстился рядомъ съ гостемъ и сталъ разспрашивать его съ большимъ интересомъ о послѣднемъ путешествіи за границу.

Линочка была увѣрена, что Юрій Андреевичъ ни разу не взглянулъ на нее, и въ душѣ благодарила его за такую деликатность. Всякій, не посвященный въ ея молодую тайну, замѣтя необычайный румянецъ на ея всегда нѣжно-розовыхъ щекахъ, приписалъ бы и румянецъ, и блескъ ея глазъ понятному смущенью молоденькой дѣвушки, встрѣтившейся въ первый разъ въ жизни съ человѣкомъ, котораго въ ея семьѣ считали геніемъ.

Послѣ чая гость удалился къ себѣ, а Юрій Андреевичъ, равнодушно простившись съ Линой, ушелъ съ дядею въ кабинетъ.

О чемъ они говорили тамъ—никто въ домѣ не слыхалъ, но, когда Юрій Андреевичъ сталъ прощаться—дядя ласково обнялъ его, потрепалъ по плечу и съ своей неизмѣнной доброй улыбкой убѣжденно сказалъ:

— Все будетъ хорошо, мой милый! Успокойся, Лин

Digitized by Google

сумасбродка, но душа у нея чистая. Вѣрь мнѣ, я сужу безпристрастнѣе тебя,—она любитъ тебя, одного тебя. Эта любовь къ Рановскому—абсурдъ, остатки дѣтства... Только помни: раньше года я вамъ жениться не позволю—вы оба еще дѣти.

Дядя еще разъ ласково обнялъ Юрія Андреевича, и они разошлись по своимъ спальнямъ.

Пока они совѣщались, Линочка успѣла снять платье и сидѣла передъ своимъ письменнымъ столомъ въ ночной кофточкѣ. На столѣ было наставлено множество вещей, совсѣмъ не нужныхъ для письменныхъ занятій. На верхней его полочкѣ помѣщалась цѣлая галлерея портретовъ разныхъ знаменитостей, въ томъ числѣ и Рановскаго, снятаго возлѣ рояля. На этомъ изображеніи онъ отчасти былъ похожъ на Юрія Андреевича. Большой раскрашенный портретъ молодого офицера, снятаго въ полной парадной формѣ, стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Ихъ лица въ общихъ чертахъ напоминали другъ друга, хотя у Юрія Андреевича были черные блестящіе глаза, а у артиста—свѣтлые, мечтательные.

Линочка писала своей подругѣ, Лелечкѣ Николаевой:

„Милая, дорогая, безцѣнная Лелечка!

„Я такъ взволнована сегодня, что даже тебѣ, моему лучшему въ жизни другу, не знаю, какъ писать, съ чего начать!.. Леля!.. Онъ пріѣхалъ! Онъ здѣсь!! Я его видѣла!!! Говорила съ нимъ!!!!... Прежде всего—онъ очень похожъ еще на свой портретъ. Все: и его замѣчательно умный высокій лобъ, и римскій носъ, и красивый ротъ, слегка прикрытый бѣлокурыми прекрасными усами, — все, все, какъ двѣ капли воды похоже, а слѣдовательно, давно тебѣ знакомо. О глазахъ его я могла бы, конечно, написать тебѣ цѣлую поэму, но теперь скажу лишь, что они чудны, восхитительны, божественны!.. Глядя на нихъ—все забываешь, даже тотъ крохотный его недостатокъ, который всякаго другого мужчину страшно безобразитъ. Я говорю о волосахъ, Леля! У него очень, очень, очень большой лобъ... Росту онъ средняго, немного ниже Юрія и полнѣе. Руки бѣлыя съ коротко обрѣзанными (вѣроятно, для игры?) ногтями. Одѣтъ онъ, очень вѣроятно, хорошо и изящно, но ты знаешь, chère amie, что въ штатскомъ платьѣ я ничего не понимаю. Голосъ—симпатичный, бархатный. Однимъ словомъ, Леля—онъ прелесть!

Digitized by Google

„Юрій разспрашивалъ его о послѣдней поѣздкѣ за границу, и если бы ты слышала, съ какою скромностью говорилъ нашъ геній о своихъ успѣхахъ! Я такъ благодарна Юрію, что онъ говорилъ и спрашивалъ—я многое узнала. Вѣдь, братъ мой очень уменъ и хотя молодъ, но много путешествовалъ и многое знаетъ... Не скрою отъ тебя, мой вѣрный другъ, что я боялась встрѣчи Юрія съ Р. Ты знаешь, что Юрій красавецъ, богатъ, образованъ и могъ бы составить себѣ прекрасную партію въ петербургскомъ свѣтѣ, но... онъ влюбленъ въ меня. Онъ объяснился, и можешь себѣ представить, какъ мнѣ было это тяжело. Я отклоняла его признаніе до послѣдней возможности, думая, что мой отказъ просто убьетъ его. Къ счастью, онъ перенесъ его довольно легко. (Вотъ мужчины!) Если бы я была такою кокеткою, какъ Соня Туманская, я бы очень гордилась его предложеніемъ. Помнишь, какъ у насъ восхищались Юріемъ, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ на пріемы въ пансіонъ?

„Но теперь, когда мое сердце принадлежитъ *навѣки* другому—я не должна слушать слова любви. Надѣюсь, что ты исполняешь нашу клятву и не слушаешь ничьихъ признаній? По-моему, самое важное — не слушать, когда тебѣ объясняются въ любви. У Юрія замѣчательно пріятный голосъ, и притомъ онъ вкладываетъ въ каждое слово столько чувства!.. И голосъ, и глаза—все въ эти минуты въ немъ сильно измѣняется. Ты помнишь:

Есть рѣчи значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно...

„Дядя просилъ меня быть съ гостемъ полюбезнѣе, но я такъ боюсь себя выдать. Что-то будетъ завтра? Сегодня онъ казался утомленнымъ съ дороги. Воображаю, какъ ты мнѣ завидуешь теперь. Завтра я навѣрно услышу его игру. Подумай только, Леля, какая я счастливица! Я даже не вѣрю, что все это не грёзы, что онъ здѣсь, у насъ и спитъ теперь, какъ самый обыкновенный смертный. Даже смѣшно право! Но уже очень поздно. Пора и мнѣ ложиться. Цѣлую тебя 1000000000000000 разъ.

Твоя вѣрная тебѣ до гроба Лина.“

„P.S. Юрій уѣзжаетъ 25-го. Опять мы осиротѣемъ безъ него. Ахъ, какой онъ смѣшной! Я ему сказала про свою

Digitized by Google

лятву, и онъ прислалъ мнѣ сію минуту книгу, гдѣ подеркнуто краснымъ карандашемъ. „Она пошла къ священику, и онъ разрѣшилъ ей нарушить данную ею клятву вести.“ — Какъ будто я захочу нарушить клятву любви ъ Р. Это немыслимо, и этого никогда не будетъ!“

Линочка запечатала письмо, но все еще не ложится.

Она машинально поправляетъ стоящія на полочкѣ карочки, и, если бы въ эту секунду она могла взглянуть на ебя въ зеркало, — оно показало бы ей прехорошенькое ное личико съ темными живыми глазами, останавливаюимися чаще всего на портретѣ троюроднаго брата. Положимъ, что это еще ничего не доказываетъ — портретъ ень красивъ, и нарядная форма невольно привлекаетъ иманіе, но зачѣмъ же въ глазахъ Линочки проскальзыетъ такая нѣжность, съ которою она смотритъ, но сеѣмъ не на того, кому она поклялась въ „вѣчной любви“?

„Юрій уѣдетъ черезъ пять дней“, думаетъ Линочка, Боже мой, какъ бы я его любила, если бы мое сердце ыло свободно!“—Она глубоко вздохнула и, поставивъ на ѣсто его карточку, легла спать.

III.

Рановскій всталъ поздно. На новомъ мѣстѣ нервные оди почти всегда плохо спятъ. Онъ одѣлся и вышелъ ъ столовую. Кромѣ Линочки и Эмиліи Ивановны тамъ ікого не было. Онъ попробовалъ завязать разговоръ съ олодою хозяйкою, но Лина лишь смущенно улыбалась и оворила: „да“—„нѣтъ.“

Рановскій рѣшилъ, что она красива въ ущербъ уму.

Юрій Андреевичъ пилъ чай у себя въ комнатѣ и уѣхалъ, азавъ, что вернется лишь къ обѣду. Объ этомъ сообщила дѣ Эмилія Ивановна, когда дядя спросилъ Лину: гдѣ рій?

При дядѣ всѣмъ стало веселѣе. Эмилія Ивановна не дыхала глубокими „трехъ-этажными“, какъ говорилъ рій, вздохами, а Линочка меньше конфузилась, молча ушая разговоръ дяди съ Рановскимъ. Въ концѣ завтрака гистъ объявилъ, что задумалъ новую оперу написать. ночка встрепенулась, и онъ это замѣтилъ.

— Барышня вѣрно любитъ музыку? спросилъ онъ ее.

— Да, очень.

Digitized by Google

— Она сама мило играетъ, сказалъ дядя. — Заставь-к ее послѣ завтрака...

Рановскій промолчалъ. Онъ не любилъ игры дил тантовъ, а дилетантокъ еще болѣе. Кончилось тѣмъ, чт Лина такъ и не играла въ тотъ день. А между тѣм едва она узнала, что Рановскій пріѣдетъ погостить — он выучила двѣ пьесы его сочиненія, думая доставить этим вниманіемъ большое удовольствіе композитору.

До обѣда всѣ опять разошлись по своимъ комнатамъ, дядя не разлучался съ Рановскимъ. Наконецъ, сѣли и об дать, но Юрій Андреевичъ не возвращался. За обѣдом Рановскій говорилъ много о музыкѣ, о своихъ концертах и говорилъ съ увлеченіемъ. По правдѣ сказать, его ли всего болѣе оживлялось, когда рѣчь заходила объ е спеціальности. Въ общемъ онъ казался усталымъ и нер нымъ человѣкомъ. Что сказалъ бы Юрій, если бы увидѣл его блѣдное лицо? Вѣроятно, опять началъ бы уговарива Лину не любить артиста!

Но что же дѣлать? Она его любитъ и должна любить вѣчн

Юрій вернулся поздно вечеромъ и зашелъ проститьс съ Линой. Она сидѣла съ книгою въ рукахъ.

— Лина, я нарочно прислалъ вамъ эту книгу... Вы ул баетесь? Я не думалъ о *себѣ*, но мнѣ пришло въ голов что вамъ можетъ понравиться кто-нибудь другой... Я н могу не заботиться о васъ... Не думайте много оваше клятвѣ. Спокойной ночи! Онъ взялъ протянутую е ручку, и, еле дотронувшись до нея, вышелъ изъ комнат

Понравится другой! Какая злая шутка! У нея не т кой характеръ, чтобы, разъ отдавъ свое сердце человѣк котораго она такъ давно любитъ,—она захотѣла бы изм нить ему. Да и можно ли его не любить? А его талант Его слава?.. Развѣ этого мало?—Но сегодня она не стал писать Лелѣ Николаевой и уснула словно чѣмъ-то и кѣмъ-то обиженная.

Совсѣмъ не такъ мечтала она провести этотъ день.

Послѣзавтра Рановскій уѣдетъ... Увы! она еще не сл хала его игры. Теперь онъ ей очень нравится, конечн но когда она услышитъ его игру—самъ Юрій не буде больше сомнѣваться въ томъ, что она любитъ и вѣч будетъ любить Рановскаго. Она рѣшила завтра во что б то ни стало услыхать его игру. Сегодня весь день пр шелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ.

Digitized by Google

IV.

Какой странный характеръ у Юрія Андреевича! Осталось всего нѣсколько дней провести въ домѣ, гдѣ живетъ дѣвушка, которой онъ объяснился въ любви, — а онъ съ утра уѣзжаетъ куда-то и возвращается лишь поздно вечеромъ. Это даже невѣжливо, и Рановскій можетъ обидѣться. Дядя не разлучается съ гостемъ ни на минуту. Здороваясь утромъ съ Линой, онъ спросилъ ее: „что ты такъ блѣдна? Или плохо спала?"

Лина нашла, что и композиторъ словно измѣнился. Онъ казался гораздо нервнѣе и былъ капризенъ.—„Не могу я пить такой крѣпкій чай!" сказалъ онъ Эмиліи Ивановнѣ, и бѣдная Эмилія Ивановна совсѣмъ сконфуженно стала прибавлять въ его чай кипятку. Она вздохнула глубже обыкновеннаго и потомъ сказала Линѣ, что прежде онъ всегда любилъ крѣпкій чай. „Ахъ, онъ былъ такимъ милымъ, милымъ мальчикомъ!" прибавила она, начиная въ тысячный разъ разсказывать Линѣ о своемъ знаменитомъ другѣ.

Линочка рѣшилась геройски переносить всѣ „маленькія неудобства" его характера,—лишь-бы только онъ сыгралъ сегодня что-нибудь.

Но къ вечеру ея личико осунулось и поблѣднѣло еще больше.

Куда пропалъ Юрій?

Можетъ быть, онъ лучше ихъ сумѣлъ бы развлечь Рановскаго? Очевидно, знаменитый артистъ скучаетъ и нервничаетъ.

То стулъ неудобенъ, то изъ двери дуетъ, то лампа пахнетъ керосиномъ... Дядя все добродушно улыбается, успокаиваетъ его и шутливо говоритъ:

— Великіе люди бываютъ иногда несносны...

Линочкѣ кажется, что дядя сказалъ это, глядя въ ея сторону. Впрочемъ, она сама сегодня не въ духѣ, хотя все время старается увѣрить себя, что все хорошо, она счастлива, очень счастлива и любитъ Рановскаго.

День тянулся невыносимо долго.

Погода испортилась, и Линочка рѣшила оставить въ комнатѣ артиста вчерашній букетъ изъ розъ, которыя она нарвала въ своемъ цвѣтникѣ для него. Надо будетъ завтра

Digitized by Google

забрать эти розы, пока ихъ не выбросятъ, и высушить. Одну можно послать Лелѣ. То-то она обрадуется, узнавъ что эти цвѣты стояли въ его комнатѣ, и онъ ихъ нюхалъ, быть-можетъ!..

Линочка еще и сегодня не писала своей подругѣ, рѣшивъ подождать его игры. Но просить его играть никто не рѣшался. — „Я играю лишь по вдохновенію, а не по заказу,“ объявилъ онъ въ первый же день пріѣзда, и, конечно, послѣ такого предисловія трудно просить!

Наконецъ, оно пришло, это капризное вдохновеніе! Не даромъ онъ нервничалъ цѣлый день... Для артистовъ часы не существуютъ... Добрые люди спать хотятъ, а поэты и композиторы работать начинаютъ въ это время. Вѣроятно, вдохновеніе очень стыдливое чувство и боится свѣта.

Рановскій задулъ свѣчи, которыя Линочка сама, своими, дрожавшими отъ лихорадки ожиданія, руками принесла на рояль. Весь домъ умолкъ. Дядя взялъ карты и сидѣлъ рядомъ въ столовой, раскладывая пасьянсъ. Эмилія Ивановна хотѣла было проникнуть въ залъ, но Рановскій рѣзко сказалъ: „Пусть одна барышня здѣсь останется“—и Эмилія Ивановна, вздохнувъ, по обыкновенію, присоединилась къ дядѣ. Лампа изъ столовой слабо освѣщала клавиши рояля. Линочка, едва дыша, съ сильно бьющимся сердцемъ, сѣла на низенькую скамеечку для ногъ вблизи инструмента и вся обратилась въ слухъ.

— Тс! не шуми! сказалъ шопотомъ дядя входившему въ столовую Юрію Андреевичу. Юрій закусилъ губы, и, стараясь не звенѣть, тихо сѣлъ на ближайшій къ залѣ стулъ.

Когда раздались громкіе аккорды, онъ незамѣтно вошелъ въ залъ и сѣлъ на стулъ сзади Линочки. Она ничего не видала и не слыхала, кромѣ Рановскаго.

Артистъ началъ играть, какъ будто нехотя, но потомъ воодушевился, и черезъ нѣсколько минутъ изъ-подъ его пальцевъ полились, дѣйствительно, чарующіе, дивные звуки.

Онъ игралъ знакомую Линочкѣ вещь, но какъ игралъ! Ничего подобнаго она никогда не слыхала.

Пьеса кончилась. Рановскій провелъ рукою по своему лбу, по своему очень большому лбу, и вдругъ сказалъ глухимъ какимъ-то голосомъ:

— Я буду играть мою новую оперу... Она еще не вся создалась... Только отрывки... Эпоха—Крестовые походы. Вы знаете, конечно, что это такое?

Digitized by Google

Линочка тоже видитъ этого рыцаря. Его фигура такъ ей знакома! Гдѣ она видѣла его? откуда это?... шлемъ, латы... Темные, блестящіе глаза...

—...И вотъ она уже на мосту, бѣжитъ впередъ. Онъ останавливаетъ коня, поднимаетъ забрало...

О, теперь сомнѣнья нѣтъ! „Онъ“ поднялъ забрало, и Линочка ясно видитъ все лицо рыцаря... Это—Юрій Андреевичъ, на немъ парадный мундиръ, кираса и каска... И онъ герой! Линочкѣ это очень пріятно... Онъ вернулся послѣ крестоваго похода... Ей кажется, что это она сама бѣжитъ по подъемному мосту и встрѣчаетъ его. Онъ поднялъ забрало, и его глаза смотрятъ на нее съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ онъ говорилъ ей „люблю“, а она... она боялась въ нихъ смотрѣть...

Она чувствуетъ, что сердце ея сильно-сильно бьется при одной только мысли, что это онъ, Юрій, милый Юрій, который ее любитъ... Милый!...

—...И вотъ, когда они вступаютъ во дворъ—ему подаютъ кубокъ съ ядомъ, и онъ падаетъ мертвый къ ея ногамъ...

— О, нѣтъ! не надо! вдругъ громко вскричала Линочка словно въ забытьи и открывъ глаза увидѣла наклонившееся надъ нею лицо живого, настоящаго Юрія Андреевича. Она сама потомъ не помнила, какъ это случилось, но ея руки вдругъ обхватили его шею, и она неудержимо разрыдалась, не отталкивая однако его лица отъ своего и не отворачиваясь отъ поцѣлуевъ, которыми онъ осыпалъ ея горящія щеки...

На другой день Рановскій уѣхалъ. А черезъ годъ Линочка вѣнчалась въ Петербургѣ съ Юріемъ Андреевичемъ.

Digitized by Google

* * *

(Посвящ. В. И. Д.).

Блѣднѣютъ полночныя тѣни,
Я въ комнату тихо вошелъ...
Букетъ изъ лиловой сирени
Поставилъ мнѣ кто-то на столъ.

Вокругъ все полно ароматомъ
Весеннихъ, душистыхъ цвѣтовъ,—
И въ сердцѣ, волненьемъ объятомъ,
Слагается пѣсня безъ словъ.

И этою пѣснею дивной
Душа молодая полна,
И слышится голосъ призывный,
И манитъ меня изъ окна...

Я знаю, ты спишь, дорогая,
Но слышится все-таки мнѣ,
Какъ, имя мое называя,
Уста твои шепчутъ во снѣ...

А завтра, я знаю, сурово
Ты будешь себя упрекать,—
И къ вечеру влюбишься снова,
И утромъ разлюбишь опять!..

Конст. Льдовъ.

Digitized by Google

1го Финлянд. Стрѣлк. полка. Библіотека 4 роты.

Голубой кусочекъ.

Джипъ (Gyp). Переводъ съ французскаго.

I.

Въ большой монастырской залѣ, такъ называемой квадратной, стоялъ невообразимый шумъ и гамъ. Сотня дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ восьми до пятнадцати лѣтъ, подъ присмотромъ монахини, мѣрно расхаживавшей вдоль по залѣ, пѣла и кричала какую-то монотонную дѣтскую пѣсню. Все убранство залы, выкрашенной свѣтло-зеленой клеевой краской, состояло изъ длинныхъ рядовъ пюпитровъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ. Рѣзкіе, нестройные голоса, топотъ двухъ сотенъ маленькихъ ногъ, обутыхъ въ толстые башмаки, столбъ пыли, поднятый непрерывной толкотней, спертый воздухъ, насыщенный ѣдкимъ, тяжелымъ запахомъ, все это дѣлало залу очень непривлекательной.

По мѣрѣ того какъ рекреаціонное время подходило къ концу, шумъ увеличивался. Пѣніе перешло уже въ вой.

Вошла еще одна монахиня, въ сопровожденіи дѣвочки лѣтъ двѣнадцати, остановившейся съ удивленіемъ у порога и съ любопытствомъ оглядывавшей шумную толпу.

— Дѣти, проговорила монахиня рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ, который ясно слышался сквозь шумъ въ залѣ;— дѣти, потише, пожалуйста!.. на одну минуту!..

Въ одно мгновеніе пѣніе смолкло. Монахиня взяла приведенную ею дѣвочку за руку и сказала, обращаясь къ остальнымъ воспитанницамъ:

— Вотъ вамъ новая подруга, Антуанета де-Шампрё. Я надѣюсь, что она скоро освоится здѣсь съ вами.

И втолкнувъ дѣвочку въ живую волну дѣтскихъ головъ, монахиня подозвала надзирательницу и стала говорить съ нею вполголоса.

Digitized by Google

„Новенькую“ тотчасъ же обступили, дергая ее во всѣ стороны и закидывая всевозможными вопросами.

— Мы сейчасъ все объяснимъ вамъ.

— Идите сюда!..

— Оставь ее въ покоѣ, Люси Лефевръ; ты совсѣмъ запугаешь ее!..

Но „новенькая“ вовсе не казалась запуганной. Это была маленькая, плотная дѣвочка, въ короткомъ коричневомъ платьицѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись крѣпкія, плотныя ноги. Она остановилась у дверей залы, равнодушно и спокойно слѣдя за произведеннымъ ея появленіемъ эффектомъ. Оживленное, свѣжее личико новенькой не отличалось красотой; длинный носъ какъ-то странно и некрасиво выдавался на черезчуръ удлиненномъ овалѣ лица; большой ротъ, съ красными, влажными губами, казался еще больше отъ широкой, доброй улыбки; зеленоватые, съ крапинками, близорукіе глаза, полуприкрытые толстыми вѣками, лѣниво щурились изъ-подъ спутанныхъ прядей свѣтло-бѣлокурыхъ волосъ; глубокая поперечная морщина перерѣзывала лобъ,—широкій и низкій,—придавая твердое, почти жесткое, выраженіе верхней части лица, совершенно противорѣчащее дѣтски-простодушному выраженію губъ. Смуглая, прозрачная кожа дѣвочки могла бы быть красивой при темныхъ волосахъ, но при свѣтлыхъ, почти бѣлыхъ, казалась слишкомъ черной; уши были маленькія, розовыя, съ красиво загнутыми краями. Ея черезчуръ длинныя руки, и вся нескладная фигура ясно обличала неблагодарный, переходный возрастъ.

Вопросы продолжали сыпаться со всѣхъ сторонъ:

— Въ какой классъ вы поступите?

— Не знаю еще...

— Сколько вамъ лѣтъ?..

— Тринадцать...

— Значитъ, васъ будутъ экзаменовать въ четвертый классъ...

— Въ какомъ пансіонѣ вы учились?

— Я вовсе не была въ пансіонѣ...

— Значитъ, вы учились дома?.. Вамъ будетъ скучно безъ вашей мамы...

— У меня нѣтъ матери...

— А отецъ?..

— Онъ тоже умеръ...

Digitized by Google

— Такъ у кого же вы жили?..

— У дяди и тетки, отвѣчала дѣвочка и, желая положить конецъ разспросамъ, которые начинали надоѣдать ей, прибавила:—Однако я не хочу мѣшать вамъ играть.

Посыпались горячіе протесты.

— Пустяки, мы еще успѣемъ наиграться!.. слава Богу, что насъ оставляютъ въ покоѣ; надо этимъ пользоваться!.. Никто не обращаетъ на насъ вниманія!.. M-me Лазаресъ разговариваетъ съ M-me де-Преморель!..

— Которая M-me де-Преморель? спросила Антуанета, взглянувъ на обѣихъ монахинь.

— Которая поменьше... а что?..

— Такъ... Я знаю ея брата; онъ бываетъ у насъ въ домѣ...

Слова эти чрезвычайно заинтересовали воспитанницъ.

— Какъ, у нея есть братъ?.. Какой же онъ?..

— Немолодой... некрасивый... похожъ на нее... отвѣчала Антуанета.

Раздался взрывъ смѣха.

— Смотрите, чтобы она не услышала!.. она зла, какъ вѣдьма!.. А она, вѣдь, рекреаціонная надзирательница нашего отдѣленія!..

— А та, другая, которая привела меня сюда?..

— Это M-me Лазаресъ—инспектриса.

— Она тоже злая?..

— Да, конечно!.. А вы не знаете, въ какомъ вы будете дортуарѣ, въ большомъ или маленькомъ?

— Я вовсе не буду оставаться здѣсь на ночь; я, вѣдь, полупансіонерка и буду ходить домой въ семь часовъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! воскликнула маленькая, хорошенькая дѣвочка, розовая и завитая барашкомъ,—вы увидите, какъ весело ѣхать въ дилижансѣ!..

Въ эту минуту вошла высокая, шестнадцатилѣтняя воспитанница, съ папкой нотъ подъ мышкой; Антуанета радостно бросилась къ ней навстрѣчу.

— А! Клодина!..

— А, это ты! Здравствуй, Туанонъ!.. такъ и тебя засадили сюда, мой бѣдный мальчуганъ!.. Тебѣ здѣсь не понравится,—предупреждаю тебя.

— А ты, развѣ уже уходишь, Клодина, спросила Антуанета разочарованно, видя, что молодая дѣвушка направляется къ двери.

Digitized by Google

— Да!.. Я здѣсь только мимоходомъ. У меня урокъ музыки. Вѣдь, я въ старшемъ отдѣленіи, Туанонъ!.. Я уже старуха.

Въ это время раздался звонокъ. Въ одно мгновеніе все стихло, и наступила мертвая тишина, обдавшая холодомъ Антуанету. Двѣ изъ старшихъ ученицъ вышли изъ залы и возвратились, неся длинныя скамейки. Онѣ составили ихъ покоемъ, достали изъ корзинокъ мѣшечки, помѣченные нумеромъ каждой изъ воспитанницъ, и разложили эти мѣшечки по скамейкамъ. Дѣвочки встали на свои мѣста.

Еще новая монахиня, съ блѣднымъ, задумчивымъ лицомъ, подошла въ это время къ M-me де-Преморель и, сказавъ ей нѣсколько словъ, сѣла къ небольшому столу, посреди квадрата, образуемаго скамейками. По сдѣланному ею знаку, всѣ воспитанницы встали на колѣни и прочитали вслухъ незнакомую Антуанетѣ молитву. По вторичному сигналу монахини, онѣ поднялись всѣ разомъ, сѣли на свои мѣста и развернули работу. Тогда Антуанета, оставшись незамѣченной за спиной монахини, громко спросила:

— А мнѣ гдѣ сѣсть?..

Голосъ ея, неожиданно раздавшійся среди мертвой тишины залы, произвелъ величайшій переполохъ. Ошеломленныя дѣвочки переглядывались между собой, а наиболѣе смѣлыя заговорили вполголоса:

— Тише!.. тише!.. развѣ можно?..

Антуанета съ удивленіемъ обвела всѣхъ глазами, не понимая, въ чемъ она провинилась. Монахиня устремила на нее свои большіе, грустные глаза.

Бланшъ де-Прео, одна изъ бойкихъ дѣвочекъ, поднялась съ мѣста и сочла нужнымъ отрапортовать:

— Это новенькая, M-me Беатриса... Она еще ничего не знаетъ...

— Я это вижу безъ васъ... садитесь! сказала M-me Беатриса и, обратившись къ Антуанетѣ, добавила:

— Подойдите сюда, дитя мое!.. Вы полупансіонерка?

Антуанета отвѣтила и, желая быть вѣжливой, назвала M-me Беатрису „сестрой“.

Произошло необычайное волненіе. Сдержанный смѣхъ пробѣжалъ по скамейкамъ. Воспитанницы толкали другъ друга локтемъ и шептали:

Digitized by Google

— *Сестра!..* Она называетъ M-me Беатрису *сестрой!..* Откуда она?

Антуанета услышала и покраснѣла до корней волосъ.

— Я вижу, что сдѣлала глупость, сказала она, обращаясь къ монахинѣ, которая внимательно смотрѣла на нее;—но я не знаю, ка́къ называть васъ?.. Всѣмъ монахинямъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, говорили или „сестра“ или „матушка“...

M-me Беатриса улыбнулась.

— Насъ здѣсь называютъ *madame*. Меня зовутъ M-me Беатриса; я ваша учительница рукодѣлія... А васъ какъ зовутъ?

— Антуанетой; но называютъ, обыкновенно, Туанонъ...

— Антуанета? а дальше какъ?

— Антуанета де-Шампрё.

— Какое прекрасное имя!.. Вы родственница тому, знаменитому Шампрё?

— Да, madame...

— Какъ же вы ему доводитесь? вы не знаете?

— Шампрё былъ дѣдомъ моего отца...

— Вотъ какъ!.. Такъ надо хорошо учиться, хорошо вести себя, чтобы быть достойной такого прадѣда... Вы любите учиться?

— О, нѣтъ! съ жаромъ отвѣчала дѣвочка.

M-me Беатриса снова улыбнулась.

— Ну, а шить вы умѣете? спросила она.

— Да, немножко.

— Вы сумѣете сшить вотъ этотъ дѣтскій чепчикъ, для бѣдныхъ?

— Я думаю...

— Такъ садитесь... погодите... гдѣ бы вамъ сѣсть?.. Вотъ здѣсь, между Люси Лефевръ и Луизой де-Монвель.

Антуанета сѣла на указанное мѣсто и оглядѣла своихъ сосѣдокъ.

Люси Лефевръ была дѣвочка лѣтъ пятнадцати, съ довольно правильными чертами лица, прямымъ носомъ и высокимъ узкимъ лбомъ, которому, казалось, не было конца; у нея были тонкія и блѣдныя, но хорошо очерченныя губы, сжатыя, неподвижныя ноздри, очень длинная шея и изящныя руки. Луиза де-Монвель была, напротивъ, живая, подвижная толстушка, со вздернутымъ носомъ и самоувѣреннымъ выраженіемъ лица. Обѣ онѣ были полупансіонерки, какъ и Антуанета.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько времени Люси откинулась немного назадъ, прячась за новенькую, и глухимъ, сдавленнымъ голосомъ, не шевеля губами, проговорила:

— Чѣмъ же такъ прославился вашъ прадѣдъ?..

Антуанета взглянула на нее съ удивленіемъ, не отвѣчая ни слова.

Думая, что она не разслышала вопроса, Люси повторила еще разъ:

— Ну да, знаменитый Шампрё, какъ выразилась madame... что онъ сдѣлалъ такого необыкновеннаго?

— Вы это узнаете изъ исторіи, отвѣчала Антуанета вслухъ, нисколько не понижая голоса.

На этотъ разъ эффектъ получился полный. Люси Лефевръ сдѣлала удивленное лицо и самымъ невиннымъ голосомъ проговорила:

— Господи, что это такое?

— Дитя мое, кротко замѣтила M-me Беатриса,—разговаривать—запрещено! И, увидѣвъ непритворное удивленіе Антуанеты, прибавила:

— Люси первая заговорила съ вами?.. Что она вамъ сказала?

— Она меня... Ничего, *madame;* она ничего не говорила... добавила дѣвочка, чувствуя, что ее дергаютъ сзади за платье.

Лицо M-me Беатрисы приняло строгое выраженіе.

— Никогда не надо лгать! сказала она, — даже для того, чтобы выгородить подругу... Отвѣчайте.

— Она спросила меня, чѣмъ прославился Шампрё, а я отвѣтила, что она узнаетъ это изъ исторіи—вотъ и все!..

— Дитя мое, разговаривать дозволяется только въ рекреаціонное время... Замѣтьте себѣ это. Если вы заговорите еще разъ, вы будете наказаны.

Минуту спустя, Луиза де-Монвель нагнулась, въ свою очередь, дѣлая видъ, что поднимаетъ съ полу ножницы, и прошептала, обращаясь къ Антуанетѣ:

— У васъ прадѣдъ—историческое лицо, а у меня отецъ—префектъ!..

— Ага! пробормотала дѣвочка изъ вѣжливости, хотя это, въ сущности, весьма мало интересовало ее.

Тогда Люси тоже уронила что-то и, нагнувшись къ Антуанетѣ, проговорила ей на ухо:

— А мой отецъ—главный нотаріусъ въ Трувилѣ!

Digitized by Google

Но тутъ снова раздался голосъ М-me Беатрисы:

— Луиза де-Монвель, Люси Лефевръ и Антуанета де-Шампрё, я запишу васъ, всѣхъ трехъ, за непослушаніе.

И, взявъ со стола небольшую тетрадь, въ черномъ шерстяномъ чехлѣ, она стала писать что-то карандашомъ.

Антуанета неожиданно вскочила съ мѣста.

— Я не знаю, что̀ вы пишете, воскликнула она,—но, во всякомъ случаѣ, это несправедливо!.. Я вовсе не разговаривала; ко мнѣ обращались все время съ вопросами; и мнѣ это, наконецъ, наскучило!..

М-me Беатриса съ негодованіемъ поднялась со стула и показала на дверь:

— М-lle де-Шампрё, ступайте вонъ!.. проговорила она.

Воспитанницы растерянно смотрѣли на новенькую; никогда еще у нихъ не случалось ничего подобнаго.

Антуанета вышла, не говоря ни слова. Очутившись за дверьми, она вздохнула полной грудью... Уфъ!.. Какъ хорошо уйти оттуда!.. Тамъ можно задохнуться!.. Да, но что изъ всего этого выйдетъ?.. Начало плохое. Но въ чемъ же она, однако, провинилась? За что ее выгнали? Право, вся исторія не стоитъ выѣденнаго яйца!.. Куда же ей идти теперь? Дилижансъ отходитъ вечеромъ, а теперь только три часа!..

Осмотрѣвшись вокругъ, дѣвочка увидѣла, что находится въ большихъ сѣняхъ съ колоннами. Къ сѣнямъ этимъ примыкали четыре длинные коридора съ готическими окнами. Съ одной стороны виднѣлась тяжелая дубовая дверь съ массивной рѣзьбой, а на противоположной стѣнѣ широкое окно выходило въ садъ. Антуанета прижалась лбомъ къ стеклу, въ которое хлесталъ дождь, увидѣла зеленыя лужайки и высокія деревья парка и, не колеблясь долѣе, выскочила въ садъ. Она принялась бѣгать тамъ противъ вѣтра, съ жадностью вдыхая свѣжій воздухъ; прыгала по лужамъ, съ наслажденіемъ подставляла лицо подъ ливень, любовалась небомъ и деревьями, радуясь, что вырвалась изъ большой, душной залы, изъ общества этихъ дѣвочекъ, такъ непохожихъ на нее. Но при мысли о томъ, что завтра, а, можетъ быть, сегодня же вечеромъ ей придется занять прежнее мѣсто между этой „длинной жердью“ — дочерью нотаріуса и „самоувѣренной толстой кубышкой“, у которой „папаша-префектъ“, ею овладѣлъ без-

Digitized by Google

умный, безотчетный страхъ и непреодолимая жажда свободы. „Нѣтъ, я лучше уйду!..“ рѣшила она.

Антуанета старалась дать себѣ отчетъ, гдѣ она, съ какой стороны находится отъ нея Луара. Монастырь Св. Игнатія, передѣланный изъ стариннаго, заброшеннаго аббатства, успѣлъ пріобрѣсти себѣ богатство и славу. Расположенный въ одной мили отъ Трувиля, окруженный великолѣпнымъ паркомъ и принадлежащими ему угодьями, онъ составлялъ предметъ высшаго почитанія для мѣстнаго буржуазнаго общества. Для каждой хорошо воспитанной дѣвушки необходимо было пройти чрезъ руки монахинь Св. Игнатія.

Во время прогулокъ пѣшкомъ, или верхомъ, въ сопровожденіи стараго кучера Жермена, Антуанетѣ нерѣдко приходилось бывать вблизи монастыря. Она всегда любовалась обширными зелеными лужайками, спускавшимися къ самой Луарѣ, и думала, какъ пріятно было-бы побѣгать по этимъ бархатнымъ зеленымъ коврамъ. Когда дядя, со всевозможными оговорками, объявилъ Антуанетѣ, что ее хотятъ отдать въ монастырь, она очень обрадовалась, думая, что ей будетъ весело съ новыми подругами. Дѣло въ томъ, что ей часто приходилось оставаться одной, а ей такъ хотѣлось поиграть! Она любила игры до сумасшествія, до безумія. Неутомимая, крѣпкая, здоровая, привычная съ ранняго дѣтства ко всякимъ тѣлеснымъ упражненіямъ, она готова была бѣгать, плавать, ѣздить верхомъ, дѣлать гимнастику или заниматься фехтованіемъ двадцать четыре часа въ сутки, не ощущая ни голода, ни усталости.

И вотъ, наконецъ, она въ этомъ монастырѣ, который такъ привлекалъ ее!... Но какое разочарованіе!... Клодина была права, говоря, что ей здѣсь не понравится!... Во всякомъ случаѣ, надо прежде всего бѣжать; а тамъ она уже придумаетъ, какъ умилостивить дядю и тетку...

Удостовѣрившись въ томъ, что Луара направо, Антуанета, пригнувъ голову, пустилась бѣжать въ этомъ направленіи. Дождь все усиливался. Вдругъ, на поворотѣ дорожки, она столкнулась носомъ къ носу съ монахиней, которая шла къ ней навстрѣчу, стараясь укрыться отъ дождя подъ красивымъ бумажнымъ зонтикомъ и съ трудомъ передвигая ноги; ея деревянные башмаки такъ и вязли въ размокшей землѣ.

Антуанета поспѣшно бросилась въ сторону; она узнала

Digitized by Google

г-жу Лазаресъ. Монахиня, въ свою очередь, остановилась, удивленная и встревоженная.

— Что случилось, дитя мое?... Куда вы такъ бѣжите?.. Какъ вы сюда попали?..

Антуанета стояла въ нерѣшимости, не зная, что сказать; но, не придумавъ ничего, проговорила рѣшительно:

— Ну, все равно, я скажу правду: я хотѣла уйти!...

— Уйти? Куда-же?...

— Домой!...

И въ двухъ словахъ она разсказала, что̀ случилось, точно, съ подробностями, нисколько не стараясь выгородить себя.

— Все равно, я знаю, что никогда не привыкну, закончила она свой разсказъ. — Здѣсь можно задохнуться!... Эта большая зала просто пугаетъ меня... И потомъ всѣ говорятъ такъ тихо, точно въ комнатѣ больного... Тутъ умрешь съ тоски!..

На угловатомъ, некрасивомъ лицѣ монахини появилась добродушная улыбка.

— Полно, дитя мое, надо быть благоразумной, сказала она, стараясь укрыть дѣвочку своимъ зонтикомъ. — Вы очень скоро привыкнете ко всему, что васъ такъ пугаетъ пока...

Дѣвочка тряхнула бѣлокурыми кудрями, съ которыхъ посыпались дождевыя капли.

— Никогда!.. сказала она.

— Вотъ увидите, продолжала монахиня мягкимъ, ласковымъ голосомъ, ничего не имѣющимъ общаго съ тѣмъ рѣзкимъ и звенящимъ, которымъ она говорила сегодня утромъ;—я сейчасъ сама отведу васъ къ M-me Беатрисѣ, и она навѣрно проститъ васъ... Она такая добрая...

— Да, она мнѣ самой показалась доброй, съ живостью перебила Антуанета;—потому-то я и послушалась ея... Но ужъ если-бъ это была та, другая, у которой братъ полковникъ, ей не удалось-бы такъ скоро справиться со мною!..

— Почему-же? спросила г-жа Лазаресъ, стараясь сдержать улыбку, — M-me де Преморенъ тоже прекрасная особа...

— Прекрасная! съ этакой противной рожей!.. Никогда не повѣрю!

Монахиня, пораженная рѣзкостью выраженій и манерами новой воспитанницы, подумала, что съ ней надо дѣйствовать осторожно.

Digitized by Google

— Послушайте, дитя мое, сказала она, обращаясь къ Антуанетѣ, которая кончикомъ ноги старательно рыла яму въ размокшей, глиняной дорожкѣ,—если что-нибудь въ нашихъ правилахъ покажется вамъ страннымъ или тяжелымъ... если вамъ понадобится совѣтъ или утѣшеніе, обѣщайте, что придете прямо ко мнѣ!.. Вѣдь, вы не боитесь меня?

— О, нисколько!.. Я вижу, что все это вздоръ... вы совсѣмъ не сердитая!..

— А развѣ вы слышали, что я сердитая?.. Кто-же вамъ сказалъ это?

Дѣвочка покраснѣла.

— Вы сами отлично понимаете, что я не могу сказать вамъ этого.

Г-жа Лазаресъ промолчала и пошла дальше, продолжая укрывать Антуанету своимъ зонтикомъ. Дѣвочка тоже шла молча, сильно озабоченная ожидавшимъ ее пріемомъ. Однако все обошлось благополучно. M-me Беатриса милостиво приняла бѣглянку и, во время слѣдующаго перерыва занятій, водворила ее на мѣсто. Дѣвочкѣ указали пюпитръ—послѣдній съ правой стороны, рядомъ съ величественной Люси. Потомъ она присутствовала на урокѣ, въ четвертомъ классѣ, хотя на этотъ разъ ее еще не спрашивали.

Когда Антуанета, въ семь часовъ вечера, вернулась домой, по уши въ грязи, тетка подумала, что она упала, выходя изъ дилижанса, развозившаго по домамъ приходящихъ.

— Нѣтъ, это не потому, сказала дѣвочка, осматривая свое запачканное платье;—нѣтъ, я... я просто пробѣжалась по саду... И, на вопросъ дяди, какъ она довольна первымъ днемъ, проведеннымъ въ монастырѣ, Антуанета объявила только, что умретъ съ тоски, благоразумно умолчавъ объ инцидентѣ, ознаменовавшемъ ея вступленіе въ школу.

Антуанета съ радостью сознавала, что она опять *дома*... Обширный, мрачный особнякъ, въ которомъ она имѣла такъ мало развлеченій, казался ей теперь раемъ.

Оставшись сиротою съ дѣтства, Антуанета смутно помнила отца, высокаго, красиваго молодого человѣка, вѣчно веселаго, когда онъ не сердился, но который, къ сожалѣнію, тотчасъ начиналъ сердиться, какъ только переста-

Digitized by Google

валъ смѣяться. Умирая, онъ оставилъ Антуанету на попеченіе своей сестры, или, скорѣе, ея мужа, маркиза де-Лобуръ, въ то время посланника въ Стокгольмѣ. Г. де-Шампрё выразилъ желаніе, чтобы дѣвочка до окончанія воспитанія продолжала жить въ Трувилѣ, въ томъ самомъ старомъ домѣ, гдѣ она родилась. Онъ надѣялся, что тетка не откажется жить съ ней, тѣмъ болѣе, что г. де-Лобуръ, утомленный дипломатической карьерой, имѣлъ намѣреніе въ скоромъ времени покинуть свой постъ, да и, во всякомъ случаѣ, онъ уже раньше пересталъ возить съ собою жену, такъ какъ ея сварливый, вульгарный нравъ былъ причиной постоянныхъ непріятностей.

Меланія де-Шампрё, маркиза де-Лобуръ, принадлежала къ категоріи „нервныхъ" женщинъ. За каждую бездѣлицу она накидывалась на мужа, на прислугу, на торговцевъ и осыпала ихъ далеко не изящной бранью. При всемъ своемъ умѣ, она не умѣла быть интересной собесѣдницей и любила пересыпать свою рѣчь готовыми фразами и прописными истинами. Сама она перебивала всѣхъ и каждаго, но приходила въ бѣшенство, если кто-нибудь позволялъ себѣ заговорить одновременно съ нею. Страшная кокетка, она требовала, чтобы всѣ мужчины были у ея ногъ, и жестоко мстила не поддающимся ея чарамъ. За тѣ немногіе годы, когда мужъ пытался возить ее съ собой, персоналъ посольства мѣнялся безпрестанно. Одинъ ухаживалъ слишкомъ явно, по мнѣнію мужа, и г. де-Лобуръ находилъ нужнымъ удалить его на другой постъ—съ повышеніемъ, конечно; другой—не былъ достаточно внимателенъ, по мнѣнію жены, и она интриговала до тѣхъ поръ, пока и его не переводили. Одинъ лишь разъ въ жизни маркизъ возвысилъ голосъ, потребовавъ, чтобы жена возвратилась въ Трувиль, гдѣ жили ея братъ и нѣкоторые другіе члены семейства Шампрё. Но и тутъ маркиза продолжала вести жизнь болѣе чѣмъ эксцентричную, которой не могли измѣнить ни смерть брата, ни присутствіе Антуанеты. Года два до начала нашего разсказа, маркизъ окончательно покинулъ службу и также поселился въ Трувилѣ.

Денежныя дѣла племянницы требовали его присутствія, какъ опекуна; къ тому же, зять, умирая, убѣдительно просилъ его не оставлять Антуанету на попеченіи одной г-жи де-Лобуръ. И дѣйствительно, маркизу пора было

Digitized by Google

вернуться! Дѣвочка, предоставленная самой себѣ, росла какъ дикарка. Разспросивъ ее, маркизъ увидѣлъ, что тетка занималась ею только урывками и потомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ забывала о ней, интересуясь чѣмъ-нибудь другимъ.

Дядя и племянница сразу стали друзьями. Къ теткѣ Меланіи Антуанета была довольно равнодушна.

Ей случалось слышать разговоры прислуги, которая ненавидѣла маркизу и не стѣснялась въ своихъ выраженіяхъ. Хотя нянька не позволяла другимъ людямъ „выражаться такъ“ о барынѣ, но, тѣмъ не менѣе, до ушей дѣвочки нерѣдко долетали обрывки разговора, возбуждавшіе ея любопытство.

— Перестаньте! говорила нянька,—барышня услышитъ!.. Положимъ, тетушка ея дрянь порядочная, но не зачѣмъ говорить этого ребенку.

— Конечно, не зачѣмъ, отвѣчалъ камердинеръ со смѣхомъ.—Она и сама пойметъ это.

А старикъ-кучеръ прибавлялъ, качая головой:

— Странное дѣло, наша барыня точно не изъ рода Шампрё!.. Можно подумать, что ее подмѣнили въ дѣтствѣ!

Зато нельзя было сказать этого объ Антуанетѣ. Присматриваясь къ дѣвочкѣ, маркизъ де-Лобуръ находилъ въ ней всѣ свойства и особенности рода Шампрё. Вспыльчивая, несдержанная, несмотря на холодную и безпечную внѣшность, дѣятельная по природѣ, но лѣнивая по убѣжденію, Антуанета, при всѣхъ своихъ блестящихъ способностяхъ, высказывала сужденія, приводившія дядю въ отчаяніе.

— Съ какой стати я буду мучить себя уроками? Я и такъ опередила свой классъ!..

Или:

— Покорно благодарю; если я выучу все это, потребуютъ, чтобы я учила дальше!.. Лучше двигаться потихоньку!..

Антуанета часто забавляла дядю своими шутками и шалостями, но иногда пугала своей вспыльчивостью. Лицо ея въ такія минуты покрывалось смертельной блѣдностью, морщина на лбу становилась глубже, на углахъ губъ появлялись двѣ складки, въ родѣ удлиненныхъ ямочекъ, прозрачно-желтоватаго цвѣта, съ синими жилками. Она стискивала зубы, губы ея нервно

Digitized by Google

подергивались; но ни слезъ, ни крика не было слышно отъ нея; это было какое-то спокойное, нѣмое бѣшенство. Правда, никогда гнѣвъ ея не бывалъ безъ причины; но достаточно было малѣйшей несправедливости или обиднаго слова, чтобы вызвать его. Въ любви и ненависти Антуанета не знала границъ; къ кумирамъ своимъ она не позволяла прикоснуться. Такъ, напримѣръ, она цѣлую недѣлю не говорила съ дядей, за то, что онъ, на урокѣ исторіи, хотѣлъ доказать, что царствованіе Людовика XI принесло больше пользы Франціи, чѣмъ царствованіе Наполеона I.

Но больше всего поражали стараго дипломата, привыкшаго къ утонченному этикету иностранныхъ Дворовъ, манеры и выраженія его племянницы. Выросшая въ глуши провинціи, дѣвочка, проводя не болѣе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, успѣла усвоить себѣ всѣ пріемы столичнаго уличнаго мальчишки: остроты, жесты, фиглярничанье, даже манеру говорить. Она ходила колесомъ, скатывалась верхомъ съ перилъ лѣстницы, нисколько не заботясь о приличіяхъ, о которыхъ тщетно напоминалъ ей бѣдный дядя. Видя отчаяніе добраго старика, Антуанета клялась, что будетъ вести себя, какъ слѣдуетъ, но, живая и легкомысленная, она самыя свои увѣренія заканчивала грандіозной глиссадой, послѣ которой сейчасъ-же начинала прыгать.

Плясать было также однимъ изъ любимыхъ наслажденій дѣвочки. Ее нѣсколько разъ возили въ театръ, гдѣ она, задыхаясь отъ восторга, любовалась балетомъ, и потомъ, по возвращеніи домой, съ величайшей точностью воспроизводила видѣнныя па, дополняя ихъ другими, до которыхъ доходила по какому-то наитію. Очень часто дядя, видя ея изступленныя тѣлодвиженія, по его мнѣнію, несовмѣстимыя со скромностью благовоспитанной дѣвушки, съ ужасомъ спрашивалъ Антуанету, гдѣ она выучилась такъ танцовать.

— Нигдѣ! отвѣчала она.—Это врожденно.

И она была права.

Антуанета не выносила присутствія тетки, хотя и умѣла дать ей, когда нужно, рѣшительный отпоръ. Крики, брань, слезы г-жи де-Лобуръ приводили ее въ нервное состояніе; она жаждала тишины и спокойствія. Въ особенности, невыносимо было для нея время, проводимое за столомъ.

Digitized by Google

Она съ недоумѣніемъ выслушивала странныя фразы, состоявшія изъ общихъ мѣстъ и прописныхъ истинъ, которыми маркиза сопровождала свои бранчливыя выходки. Какъ часто г-жа де-Лобуръ выбѣгала изъ столовой, крича растерявшемуся мужу: „Вы никогда больше не увидите меня!.. Я уѣзжаю отсюда навсегда!..“

Г-жа де-Лобуръ не могла простить мужу того, что, выйдя за него замужъ, она промѣняла имя Шампрё на его имя. Она сердилась на него также, зачѣмъ онъ не военный. „Одни военные—настоящіе мужчины!“ говорила она, бросая презрительный взглядъ на бывшаго дипломата.

Встрѣчая маркизу въ обществѣ, трудно было повѣрить, чтобы она принадлежала къ нему по рожденію. Тщеславная, какъ всѣ возвысившіеся изъ ничего, она вѣчно говорила о своей родословной. Ее мучило постоянное желаніе напоминать всѣмъ и каждому о своемъ титулѣ, и страхъ, какъ бы о немъ не забыли,—свойство, присущее только выскочкамъ и совершенно незнакомое людямъ, принадлежащимъ къ высшему обществу по рожденію.

Для Антуанеты было сущимъ наказаніемъ ѣздить съ теткой по магазинамъ; въ особенности, ненавидѣла она то, что называла *„прощальнымъ припѣвомъ“*.

Когда продавщица или приказчикъ въ магазинѣ говорилъ, передавая разсыльному купленный пакетъ: „Отнеси это къ г-жѣ де-Лобуръ!“—маркиза возвращалась отъ дверей лавки, красная, стиснувъ зубы, вытянувъ свою безконечную шею, и говорила своимъ скрипучимъ голосомъ, отъ котораго у Антуанеты морозъ пробѣгалъ по кожѣ:

— Меня зовутъ не г-жа, а маркиза де-Лобуръ, прошу не забывать этого!..

И она выходила изъ магазина съ видомъ оскорбленной королевы, въ полной увѣренности, что приказчики уничтожены ея величіемъ, и не подозрѣвала, что племянница передразниваетъ ее за спиной. Иногда у нея появлялась потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ негодованіемъ и, за неимѣніемъ никого другого, она обращалась къ Антуанетѣ:

— Удивительные эти лавочники! говорила она. — Не умѣютъ называть людей ихъ титуломъ.

А потерявшая терпѣніе Антуанета грубо возражала:

— А вамъ-то что! Титулъ вашъ, и никто его у васъ не отниметъ! Такъ чего же вамъ еще надо?

Digitized by Google

Поднималась буря. Г-жа де-Лобуръ осыпала племянницу бранью, попрекая ее тѣмъ, что она унаслѣдовала „всѣ пороки великаго Шампрё“. Придетъ время, что она, подобно своему прадѣду, отречется отъ дворянства. Дѣвочка выносила потоки брани съ кажущимся спокойствіемъ и равнодушіемъ лошади, на которую сыплются удары кнута ломового извозчика.

Въ концѣ концовъ, выведенная изъ терпѣнія, она отвѣчала тономъ уличнаго мальчишки:

— Да оставьте вы его лучше въ покоѣ, великаго-то Шампрё! Что бы вы стали дѣлать, если-бъ его вовсе не существовало! Вѣдь, однимъ пріятнымъ сюжетомъ для разговора было бы меньше, неправда-ли, тетушка?

По возвращеніи съ подобныхъ прогулокъ, Антуанета вбѣгала въ кабинетъ дяди, погруженнаго въ свою монографію „*Европейская дипломатія въ XIX-мъ вѣкѣ*“, и кричала ему, въ видѣ привѣтствія: „Ну, ужъ и тоска же съ тетушкой!“ и убѣгала прочь, не дождавшись маленькой нотаціи, которую обязательно долженъ былъ повлечь за собою такой непочтительный отзывъ о теткѣ.

По мѣрѣ того, какъ Антуанета становилась старше, она дѣлалась все независимѣе и своенравнѣе. Но своенравіе ея было наивное.

Г-жа де-Лобуръ не разъ уже поднимала вопросъ о томъ, что пора бы отдать дѣвочку въ учебное заведеніе.

— Можетъ быть, говорила она,—сестрамъ Св. Игнатія удастся исправить этого уличнаго мальчишку.

Но маркизъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Дѣвочка составляла единственную его привязанность, единственный интересъ въ жизни. Мысль разстаться съ нею не на шутку печалила его. Но новая выходка Антуанеты переполнила чашу терпѣнія ея тетки.

Г-жа де-Лобуръ давала большой обѣдъ, на который пригласила множество офицеровъ. Она была безъ ума отъ военныхъ, которыхъ бѣдный „дядя Меланія“, какъ прозвала его Антуанета, не выносилъ. Всѣ эти яркіе, кричащіе цвѣта,—голубые и красные,—серебряные и золотые галуны, валяющіяся вездѣ кепи, поставленныя по угламъ и затѣмъ съ трескомъ падающія сабли, все это въ высшей степени раздражало бѣднаго старика. Это раздраженіе, которое онъ не считалъ нужнымъ скрывать отъ жены, вызывало, за нѣсколько минутъ до пріѣзда гостей, бур-

Digitized by Google

ную сцену между нимъ и г-жей де-Лобуръ, въ присутствіи Антуанеты.

Видя постоянныя ссоры между дядей и теткой, дѣвочка настолько привыкла къ нимъ, что стала считать ихъ въ порядкѣ вещей.

За обѣдомъ, маркиза, по обыкновенію, завела рѣчь о своей племянницѣ. Полковникъ де-Преморель, не задолго передъ тѣмъ прибывшій въ Трувиль, видѣлъ Антуанету въ первый разъ. Оживленное личико дѣвочки, отца которой онъ хорошо зналъ, понравилось ему; онъ задалъ ей нѣсколько вопросовъ, на которые Антуанета отвѣтила безъ смущенія, но съ тѣмъ серьезнымъ и хмурымъ видомъ, который она всегда принимала, когда хотѣла „держать себя прилично".

— Бѣдный Шампрё! проговорилъ вдругъ де-Преморель;—какъ часто онъ повторялъ мнѣ еще до рожденія ребенка: „Когда ты будешь командовать полкомъ, возьми къ себѣ моего сына!" Какая жалость, что M-elle Антуанета не мальчикъ!.. Я такъ охотно взялъ-бы ее къ себѣ въ полкъ, и имя Шампрё не угасло-бы съ этимъ послѣднимъ отпрыскомъ.

— Это тѣмъ болѣе досадно, воскликнула язвительно маркиза,—что Антуанета и характеромъ, и недостатками, и голосомъ, и даже наружностью походитъ на мальчика!..

Г-нъ де-Лобуръ хотѣлъ возразить что-то; но дѣвочка, сидѣвшая на концѣ стола, остановила его выразительнымъ движеніемъ плечъ, желая показать, какъ мало трогаютъ ее слова тетки; тогда племянникъ маркизы, Жакъ де-Гельдръ, братъ Клодины и подпоручикъ того-же полка, въ свою очередь, вмѣшался въ разговоръ:

— Не вѣрьте тетушкѣ, г-нъ полковникъ! „Послѣдній отпрыскъ" Шампрё—очень милая дѣвочка. Кромѣ шутокъ, Туанонъ!.. обратился онъ къ Антуанетѣ:—ты славный малый!.. и я очень люблю тебя!.. Когда ты будешь большая, выходи за меня замужъ!.. Право!.. Ты такая забавная; съ тобой никогда не соскучишься!..

— Нѣтъ, отвѣчала со смѣхомъ дѣвочка,—я не выйду за васъ замужъ, Жакъ, потому что слишкомъ люблю васъ!.. и мнѣ было-бы жалко ссориться съ вами.

— Да мы-бы не стали ссориться!.. никогда въ жизни!..

Антуанета тряхнула своими взъерошенными кудрями.

Digitized by Google

— Какъ не стали-бы!.. Вѣдь женатые люди только это и дѣлаютъ!..

И бросивъ взглядъ на ошеломленныхъ дядю и тетку, глядѣвшихъ другъ на друга, какъ фарфоровыя куклы, она прибавила:

— Когда нѣтъ чужихъ!..

Всѣ неловко замолчали, кое-кто засмѣялся...

Вслѣдствіе этого инцидента, маркизъ — утомленный вѣчными приставаніями супруги и питая смутную надежду, что общество сверстницъ смягчитъ характеръ Антуанеты, рѣшился помѣстить ее въ монастырь Св. Игнатія.

II.

— И такъ, сказалъ г-нъ де-Лобуръ, глядя на разочарованную физіономію Антуанеты,—тебѣ не понравилось въ монастырѣ?

— Нѣтъ, не понравилось!..

Маркиза вышла изъ комнаты, и, не стѣсняемая болѣе ея присутствіемъ, дѣвочка продолжала:

— Видите-ли, дядя Меланія, мнѣ и здѣсь было не слишкомъ весело... благодаря тетушкѣ!.. но тамъ мнѣ будетъ еще скучнѣе!.. Что̀ если-бъ мнѣ не возвращаться въ монастырь?

— Ты съ ума сошла?.. Я увѣренъ, что ты привыкнешь, и тебѣ понравится... Навѣрно у тебя есть уже подруги?..

Вмѣсто отвѣта, Антуанета спросила:

— Дядя, вы знаете префекта?

— Да... а что?

— Видите-ли, его дочь моя сосѣдка... не за пюпитромъ... за пюпитромъ другая... и потомъ стѣна... нѣтъ, она моя сосѣдка по скамейкѣ... отвратительная скамейка, совсѣмъ узенькая... такъ что больно сидѣть!.. такъ она все время заговариваетъ со мной... а меня записываютъ!.. я думаю, это непріятно!..

— Я что-то не совсѣмъ понялъ... сказалъ г-нъ де-Лобуръ, съ трудомъ разбираясь въ этомъ потокѣ словъ дѣвочки.

— И не удивительно!.. это такая путаница, что ничего не разберешь!..

Всю ночь Антуанета видѣла во снѣ монастырь. Она видѣла себя среди воспитанницъ, танцовавшихъ вокругъ

Digitized by Google

нея какой-то адскій танецъ. Луиза де-Монвель представлялась ей въ мундирѣ префекта и большомъ люстриновомъ передникѣ. У Люси Лефевръ были золотыя очки, перо за ухомъ и толстый портфель подъ мышкой, изъ котораго торчали запыленныя бумаги; она съ важностью подпрыгивала, не сгибая колѣнъ, и пѣла, не шевеля губами, тотъ самый мотивъ, который Антуанета слышала, при первомъ своемъ появленіи въ рекреаціонной залѣ.

Хорошенькая Клодина де-Гельдръ проходила мимо съ папкой нотъ въ рукахъ, своей граціозной, эластичной походкой и повторяла точно такъ, какъ наяву: „Бѣдный мой Туанонъ!.. я говорила, что тебѣ здѣсь не понравится.“

А на заднемъ планѣ картины г-жа де-Лазаресъ, съ большими бѣлыми крыльями за спиной, въ толстыхъ башмакахъ и съ раскрытымъ краснымъ зонтикомъ, отдѣлялась отъ земли и исчезала въ одной изъ безчисленныхъ трещинъ закоптѣлаго потолка.

На другое утро, когда Антуанета, разбуженная двумя часами раньше обыкновеннаго, съ тяжелымъ сердцемъ и опухшими вѣками, входила въ дилижансъ, послушница, присматривавшая за воспитанницами, проговорила недовольнымъ тономъ:

— Вы заставили себя ждать ровно двѣ съ половиною минуты... это слишкомъ много...

— Моя комната во второмъ этажѣ, такъ что...

— Такъ другой разъ спускайтесь заранѣе... За вами будутъ заѣзжать всегда въ половинѣ седьмого... Вы самая дальняя.

„Самая дальняя... съ грустью подумала Антуанета;— мнѣ и тутъ не везетъ! а я такъ люблю поспать!..“

Она повернулась къ окну, глядя на повозки съ зеленью и съ молокомъ, которыя тянулись къ городу, дребезжа старымъ желѣзомъ по неровной мостовой.

Рѣзкій голосъ надзирательницы послышался снова:

— На улицу запрещено смотрѣть... Сидите прямо!..

— Хорошо, *madame*...

— Меня зовутъ m-elle Пелажія, а не *madame*...

Послушница не докончила фразы и бросилась отворять дверцу Луизѣ де-Монвель, которая неторопливо проходила черезъ большой дворъ префектуры. Въ ту же минуту и Люси Лефевръ появилась изъ сосѣдняго дома.

Различный пріемъ, сдѣланный обѣимъ воспитанницамъ,

Digitized by Google

не на шутку удивилъ Антуанету. При входѣ Луизы, M-elle Пелажія встала съ мѣста, предупредительно схватила ея сумку, помогла ей взойти на крутую подножку и заботливо усадила противъ себя, не обращая вниманія на Люси, передъ носомъ которой она чуть не захлопнула дверцу.

Молодая дѣвушка, держа въ рукахъ сумку съ книгами и большую папку съ рисунками, неловко старалась вскарабкаться на подножку. Антуанета встала къ ней навстрѣчу и взяла у нея изъ рукъ папку.

— Сидите на мѣстѣ, сухо проговорила M-elle Пелажія;—что вы дѣлаете?..

— Какъ что!.. я хочу помочь ей, потому что у нея руки заняты.

— Садитесь!.. это лишнее!..

— Лишнее!?.. а почему-же вы сами помогаете другой, у которой ничего нѣтъ въ рукахъ?

— А потому, отвѣтила рѣзко Люси, перебивая M-lle Пелажію, готовившуюся хорошенько пробрать Антуанету,— что *„другая“*—дочь префекта...

— А, такъ вотъ почему, съ удивленіемъ протянула дѣвочка. И, задѣтая за живое, въ своихъ безсознательно демократическихъ убѣжденіяхъ, она окинула надзирательницу насмѣшливымъ взглядомъ:

— Жалко, что вы не знакомы съ моей тетушкой!.. васъ была-бы славная пара!..

— Я запишу васъ! крикнула M-lle Пелажія.

Дрожа отъ гнѣва, она вытащила изъ кармана маленькую тетрадку въ лоснящемся черномъ шерстяномъ чехлѣ и съ остервенѣніемъ принялась писать что-то.

— Вѣдь, она пожалуется на васъ, шопотомъ сказала Люси Антуанетѣ, кивнувъ головой на надзирательницу.

— Пускай! вѣдь я не могу помѣшать ей сдѣлать это, спокойно возразила дѣвочка.

Дилижансъ мало-по-малу наполнялся воспитанницами. Луиза де-Монвель наклонилась къ Антуанетѣ и сказала ей на ухо:

— Мнѣ очень жаль, что все это случилось изъ-за меня... но я, собственно, тутъ ни при чемъ!

Дѣвочка взглянула на нее и проговорила отчетливо:

— Ну... не совсѣмъ!..

„Дочь префекта“ положительно не нравилась ей. Благодаря подслуживаніямъ M-lle Пелажіи, вчерашнее впе-

Digitized by Google

чатлѣніе еще болѣе усилилось. Антуанета сразу не взлюбила и надзирательницу, и ея фаворитку.

Люси Лефевръ между тѣмъ вынула изъ сумки книгу и обратилась къ Антуанетѣ:

— А вы не учите уроковъ? спросила она.

— Мнѣ еще не выдали книгъ...

— Потому что еще не знаютъ, въ состояніи-ли вы поспѣвать за четвертымъ классомъ. Хотите, я вамъ дамъ мои?

— Пожалуйста... благодарю васъ... Но свойственная ей лѣность тотчасъ взяла верхъ, и Антуанета прибавила: — Впрочемъ, если мнѣ не выдали книгъ... значитъ, нѣтъ надобности и учить уроковъ.

— Вамъ за это достанется!..

— Ну, пожалуй, дайте!..

— Пока я буду учить грамматику, сказала Люси, — я могу дать вамъ исторію Франціи... вотъ... задано отъ „этотъ союзъ" до „будущіе вѣка".

— Слово въ слово? спросила Антуанета, быстро пробѣжавъ глазами заданныя двѣ страницы.

— Нѣтъ... если кто можетъ вѣрно разсказать своими словами...

— Ну, такъ мнѣ нечего учить... я это знаю!..

— Какъ, вы знаете исторію Франціи?

— Да...

— Всю?..

— Да, конечно...

Воспитанницы съ удивленіемъ переглянулись между собой.

— Ну, а грамматику? спросила Луиза де-Монвель, стараясь найти слабую сторону въ познаніяхъ новенькой. — Что вы прошли изъ грамматики?

— Я оканчиваю синтаксисъ...

Общее удивленіе достигло крайнихъ предѣловъ.

— Синтаксисъ? вы?.. вы учите синтаксисъ!.. Да его проходятъ въ третьемъ классѣ!..

— Ну, такъ и буду проходить въ третьемъ!.. сухо отвѣтила Антуанета, выведенная изъ терпѣнія такимъ недовѣріемъ къ ея познаніямъ.

Послышались насмѣшливые возгласы.

— Въ третьемъ!.. въ третьемъ!.. тринадцати-то лѣтъ!.. да еще такой карапузъ!.. вотъ такъ штука!.. Да вонъ Люси

Digitized by Google

въ четвертомъ классѣ, а ей черезъ три мѣсяца минетъ шестнадцать лѣтъ!.. И я также; и мнѣ уже минуло пятнадцать!.. И Бланшъ де-Прео и Жермена Вотре... въ третьемъ классѣ!.. дѣйствительно!..

Антуанета покраснѣла; она не любила намековъ на свой небольшой ростъ; ей хотѣлось-бы быть громадной, и слово „карапузъ", сказанное Луизой, больно укололо ее.

— Пускай примутъ куда хотятъ, сказала она сердито;— мнѣ все равно; чѣмъ меньше учиться, тѣмъ для меня-же лучше!.. пускай оставятъ хоть со всѣми вами!..

— Со всѣми вами! Какъ это любезно, Антуанета де-Шампрё! воскликнула Луиза обидчиво.

— Вы находите меня нелюбезной?.. Странно!.. а мнѣ такъ кажется, что вы нелюбезны съ вашими охами да ахами изъ-за всякаго пустяка!..

И, передразнивая своихъ товарокъ, она продолжала:

— Всю исторію Франціи???—А-а-а!!!—И синтаксисъ???—О-о-о!!!—Тринадцатилѣтняя, и въ третій классъ???—Трижды о-о-о!!!

Пораженная Луиза де-Монвель брезгливо и презрительно пожала плечами.

— Боже мой! какія манеры! воскликнула она.

Толстая, вульгарная Луиза де-Монвель со своимъ важничаньемъ и хвастовствомъ показалась Антуанетѣ необычайно смѣшной. Дѣвочка встала передъ ней и съ почтительнымъ поклономъ проговорила:

— А г-нъ-то префектъ, кажись, имѣютъ большое пристрастіе къ хорошимъ манерамъ.

Она сказала это такимъ потѣшнымъ тономъ и съ такими мальчишескими ужимками, что общій взрывъ смѣха встрѣтилъ ея слова. Луизу ненавидѣли, но въ то-же время боялись. Всѣ знали, что отъ нея зависитъ навлечь на кого-нибудь выговоръ или наказаніе, и давно уже никто не рѣшался противорѣчить „дочери префекта". И вдругъ новенькая осмѣливается открыто нападать на нее, исполняя, такимъ образомъ, общее желаніе. Хорошенькая курчавая дѣвочка, которая наканунѣ такъ радовалась, что Антуанета будетъ ѣздить въ дилижансѣ, воскликнула, глядя на нее съ наивнымъ восхищеніемъ:

— Неужели вы ничего не боитесь?

Антуанета не отвѣчала. Бояться? чего-же ей бояться? съ какой стати?

Digitized by Google

Она снова обернулась къ открытому окну кареты и принялась смотрѣть на великолѣпное голубое небо, по которому плыли маленькія бѣлыя облачка, съ капризными измѣнчивыми очертаніями. Они казались ей восхитительными! И, слѣдя за быстрыми измѣненіями формы и цвѣта облаковъ, она придавала имъ въ своемъ воображеніи различные образы. Напримѣръ, вотъ это большое облако съ широкимъ основаніемъ и круглой вершиной, позлащенное солнцемъ, напоминало ей ту большую кучу снѣга, которую она устроила на дворѣ въ прошлую зиму; вотъ это другое, круглое, какъ шаръ, съ пушистыми краями, казалось ей огромной пуховкой для пудры; а то третье—кускомъ прекраснаго бѣлаго плюша, брошеннаго на голубой бархатъ... Антуанета откинулась назадъ, запрокидывая все больше и больше голову изъ окна дилижанса, чтобы подольше видѣть голубой кусочекъ неба, готовый исчезнуть за крышами домовъ. Все было забыто: уроки, запрещеніе смотрѣть на улицу, все улетѣло туда, къ этимъ бѣлымъ, чуднымъ облакамъ.

— M-elle де-Шампрё, взвизгнула надзирательница,— я пожалуюсь на ваше непослушаніе.

Антуанета не двинулась съ мѣста. Опираясь затылкомъ на оконную раму, поднявъ глаза къ небу и полуоткрывъ ротъ, она ничего не слыхала, казалось. Сосѣдка должна была дернуть ее за рукавъ, чтобы вывести изъ нѣмого созерцанія. Тогда только она очнулась, выпрямилась и спросила съ удивленіемъ:

— Что такое?

— То, что я буду жаловаться на ваше постоянное непослушаніе, воскликнула M-elle Пелажія и, видя недоумѣніе Антуанеты, прибавила:

— Я вамъ сказала разъ навсегда, что запрещено смотрѣть на прохожихъ...

— Да я и не думала смотрѣть на прохожихъ.

— Такъ на что же вы смотрѣли, скажите пожалуйста?

— Я смотрѣла туда, вонъ на этотъ кусочекъ голубого неба!

Блѣдныя губы надзирательницы сжались въ презрительную усмѣшку. Не удостоивъ Антуанету отвѣтомъ, она снова принялась писать что-то въ своей засаленной тетрадкѣ.

— Напрасно вы придумываете такія отговорки, ска-

Digitized by Google

зала Люси потихоньку Антуанетѣ; — этимъ ихъ не поддѣнешь!

— Какъ отговорки?.. Да это правда!.. я, дѣйствительно, смотрѣла...

— На „голубой кусочекъ неба“, прервала насмѣшливо Луиза.

— Разумѣется!.. если бъ я смотрѣла на что-нибудь другое, для чего жъ бы я стала скрывать?

— Да для того, чтобы васъ не бранили.

— Я никогда не лгу!..

На всѣхъ лицахъ появилась улыбка состраданія, и воспитанницы съ любопытствомъ взглянули на Антуанету.

Она никогда не лжетъ!.. Ее занимаетъ смотрѣть на небо!.. Какая странная *„новенькая!“*

Когда полупансіонерки прибыли въ монастырь, въ классы уже прозвонили, и г-жа де-Преморель сидѣла на своей рѣзной дубовой каѳедрѣ. Она подозвала къ себѣ Антуанету.

— Идите съ ученицами четвертаго класса, дитя мое. M-me Марія-Маделена проэкзаменуетъ васъ и рѣшитъ, можете ли вы слѣдовать за классомъ... если можете, вамъ выдадутъ сегодня же книги. Если нѣтъ, вы пойдете на вечерній урокъ въ пятый классъ, гдѣ васъ снова проэкзаменуютъ. Идите!

Антуанета направилась къ своему пюпитру, нѣсколько взволнованная и озабоченная результатомъ предстоящаго экзамена. Что, если она отвѣтитъ плохо... растеряется... и попадетъ въ пятый классъ?.. Вотъ когда надъ ней будутъ смѣяться, и подѣломъ!

Видъ Маріи-Маделены немножко успокоилъ дѣвочку. Маленькая краснощекая монахиня, съ добрыми и ясными карими глазами, съ умной улыбкой, сразу понравилась ей.

Марія-Маделена начала спрашивать Люси, которая отвѣчала урокъ слово въ слово, нараспѣвъ, монотоннымъ голосомъ и безъ всякихъ удареній. Видно было, что она не понимаетъ ни слова изъ того, что говоритъ, и учительница слушала ее съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Вы, несомнѣнно, приготовили урокъ, проговорила она, — но безъ достаточнаго пониманія... Продолжайте, Бланшъ.

Бланшъ де-Прео поднялась съ мѣста и, начавъ, какъ разъ, съ того слова, на которомъ остановилась Люси,

Digitized by Google

стала отвѣчать съ головокружительной быстротой. Ее почти тяжело было слушать, и такъ и хотѣлось перевести за нее духъ.

— Хорошо!.. теперь вы, Луиза.

Луиза де-Монвель откашлялась, сдвинула брови, подняла глаза къ потолку и, въ концѣ концовъ, не сказала ни слова. Не оставалось никакого сомнѣнія: дочь префекта не имѣла ни малѣйшаго понятія о заданномъ урокѣ.

— Не дѣлайте, пожалуйста, видъ, что припоминаете, сказала Марія-Маделена;—вы даже не читали урока!

Луиза, вся красная и сконфуженная, хотѣла возразить что-то; но монахиня строго перебила ее:

— Замолчите!.. Я вамъ говорю, что вы вовсе не читали урока... Я пожалуюсь M-me Лазаресъ. Садитесь! И, обращаясь къ Антуанетѣ, она спросила недовольнымъ тономъ:

— Ну, а вы? вы знаете сегодняшній урокъ изъ исторіи?

— Мнѣ... мнѣ кажется, что знаю!.. пробормотала дѣвочка, съ сильно забившимся сердцемъ.

— Такъ говорите дальше... о конвентѣ... ну, чего же вы ждете?

— Я... я не помню слово въ слово, проговорила Антуанета дрожащимъ голосомъ.

— Слово въ слово! Да развѣ же я требую слово въ слово!.. воскликнула Марія-Маделена, невольно выходя изъ себя.—Кто вамъ сказалъ, что нужно слово въ слово!.. это нелѣпо!.. мнѣ нуженъ смыслъ, понимаете ли? смыслъ... своими словами!.. только этимъ способомъ я могу убѣдиться, что вы понимаете то, что говорите!.. а я увѣрена, что ни одна изъ васъ не понимаетъ ни слова!.. ни одна!.. ну!.. знаете вы или нѣтъ?..

— Да... я знаю...

И Антуанета принялась разсказывать о конвентѣ. Голосъ ея, сначала дрожавшій, мало-по-малу окрѣпъ. Она ясно намѣтила главныя историческія черты: сказала, чѣмъ долженъ былъ быть конвентъ, и чѣмъ онъ сдѣлался подъ вліяніемъ событій. Она разсказывала просто, какъ говорила, не нараспѣвъ, не припоминая словъ и почти всегда находя вѣрныя и картинныя выраженія. На лицѣ Маріи-Маделены появилась улыбка; удивленная, заинтересованная монахиня внимательно присматривалась къ новой ученицѣ.

Digitized by Google

— Хорошо, очень хорошо, сказала она тихо; — даже слишкомъ хорошо, потому что вы отвѣтили чуть-ли не въ десять разъ больше, чѣмъ задано на сегодня. Вы любите исторію?

— Люблю... то есть люблю, когда знаю... но когда надо учить ее...

— Что вы знаете изъ исторіи?

— Древнюю исторію, исторію грековъ, римлянъ, исторію Европы... вотъ и все...

— А исторію Англіи?..

— Я учила ее вмѣстѣ съ исторіей Европы. Но отдѣльно исторію *англичанъ* я не проходила.

Она произнесла слово „*англичанъ*" съ такой ненавистью въ голосѣ, что монахиня спросила съ удивленіемъ:

— Вы не любите англичанъ?

— Я ихъ ненавижу! горячо воскликнула дѣвочка.

— Господь Богъ запрещаетъ ненавидѣть ближняго, дитя мое...

Убѣжденная, что Богъ слишкомъ справедливъ, чтобы запретить ненавидѣть англичанъ, Антуанета покачала головой.

— Развѣ вы не знали этого? спросила Марія-Маделена.

— Да... ближняго... но не англичанъ!

И дѣйствительно, для нея англичане не были ближніе. Они не были даже людьми. Она питала къ нимъ инстинктивно глубокую, непримиримую ненависть. Очень часто дядя, удивленный вспышками дѣвочки, говорилъ ей, смѣясь:

— У тебя предубѣжденія, какъ у столѣтняго старика!

А г-жа де-Лобуръ восклицала внѣ себя:

— Эта дѣвочка не любитъ ничего изящнаго.

Для маркизы величайшій шикъ олицетворялся въ англичанахъ. Она принимала ихъ холодную чопорность и надутое самолюбіе за верхъ изящества; грубость и пьянство казались ей признаками хорошаго тона. Когда, во время скачекъ въ Трувилѣ, ей удавалось привлечь въ отель Шампрё какого-нибудь заѣзжаго „кэптена", она была внѣ себя отъ радости; а когда ей говорили, что этотъ самый капитанъ самымъ прозаическимъ образомъ прячетъ въ карманъ пять луидоровъ за садку лошадей, она принимала это за клевету.

Марія-Маделена продолжала:

Digitized by Google

— Господь не допускаетъ исключеній. Вѣдь вы боитесь Бога, не правда-ли?..

— Нѣтъ, рѣшительно отвѣчала Антуанета. — Я знаю, что Онъ милосердъ... Съ какой стати я буду Его бояться?

Въ первую минуту озадаченная, монахиня поняла, наконецъ, мысль дѣвочки.

— Кто васъ воспитывалъ? спросила она, помолчавъ.

— Дядя.

Антуанета, по обыкновенію, не считала нужнымъ упоминать о г-жѣ де-Лобуръ.

— Вашъ дядя, вѣроятно, военный?

— Нѣтъ, онъ посланникъ.

И, замѣтивъ удивленіе Маріи-Маделены, она прибавила съ живостью:

— Но у насъ совершенно различныя убѣжденія... Совершенно, совершенно различныя!

Монахиня разсмѣялась.

— У васъ слишкомъ опредѣленныя убѣжденія для вашихъ лѣтъ, дитя мое. Надо будетъ измѣнить все это... Нѣкоторыя вещи вы „ненавидите", другія слишкомъ любите!

— Напримѣръ, голубые кусочки неба! проговорила сквозь зубы Луиза де-Монвель.

И желая отплатить за „кажись г. префектъ имѣетъ большое пристрастіе къ хорошимъ манерамъ"—прибавила насмѣшливо:

— М-lle де-Шампрё имѣетъ, кажись, большое пристрастіе къ голубому небу?

Дѣвочка была очень удивлена, что могутъ находить что-нибудь смѣшное въ ея любви къ голубому небу; она воспользовалась тѣмъ, что вниманіе монахини было отвлечено слѣдующей ученицей, и, садясь на мѣсто, спросила у сосѣдки:

— Что же тутъ смѣшного?

Люси Лефевръ отвѣтила презрительно:

— То, что это глупости!

— Какія-же глупости? продолжала доискиваться Антуанета.

— Да, вотъ, небо, поля, стихи, птички и всякій вздоръ.

Антуанета не поняла, почему заговорили о голубомъ небѣ, когда рѣчь шла о конвентѣ и англичанахъ, но поняла, что любить небо, цвѣты и тому подобное счита-

Digitized by Google

лось смѣшнымъ въ глазахъ ея новыхъ подругъ. Она рѣшила на будущее время скрывать отъ нихъ свои сокровенныя чувства.

Когда всѣ уходили изъ класса, Марія-Маделена сказала потихоньку, обращаясь къ Антуанетѣ:

— Останьтесь здѣсь, дитя мое, мнѣ надо поговорить съ вами.

Воспитанницы недружелюбно взглянули на новенькую, а Луиза пробормотала:

— Это что за привилегіи?

Антуанета присоединилась къ остальнымъ только послѣ звонка къ обѣду. Она замѣтила, что на нее косятся съ любопытствомъ и недоброжелательствомъ; но за обѣдомъ никто не обращался къ ней съ вопросами, такъ какъ нѣсколько монахинь все время расхаживали вдоль столовъ, наблюдая за тишиной и порядкомъ. Зато въ саду, съ самаго начала рекреаціи, ее осыпали вопросами и колкостями.

— Вотъ вы ужъ и попали въ любимицы Маріи-Маделены!

— Что̀ вамъ сказала ваша новая покровительница?..

— Вы должны гордиться; она не всегда бываетъ такъ милостива!..

Луиза повторила прежнимъ, вызывающимъ тономъ:

— Оказывается, что имѣть пристрастіе къ голубому небу очень выгодно!

Антуанета вспыхнула до ушей; она быстро обернулась·

— Перестанете-ли вы, наконецъ, приставать ко мнѣ съ однимъ и тѣмъ же?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала Люси, желая предотвратить начинающуюся ссору,—о чемъ вы тамъ такъ долго разговаривали?

— Меня экзаменовали. Я не остаюсь въ вашемъ классѣ.

Выраженіе лицъ стало еще недружелюбнѣе; нѣкоторыя ѣдко улыбнулись.

— Поздравляю... поздравляю!..

— Если вы находите, что достаточно подготовлены къ слѣдующему классу, такъ это ваше дѣло!..

— Знаете-ли, можно, вѣдь, и ошибиться... И тогда будетъ не совсѣмъ пріятно снова спуститься внизъ.

— Да еще не забудьте, что, плетясь въ хвостѣ класса, вы никогда не получите никакой награды...

Digitized by Google

— Не очень-то радуйтесь! У васъ будетъ пренесносная монахиня. Въ третьемъ классѣ самая надоѣдливая учительница...

— Да я вовсе не въ третій классъ поступаю, проговорила Антуанета, когда могла, наконецъ, вставить слово.

Лица воспитанницъ просіяли.

— А, такъ васъ перевели въ пятый!.. Я такъ и думала; это еще ничего не значитъ, что вы какъ будто знаете исторію...

— Не радуйтесь раньше времени, проговорила Антуанета, разсмѣявшись.—Знаю я или нѣтъ исторію, но меня перевели въ первый классъ.

Произошло общее смятеніе.

— Въ первый классъ!.. Новенькую, въ первый классъ!.. Тринадцати-то лѣтъ!

Луиза де-Монвель принялась ходить вокругъ Антуанеты, повторяя какъ бы съ удивленіемъ:

— Въ первый классъ!.. Да это какой-то феноменъ!

Уши Антуанеты покраснѣли еще сильнѣе, и она отвѣчала уже дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— Я останусь въ первомъ классѣ до пятнадцати лѣтъ, потомъ перейду въ спеціальный... Такимъ образомъ я окончу не раньше шестнадцати, какъ и всѣ на свѣтѣ! А вотъ вы кончите въ двадцать лѣтъ!.. Это вы феномены, а не я!..

Луиза, превышавшая Антуанету ростомъ на цѣлую голову, смѣрила ее насмѣшливымъ взглядомъ и проговорила:

— Что такое разсказываетъ „голубой кусочекъ"?..

На этотъ разъ дѣвочка поблѣднѣла, и глубокія складки легли по угламъ ея губъ.

— Берегитесь! проговорила она.

Голосъ ея прерывался; она съ трудомъ выговаривала слова.

Довольная произведеннымъ эффектомъ, Луиза продолжала:

— Чего мнѣ беречься?.. а?

Не получая отвѣта, она близко нагнулась къ Антуанетѣ и повторила ей прямо въ лицо:

— Чего мнѣ беречься, „голубой кусочекъ"?...

— Вотъ чего! сказала Антуанета, и звонкая пощечина раздалась въ отвѣтъ на ея слова.

Въ монастырѣ Св. Игнатія, славившемся своимъ хорошимъ тономъ, было строго запрещено драться. Правда, бы-

Digitized by Google

вали случаи, что новенькія, еще не усвоившія себѣ правилъ заведенія, пытались награждать оплеухами тѣхъ, кто слишкомъ сильно приставалъ къ нимъ. Но, чтобы кто-нибудь рѣшился поднять руку на дочь префекта, было дѣломъ неслыханнымъ. А потому общее удивленіе не имѣло границъ.

Въ первую минуту Луиза была совершенно ошеломлена такой неожиданной дерзостью; но когда Антуанета, уже раскаявшаяся въ своемъ поступкѣ, стала искренно извиняться передъ нею, она толкнула дѣвочку ногой. Ударъ пришелся въ бедро и былъ такъ силенъ, что Антуанета полетѣла на землю. Гибкая и ловкая, какъ котенокъ, она покатилась клубочкомъ, среди общаго смѣха, потомъ вскочила на ноги и кинулась на Луизу.

Поднялась настоящая свалка. Сначала воспитанницы готовились помочь новенькой, зная, что Луиза способна слишкомъ злоупотребить своей силой; но вскорѣ онѣ убѣдились въ безполезности своего вмѣшательства.

Луизѣ, любившей вывертывать руки маленькимъ, чтобы дать почувствовать свою силу, самой досталась на этотъ разъ порядочная встрепка.

Антуанета окончательно овладѣла собой и дралась хладнокровно, тяжелыми ударами кулака, и съ ловкостью обезьяны увертывалась отъ подставляемыхъ противницей „подножекъ.“ Вокругъ обѣихъ дѣвочекъ составился кружокъ; всѣ были, въ сущности, въ восторгѣ, что Луизу де-Монвель наконецъ проучили, и потому нарочно не звали на помощь.

Г-жа де-Преморель, занятая установкой кегель въ концѣ аллеи, не подозрѣвала о происходящей стычкѣ; подъ конецъ Луиза, взбѣшенная и выбившаяся изъ силъ, принялась кричать:

— Помогите! она убьетъ меня!..

Тогда и другія воспитанницы, боясь отвѣтственности, подняли, въ свою очередь, крикъ:

— М-me де-Преморель! скорѣе!.. скорѣе!..

Монахиня и безъ того спѣшила. Еще-бы!.. она видѣла, что ея любимицѣ приходится плохо, и бѣжала мелкими, торопливыми и смѣшными шажками. Покрывало ея и пелеринка развѣвались по вѣтру, придавая ей видъ огромной летучей мыши. Разумѣется, она торопилась, но, когда прибѣжала на мѣсто побоища, благоразуміе, управлявшее

Digitized by Google

всѣми ея дѣйствіями, взяло верхъ, и она предпочла не вмѣшиваться.

Конечно, тяжело было видѣть, какъ обижали ея любимицу, но, заступаясь, она сама могла получить какой-нибудь неловкій ударъ... И, право, объ этомъ стоило подумать...

Пока г-жа де-Преморель раздумывала, Антуанета, пользуясь оплошностью Луизы, успѣла положить ей обѣ руки на плечи, пригнула ее къ землѣ и, ловкимъ ударомъ колѣна въ животъ, въ свою очередь повалила на землю.

— Браво!.. браво!.. закричали наиболѣе храбрыя, не обращая вниманія на негодующее выраженіе лица г-жи де-Преморель, бросившейся поднимать дочь префекта.

Между тѣмъ Антуанета, увѣренная въ своей правотѣ, со спокойной совѣстью поправляла большой отложной воротникъ, смявшійся въ пылу битвы, и готовилась идти къ кеглямъ, когда возмущенная монахиня остановила ее:

— Г-жа де-Шампрё, ваше поведеніе ужасно!..

Дѣвочка не отвѣчала.

— Ужасно и недобросовѣстно!.. продолжала г-жа де-Преморель.

Антуанета обернулась.

— Недобросовѣстно?.. ну, ужъ нѣтъ!.. она двумя годами старше меня, и я ей ростомъ по поясъ.

— Но вы гораздо сильнѣе ея.

— Значитъ, она слабѣе, чѣмъ слѣдуетъ!.. это не моя вина!..

Не обращая вниманія на Луизу, около которой любовно хлопотала г-жа де-Преморель, воспитанницы увлекли Антуанету за собой. Общее настроеніе перемѣнилось въ ея пользу.

Однѣ были благодарны ей за то, что она проучила эту тихоню „исподтишка“, эту лицемѣрку, которую всѣ ненавидѣли, хотя и не рѣшались высказать это вслухъ. Другія, просто, восхищались смѣлостью, съ которой Антуанета накинулась на „любимицу начальства“; но какъ тѣ, такъ и другія удивлялись силѣ такой маленькой дѣвочки, едва видной отъ земли.

Мѣткость, съ которой Антуанета играла въ кегли, окончательно завоевала ей общія симпатіи; спорили, кому играть съ ней въ партіи, и въ концѣ концовъ стали тянуть ее на узелки. Передъ окончаніемъ рекреаціи, Антуа-

Digitized by Google

нета, окруженная новыми подругами, первенствовала среди воспитанницъ, и никто не хотѣлъ говорить съ Луизой, когда она, тщательно вычищенная и причесанная послѣ свалки, присоединилась къ играющимъ.

Проницательная Луиза сразу увидѣла, что новенькая успѣла завоевать популярность, въ ущербъ ея собственной, а потому сочла за лучшее подойти къ ней и съ любезной улыбкой протянуть ей руку.

— Забудемъ, что произошло, и будемъ друзьями. Вы согласны? спросила она.

Наивная, не имѣющая привычки вникать въ закулисную сторону вещей, Антуанета радостно, съ улыбкой и слезами на глазахъ бросилась къ своей противницѣ, которая такъ дружелюбно протягивала ей руку. Она не могла не сознаться, что порядкомъ оттузила дочь префекта, и теперь, искренно сожалѣя объ этомъ, отъ всего сердца отвѣтила на мягкое и вялое рукопожатіе Луизы, краснорѣчиво свидѣтельствовавшее о недостаткѣ ея искренности.

Менѣе простая, чѣмъ Антуанета, Люси Лефевръ не далась въ обманъ; разыгранная Луизой комедія нисколько не убѣдила ее. Она искоса взглянула на дочь префекта и проговорила со злымъ смѣхомъ:

— Такъ, такъ, будьте друзьями!.. Ты права... такъ будетъ разсчетливѣе!..

Престижу дочери префекта, видимо, наступилъ конецъ.

— Будьте увѣрены, что при первомъ-же случаѣ она отплатитъ вамъ, сказала Люси, обращаясь къ Антуанетѣ.—Вы удивительно легковѣрны!

Когда, по возвращеніи племянницы домой, г-нъ де-Лобуръ спросилъ ее, въ какой классъ она принята, Антуанета отвѣтила съ кажущимся равнодушіемъ:

— Въ первый...

— Что такое?.. переспросила маркиза, думая, что ослышалась.

Антуанета взглянула на тетку и повторила громко:

— Въ первый, въ первый! Вотъ видите!.. нечего было вѣчно кричать на меня... и попрекать, что я ничего не знаю, что я ничего не дѣлаю... да... вотъ я и въ первомъ классѣ... вмѣстѣ съ большими... Тамъ есть по восемнадцати лѣтъ!..

— Въ такомъ случаѣ, со страхомъ спросила г-жа де-

Digitized by Google

Лобуръ, обращаясь къ мужу, — она на будущій годъ уже выйдетъ изъ монастыря?..

Антуанета расхохоталась.

— Успокойтесь, милая тетушка!.. есть еще одинъ классъ... соотвѣтствующій философскому... такъ называемый „спеціальный"... Не старайтесь припомнить, вы все равно такого не знаете.

И, видя, что маркиза гнѣвно вскочила съ мѣста, она прибавила, желая смягчить дерзость своего отвѣта:

— Въ ваше время его не существовало!...

Не обращая вниманія на стукъ двери, съ силой захлопнутой его женой, бѣдный де-Лобуръ обратился къ Антуанетѣ:

— Отлично, мой милый Туанонъ! я доволенъ тобой... славно быть въ твои годы въ первомъ классѣ.

Антуанета гордо выпрямилась.

— Это еще не все, дядя, сказала она; — я отличилась еще больше.

— Что-же такое ты сдѣлала?

— Я подралась!..

— О!.. воскликнулъ маркизъ разочарованно, — такъ это ты называешь „отличиться"!

— Подралась съ шестнадцатилѣтней! съ восторгомъ продолжала дѣвочка, — съ большой... высокой и толстой!.. я ей дала такую трепку! — первый сортъ... посмотрѣлибы вы на нее, дядя Меланія!.. она меня первая задѣла!.. а потомъ сама взвыла!.. какъ я была рада!..

— Когда ты будешь благоразумнѣе?..

— А развѣ драться не благоразумно? Вотъ, напримѣръ, вчера, мною никто не восхищался въ монастырѣ... т. е. я говорю о воспитанницахъ, потому что до классныхъ дамъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Вотъ какъ?..

— Да; и еще сегодня утромъ, когда узнали, что я поступаю въ первый классъ, всѣ воротили отъ меня носы... не хотѣли знать меня... однимъ словомъ, взбѣсили меня... въ особенности, одна, которая говорила мнѣ невозможныя вещи...

— Напримѣръ?

— Да то, что я люблю голубое небо, поля, стихи, и т. д., потому что сегодня утромъ я смотрѣла изъ дилижанса на кусочекъ голубого неба.

Digitized by Google

— Такъ на что же тутъ сердиться?

— Можетъ-быть, и глупо любить голубое небо, но я не позволю, чтобы мнѣ говорили объ этомъ въ лицо.

— Однако...

— Да, не позволю!.. потомъ она назвала меня „феноменомъ"... и еще иначе...

— Какъ же она тебя назвала?

— *Голубымъ кусочкомъ*!.. однимъ словомъ, бранными словами.

— Голубымъ кусочкомъ?

— Да, это все изъ-за той исторіи въ дилижансѣ!.. Я кинулась на нее... и... вы можете себѣ представить, дядя Меланія, что̀ произошло...

— Боюсь и представить себѣ.

— Вотъ именно! А вы знаете, что̀ было дальше?

— Тебя наказали, конечно!

— Вовсе нѣтъ!.. совершенно напротивъ: всѣ воспитанницы сразу полюбили меня и отвернулись отъ той!.. И все это въ одну минуту... вотъ видите!..

— Что̀ я долженъ видѣть?

— А то, что я была права, считая драку гораздо важнѣе поступленія въ первый классъ... по крайней мѣрѣ, драка сразу поставила меня въ хорошія отношенія со всѣми...

— Изъ чего слѣдуетъ?

— Что сила полезнѣе знаній, дядя Меланія... О, я нисколько не сомнѣваюсь, что у насъ разные взгляды на этотъ счетъ.

— Дѣйствительно... и ты бы лучше сдѣлала, если-бъ не говорила о вещахъ, которыхъ еще не понимаешь.

— Однако сегодня я дошла до своего заключенія „путемъ опыта", какъ вы выражаетесь...

— Такъ какъ же ты думаешь, скоро ты привыкнешь къ своему монастырю? перебилъ г-нъ де-Лобуръ, желая положить конецъ разговору.

— Да, конечно!.. и, наконецъ, два года пройдутъ такъ скоро, что и не увидишь.

III.

Антуанета, дѣйствительно, очень скоро привыкла къ монастырю. Правда, съ ней бывали припадки сильнаго гнѣва и непослушанія, но все всегда „улаживалось", какъ она

Digitized by Google

выражалась, благодаря вмѣшательству и совѣтамъ г-жи Лазаресъ, нѣжно любившей свою воспитанницу. Были однако нѣкоторыя правила и требованія, которымъ дѣвочка рѣшительно отказывалась подчиняться. Такъ, напримѣръ, она никакъ не хотѣла помириться съ правиломъ, требовавшимъ, чтобы воспитанницы на всѣхъ своихъ вещахъ, подъ принадлежащимъ имъ нумеромъ, ставили четыре буквы: A. M. D. G. Уже самый обычай замѣнять свое имя нумеромъ крайне ей не нравился; но тѣмъ не менѣе она добросовѣстно помѣтила все ей принадлежащее большимъ „93", неумѣло вышитымъ. Нумеръ этотъ былъ всегда свободенъ, такъ какъ воспитанницы обыкновенно избѣгали его. Но когда Антуанетѣ сказали, что она 437-я и должна мѣтить свои вещи этимъ нумеромъ, она настоятельно стала просить, чтобы ей дали нумеръ 93-й.*) Мать-экономка, имѣвшая очень смутное понятіе о злодѣяніяхъ великаго Шампрё, спросила съ тревогой:

— Зачѣмъ вамъ понадобился этотъ ужасный нумеръ?.. развѣ и вы такая же революціонерка, какъ вашъ прадѣдъ?

— Положимъ, и я ничего не имѣю противъ революціи, но я вовсе не потому выбрала этотъ нумеръ.

— А почему же?

— Потому что приходится мѣтить двѣ цифры, а не три... вотъ и все!..

Немного успокоенная, мать-экономка хотѣла объяснить, гдѣ нужно помѣстить буквы A. M. D. G.

— Какъ, надо еще что-нибудь? воскликнула Антуанета, лѣность которой громко заговорила;—зачѣмъ это A.M.D.G.? Что̀ это значитъ?

— Это значитъ: „Ad Majorem Dei Gloriam...

— Ну, хорошо... такъ я поставлю просто D. G.: „Dei Gloriam..." это будетъ то же самое, только короче.

— Нѣтъ... вы должны намѣтить всѣ четыре буквы.

— Но зачѣмъ же?

— Затѣмъ, что это девизъ ордена іезуитовъ.

— Такъ мнѣ-то что? какое мнѣ дѣло до іезуитовъ? я не принадлежу къ ихъ ордену; зачѣмъ мнѣ брать ихъ девизъ?

— Затѣмъ, что таковъ обычай монастыря.

Антуанета заупрямилась.

*) Какъ извѣстно—годъ французской революціи.

Digitized by Google

— Я хочу видѣть M-me Лазаресъ!.. я ничего не стану мѣтить, пока не повидаю M-me Лазаресъ.

И она настояла на своемъ, ее повели къ инспектрисѣ, которая приняла ея сторону.

— Дѣйствительно, таковъ обычай, сказала смѣясь г-жа Лазаресъ,—но онъ не обязателенъ.

Однажды, когда Антуанета возвращалась изъ монастыря, она услышала голосъ тетки, кричавшей громче обыкновеннаго; дѣвочка остановилась у дверей библіотеки, не рѣшаясь войти.

— Оставьте меня, говорилъ г-нъ де-Лобуръ;—дѣлайте, что хотите, отправляйтесь куда хотите, только оставьте меня въ покоѣ.

Антуанетѣ показалось, что голосъ дяди не такъ спокоенъ, какъ всегда. Сотни разъ ей приходилось присутствовать при сценахъ, еще болѣе шумныхъ, но никогда сердце ея не сжималось такъ болѣзненно.

— Я боленъ, продолжалъ маркизъ; — сильно боленъ... эти вѣчныя ссоры чрезвычайны мнѣ вредны, вы отлично знаете это, и можно подумать, что нарочно хотите уходить меня.

Стоя у дверей, Антуанета испуганно прислушивалась. Боленъ... дядя Меланія боленъ!.. а она и не знаетъ объ этомъ! Когда-же онъ заболѣлъ?.. Неужели онъ умретъ, Боже мой!.. Теперь только дѣвочка поняла, какъ сильно любила дядю... Неужели она допуститъ мучить, истязать его, „уходить"?—ни за что на свѣтѣ.

Она, какъ бомба, влетѣла въ библіотеку.

Блѣдный, съ нервно дрожащими губами, маркизъ стоялъ, прислонившись къ рѣзному камину. При видѣ дѣвочки, его болѣзненно исказившееся лицо прояснилось.

Антуанета подбѣжала къ нему, потомъ, обращаясь къ теткѣ, проговорила съ улыбающимся лицомъ и злымъ взглядомъ:

— Тамъ ждетъ какой-то офицеръ въ гостиной.

— Сейчасъ, отвѣчала г-жа де-Лобуръ, поспѣшно выходя изъ комнаты.

Антуанета разразилась слезами.

— Что съ тобой? спросилъ маркизъ, удивленный слезами дѣвочки, которая никогда не плакала.

— Это дурно, очень дурно съ вашей стороны, дядя Меланія, что вы ничего не сказали мнѣ.

Digitized by Google

— Что такое?

— То, что вы больны!.. о, я отлично слышала, а она еще раздражаетъ васъ... какъ и всегда... какъ и всѣхъ, впрочемъ...

— Антуанета!..

— Вы не станете увѣрять меня, что она добрая, надѣюсь? Вы сами знаете, что этого нѣтъ.

Потомъ, подумавъ съ минуту:

— Я не хочу больше возвращаться въ монастырь!.. я хочу остаться съ вами, чтобы защищать васъ и ухаживать за вами...

— Но, вѣдь, это невозможно! Ты знаешь, что твоя тетка не...

— Ахъ! какое мнѣ дѣло до моей тетки!.. я ненавижу ее!.. а васъ я обожаю! въ особенности, теперь... Скажите, что вы согласны, чтобы я осталась. Скажите скорѣе... раньше чѣмъ она вернется.

— Чѣмъ она вернется?.. но, вѣдь, тамъ гости...

Антуанета расхохоталась.

— Офицеръ-то! тамъ такой-же офицеръ, какъ и я сама. Я сказала ей нарочно, чтобы высадить ее отсюда.

— Напрасно! это нехорошо... и твоя тетка будетъ недовольна.

— Вотъ ужъ это мнѣ безразлично!.. вѣдь, вы оставите меня при себѣ, дядя Меланія, навсегда?.. вѣдь, мнѣ ужъ четырнадцать съ половиной лѣтъ, хотя это и не видно!.. Я буду вашимъ секретаремъ... буду переписывать вамъ, сколько угодно, „*Европейскую дипломатію въ XIX вѣкѣ*“, хотя ужасно скучно, переписывать!.. Потомъ мы будемъ дѣлать большія прогулки въ лѣсу. Согласны?..

Маркизъ улыбнулся.

— Большія прогулки!.. да ты взгляни на меня, мой бѣдный Туанонъ; ну вотъ, опять слезы... перестань... нѣтъ ничего страшнаго умирать!.. рано или поздно это должно случиться; наконецъ, это отдыхъ... и можетъ быть... кто знаетъ... безконечная синева неба, которую ты такъ любишь... которую мы оба такъ любимъ...

— Я ничего не люблю, я люблю только васъ, сказала дѣвочка, всхлипывая. — Но что-же, наконецъ, съ вами, дядя Меланія, какая у васъ болѣзнь?

— Не все-ли тебѣ равно!

— Конечно, не все равно! я хочу знать, какая это болѣзнь?

Digitized by Google

— Гипертрофія сердца... ну что, довольна ты?.. а вотъ и звонокъ къ обѣду. Ступай внизъ, мой дорогой мальчикъ, и будь умницей. Ты понимаешь, что̀ я хочу сказать?..

— А вы, дядя Меланія, не сойдете внизъ?

— Я не голоденъ!.. ступай!.. ты вернешься сюда послѣ обѣда?

Г-жа де-Лобуръ уже сидѣла за столомъ; она обернулась, когда дѣвочка вошла, и, молча, сѣла на свое мѣсто.

— Ты сказала, что кто-то ждалъ меня въ гостиной.

— Да, тетушка...

— Тамъ никого не было!..

— Значитъ, мнѣ показалось.

— Странно!...

— . . . . . .

— А гдѣ-же дядя?

— Онъ не сойдетъ къ обѣду.

— Почему?

— Потому-что боленъ...

— Боленъ?.. въ самомъ дѣлѣ?

Антуанета, опустивъ голову, пристально смотрѣла въ тарелку, не рѣшаясь взглянуть на тетку; ей такъ и хотѣлось взять со стола тяжелый графинъ съ водой и пустить его въ голову маркизы. Въ эту минуту она готова была убить ее. По окончаніи обѣда, Антуанета бѣгомъ бросилась въ библіотеку. Г-жа де-Лобуръ послѣдовала за нею.

Тяжело дыша и страшно поблѣднѣвъ, маркизъ хотѣлъ подняться отъ стола, за которымъ писалъ, но снова опустился въ изнеможеніи.

— Туанонъ, сказалъ онъ, обращаясь къ дѣвочкѣ,—позвони Жермена; я хочу послать его сейчасъ-же съ письмомъ и телеграммой.

— Я передамъ ихъ сама, проговорила входя г-жа де-Лобуръ, и направилась къ столу, на которомъ лежали бумаги.

Антуанета бросилась къ нимъ одновременно съ теткой:

— Не трудитесь, тетушка, я отнесу сейчасъ.

— Оставь, пожалуйста, рѣзко возразила маркиза.

Дѣвочка отошла въ сторону; но она успѣла увидѣть то, что хотѣла. Замѣтивъ тревожный взглядъ, которымъ маркизъ проводилъ жену, уносившую его письма, Антуанета обвила руками шею дяди и прошептала на ухо:

Digitized by Google

— Будьте спокойны, дядя Меланія, все будетъ исполнено.

— Другъ мой, сказала г-жа де-Лобуръ, возвращаясь въ библіотеку,—тебѣ лучше было-бы пойти къ себѣ...

— Нѣтъ, при этихъ удушьяхъ я все равно не могу лежать... мнѣ здѣсь лучше... эта комната просторнѣе... здѣсь больше воздуха, чѣмъ въ спальнѣ.

— Но это безразсудно!.. Тебѣ будетъ несравненно лучше у себя.

— Я предпочитаю остаться здѣсь, возразилъ холодно маркизъ,—мнѣ здѣсь спокойнѣе!..

Антуанета поняла, что дядя хочетъ уйти отъ сценъ, неизбѣжныхъ при сосѣдствѣ его комнаты съ комнатой маркизы; но г-жа де-Лобуръ иначе смотрѣла на дѣло.

— Въ такомъ случаѣ и я принуждена буду перейти сюда, чтобы ухаживать за тобой.

— Очень тебѣ благодаренъ... но мнѣ не нужно ничьей помощи.

— Но вѣдь тебѣ немножко нездоровится сегодня...

— Немножко, дѣйствительно, съ горечью пробормоталъ маркизъ, который совершенно задыхался. — Я хочу быть одинъ... я жду соборнаго священника... съ которымъ мнѣ надо переговорить... безъ свидѣтелей... если только это возможно!...

Маркиза подняла крикъ:

— Священника?.. да ты съ ума сошелъ!.. можно, право, подумать, что ты собираешься умирать...

Маркизъ не отвѣчалъ ни слова. Антуанета, прижавшись въ уголокъ дивана, молча плакала.

— Къ тому-же, продолжала маркиза, — у него теперь служба; онъ не можетъ притти сегодня.

— Нѣтъ, онъ придетъ, какъ только получитъ письмо, которое я написалъ ему. А теперь мнѣ хотѣлось-бы отдохнуть немного...

— Ступай спать, Антуанета, сказала г-жа де-Лобуръ.

Дѣвочка подошла къ дядѣ и подставила ему лобъ. Маркизъ обнялъ ее, нѣжно поцѣловалъ и сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Оставь меня и ты, пожалуйста.

Въ отвѣтъ на это, г-жа де-Лобуръ усѣлась возлѣ лампы и развернула свою работу.

Digitized by Google

— Если вы, дѣйствительно, больны, то мое мѣсто возлѣ васъ, сказала она.

Антуанета прошла было въ свою комнату, потомъ спустилась въ кухню.

Прислуга обѣдала; при входѣ дѣвочки, всѣ почтительно поднялись съ мѣста.

— Жерменъ, сказала она,—ты любишь меня, не правда-ли?

— Вы сами знаете это, барышня! впрочемъ, не я одинъ, мы всѣ любимъ васъ.

— Такъ скажите, маркиза дала кому-нибудь изъ васъ письмо къ соборному священнику и телеграмму къ генералу де-Лобуру?

— Мы ничего не видали, барышня!

— Я такъ и знала!.. Послушай, Жерменъ; дядя боленъ, очень боленъ, ты понимаешь!

— Ужъ сколько времени, г-нъ маркизъ нездоровы, барышня.

— Онъ хочетъ повидаться съ братомъ... Я прочла телеграмму, въ которой онъ зоветъ его сюда... Ты поѣдешь съ девятичасовымъ поѣздомъ... будешь въ Сомюрѣ въ двѣнадцать часовъ ночи... постараешься добраться до генерала, подашь это письмо и вернешься не иначе, какъ вмѣстѣ съ нимъ... А теперь пусть кто-нибудь, какъ можно скорѣе, позоветъ мнѣ фіакръ... Я сама поѣду за священникомъ... И ей странно стало, что она такъ распоряжается въ домѣ тетки, разсылая ея людей, и она сказала имъ объ этомъ...

— Какъ ея людей? возразилъ буфетчикъ.—Да мы всѣ ваши, барышня. И лошади, и домъ, и все... все принадлежитъ вамъ, барышня. И если только...

Онъ оборвалъ на полусловѣ. Сверху, изъ дверей, ведущихъ на черную лѣстницу, послышался голосъ маркизы:

— Что, барышня легла спать?

— Скажите, что легла!.. сказала Антуанета, забиваясь въ уголъ.

Пять минутъ спустя, она ѣхала уже по направленію къ собору, въ одной изъ тѣхъ забавныхъ оборванныхъ колымагъ, похожихъ на гондолу, которыя еще до сихъ поръ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Служба только-что окончилась. Антуанета торопливо пробѣжала черезъ церковь и нашла священника въ ризницѣ, снимавшаго облаченіе.

Digitized by Google

Священникъ этотъ крестилъ Антуанету и конфирмовалъ ее. Независимость убѣжденій и даже вѣрованій дѣвочки, подчасъ, тревожила его, но онъ умѣлъ угадать сквозь заблужденія, происходящія отъ слишкомъ пылкой фантазіи дѣвочки, всю ея прямоту и искренность.

— Батюшка, сказала Антуанета,—поѣдемте со мной скорѣе, какъ можно скорѣе.

Видя, что дѣвочка пріѣхала совсѣмъ одна, священникъ спросилъ съ удивленіемъ:

— Развѣ вашей тетушки нѣтъ съ вами?

— Тутъ дѣло не въ тетушкѣ!

— Тѣмъ лучше!.. сказалъ старикъ, вѣшая свое облаченіе.—Я думалъ, ужъ не случилось-ли съ ней чего-нибудь!

„Если-бы такъ!“ подумала Антуанета и продолжала нетерпѣливо:

— Нѣтъ, не она, а дядя захворалъ... и очень серьезно!.. Онъ желаетъ повидать васъ... сейчасъ, сію минуту, отецъ мой!.. И, указавъ взглядомъ на швейцара и пѣвчихъ, вертѣвшихся въ ризницѣ, она прибавила:

— Мнѣ хотѣлось-бы переговорить съ вами съ-глазу-на глазъ.

Священникъ взялъ шляпу, отворилъ небольшую дверь и впустилъ дѣвочку въ церковный садикъ.

— Батюшка, начала она, дрожащимъ голосомъ, — дядя умираетъ...

И на недовѣрчивое движеніе священника:

— Да, да! онъ умираетъ!.. я вижу... я чувствую это!.. Онъ написалъ вамъ сегодня вечеромъ...

— Я ничего не получилъ...

— Я такъ и знала!.. Тетка не отправила письма... Она не хочетъ, чтобъ вы пріѣхали... оттого-то я и поспѣшила за вами, сама.

— Сію минуту... я...

— Надо будетъ заѣхать за докторомъ Шарденомъ. Въ это время онъ обыкновенно въ клубѣ... Если я явлюсь одна, онъ пошлетъ меня ко всѣмъ чертямъ; вы знаете, что онъ не церемонится... но васъ онъ выслушаетъ, батюшка!..

Лицо доктора было, по обыкновенію, пасмурно и недовольно, когда онъ спустился въ клубную пріемную, гдѣ ожидали его Антуанета и священникъ; но, при видѣ

Digitized by Google

страшно разстроеннаго лица дѣвочки, недовольство его сразу исчезло.

— Что такое? неужели что-нибудь серьезное? Этотъ сорванецъ, Туанонъ, не станетъ безпокоиться изъ-за пустяковъ... у нея есть голова на плечахъ!.. Право, я и самъ начинаю тревожиться!..

И, забывъ свою трость (что никогда не случалось съ нимъ), докторъ Шарденъ рѣшительно влѣзъ въ коляску.

Тутъ Антуанета съ отчаяніемъ разсказала все, что знала; разсказала о вѣчныхъ ссорахъ, о сценѣ, вызвавшей послѣдній припадокъ, объ утайкѣ письма и телеграммы.

— Надо дать знать генералу, сказалъ докторъ.

И когда дѣвочка объяснила, что она уже распорядилась, онъ воскликнулъ, ласково глядя на нее:

— Я говорю, что у этой дѣвочки есть голова на плечахъ!.. Ну полно, не плачь такъ, мы вылѣчимъ тебѣ твоего дядю!.. будь спокойна... я все сдѣлаю, что могу. Я вѣдь самъ люблю его, мы съ нимъ старые товарищи!.. и я спасу его... изъ эгоизма спасу... чтобы не лишиться добраго пріятеля!...

Антуанета покачала головой.

— Пожалуйста, проговорила она,—привезите сестру милосердія, чтобы ходить за нимъ!.. Онъ не долженъ ни минуты оставаться одинъ съ теткой!.. Она кричитъ!.. мучитъ его... отвратительная женщина... я ненавижу ее!. Знаете что, батюшка, если-бы Господь причинилъ ей четвертую долю того вреда, котораго я ей желаю, съ нея хватило-бы! И будьте благонадежны! я ничего больше не стала-бы просить у Бога, я-бы оставила Его въ покоѣ.

— Что вы, что вы, развѣ можно говорить такія вещи! пробормоталъ бѣдный священникъ испуганно.

Немного не доѣхавъ до дверей дома, Антуанета велѣла кучеру остановиться.

— У меня ключъ отъ сада, сказала она,—мы войдемъ потихоньку, и я держу пари, что мы услышимъ крикъ тетки, которая не подозрѣваетъ о нашемъ приближеніи.

Дѣвочка не ошибалась. Скрипучій голосъ маркизы долеталъ до нихъ черезъ запертыя двери библіотеки:

— Священникъ навѣрно не пріѣдетъ сегодня... но я пошлю за докторомъ Шарденомъ; надо узнать, что съ тобой...

Антуанета тихонько пріотворила дверь.

Digitized by Google

— Пусть Шарденъ спокойно играетъ въ свой вистъ, отвѣчалъ г-нъ де-Лобуръ дрожащимъ, задыхающимся голосомъ. — Зачѣмъ безпокоить его, я и самъ знаю, что̀ со мною... Нѣтъ!.. я-бы желалъ видѣть священника... Но ты права, онъ уже не пріѣдетъ сегодня!..

Антуанета широко распахнула двери.

— А, наконецъ-то! радостно воскликнулъ маркизъ.

При видѣ доктора и священника, г-жа де-Лобуръ поднялась съ мѣста, внѣ себя отъ удивленія; но, замѣтивъ Антуанету, которая отошла въ сторону, она поняла все.

— Ну что-же? это все, что ты имѣешь сказать мнѣ? проворчалъ шутливо докторъ, стараясь скрыть безпокойство, причиненное ему видомъ больного.—Не много-же. Говорятъ, ты плохо ведешь себя, дружище?

— Кто тебѣ сказалъ, что я плохо веду себя? спросилъ маркизъ.

Докторъ взялъ Антуанету за ухо.

— Я узналъ вотъ отъ этого пострѣленка. На, поцѣлуй ее!.. Она часто порядочно-таки невыносима, но при всемъ томъ славный мальчуганъ... и крѣпко любитъ тебя... ручаюсь за это.

Де-Лобуръ нѣжно привлекъ къ себѣ племянницу.

— Я самъ люблю тебя, Туанонъ! Когда ты будешь вспоминать о своемъ старомъ дядѣ, знай, что ты была его единственной радостью, единственнымъ счастьемъ, единственнымъ... кусочкомъ голубого неба.

— Не волнуйся, не волнуйся, вмѣшался докторъ.— Послушай-ка лучше; тебѣ неудобно въ этомъ креслѣ; мы устроимъ тебя на диванѣ... положимъ подушки. И тогда ты поговоришь съ батюшкой... если ужъ тебѣ такъ хочется!..

Маркиза и докторъ перешли въ гостиную и оставили больного наединѣ со священникомъ.

— Ну, что вы скажете, докторъ? спросила г-жа де-Лобуръ.

— Что же мнѣ сказать, сударыня!.. Это конецъ... Тутъ вопросъ въ нѣсколькихъ часахъ страшныхъ страданій.

Маркиза принялась плакать.

— Я никакъ не подозрѣвала... я не могла подумать...

— Однако, я еще два года тому назадъ предупреждалъ васъ!.. Онъ пріѣхалъ уже больной изъ Швеціи... Я тогда же говорилъ вамъ, что вашъ мужъ долженъ остерегаться

Digitized by Google

всякаго утомленія, всякихъ волненій, даже малѣйшихъ непріятностей...

Потомъ прибавилъ холодно:

— Исполняли-ли вы мои предписанія?

Въ эту минуту появился въ гостиной священникъ.

— Я сейчасъ вернусь со св. дарами и приведу сестру милосердія, сказалъ онъ вполголоса.

Г-жа де-Лобуръ продолжала плакать.

— Не могу-ли я быть чѣмъ-нибудь полезна? проговорила она.

— Не безпокойтесь, сударыня; я самъ останусь съ больнымъ до прибытія сестры милосердія, сказалъ докторъ,— и ужъ позабочусь о томъ, чтобы никто не нарушилъ спокойствія его послѣднихъ минутъ.

Маркиза почувствовала, что почва ускользаетъ изъ-подъ ея ногъ; она бросила на Антуанету злобный взглядъ.

Въ пять часовъ утра пріѣхалъ генералъ де-Лобуръ и успѣлъ еще проститься съ умирающимъ.

Когда все было кончено, онъ пожалъ Антуанетѣ руку. Дѣвочка, блѣдная, безъ слезъ, безучастно глядѣла вокругъ себя.

— Дорогая моя, сказалъ генералъ глубоко растроганнымъ голосомъ;—я вамъ обязанъ тѣмъ, что успѣлъ проститься съ братомъ...

Маркиза подозвала племянницу къ себѣ.

— Ступай спать, Антуанета, сказала она;—тебѣ необходимъ отдыхъ.

— Я хочу остаться съ дядей, возразила дѣвочка.

Она подошла къ дивану, взглянула съ любовью на прекрасное, спокойное лицо умершаго и нѣжно проговорила:

— Бѣдный дядя Меланія! въ первый разъ въ жизни я вижу тебя такимъ спокойнымъ.

Она сказала это такимъ грустнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ комическимъ тономъ, что докторъ Шарденъ невольно улыбнулся.

Взбѣшенная маркиза окончательно перестала владѣть собою, и, грубо схвативъ дѣвочку за руку:

— Тебѣ здѣсь не мѣсто! проговорила она.

Дѣвочка вырвала руку, и ей вдругъ пришло въ голову то, что сказалъ ей наканунѣ буфетчикъ.

— Мнѣ вездѣ мѣсто, въ моемъ собственномъ домѣ! воз-

Digitized by Google

разила она. И когда тетка, не помня себя отъ гнѣва, замахнулась на нее, она отступила къ дверямъ, говоря:

— Не здѣсь, только не здѣсь, пожалуйста! и вышла изъ комнаты.

Красная отъ бѣшенства, маркиза послѣдовала за нею.

— Ступайте къ себѣ въ комнату... Ступайте сейчасъ!.. Я приказываю вамъ... если вы не послушаетесь сію же минуту, я брошу васъ съ лѣстницы.

Антуанета презрительно пожала плечами.

— Я бы хотѣла посмотрѣть!..

Видя, что тетка готова броситься на нее, дѣвочка поблѣднѣла, какъ смерть, сжала кулаки и приготовилась дать ей отпоръ. Но тутъ вмѣшался старикъ Жерменъ.

— Не трогайте ее, сударыня!.. барышня, вѣдь, не задумается!.. она живо спуститъ васъ съ лѣстницы!.. Не даромъ М-lle Антуанета носитъ имя Шампрё; она по силѣ и по характеру вся въ отца!..

Генералъ де-Лобуръ взялъ невѣстку подъ руку и увелъ ее прочь.

— Я не могу оставаться здѣсь дольше! сказала Антуанета, обращаясь къ доктору.

— Во всякомъ случаѣ, бѣдное дитя мое, на первое время тетка должна быть твоей опекуншей.

— Но это невозможно!.. Я не могу жить съ нею!.. Я боюсь!.. Я просто боюсь ея!

Глаза дѣвочки какъ-то неестественно расширились. Докторъ хотѣлъ успокоить ее.

— Боишься?.. Полно, Антуанета; я просто не узнаю тебя!.. Развѣ потомокъ Шампрё можетъ бояться чего-нибудь! Это неслыханое дѣло!..

— Тутъ никакіе Шампрё не выдержатъ!.. Мнѣ страшно, говорю вамъ!.. Не оставляйте меня, докторъ... умоляю васъ, не уходите!.. или возьмите меня съ собой!..

— Но мнѣ необходимо навѣстить больныхъ!.. Я скоро вернусь... обѣщаю тебѣ... а пока, ступай, помолись у тѣла дяди, ступай, дорогая моя!..

Когда Антуанета вошла въ библіотеку, монахиня, приводившая комнату въ порядокъ, обратилась къ ней:

— Мнѣ бы надо пойти спросить нѣкоторыя вещи у прислуги; вы останетесь здѣсь минуточку, барышня?

— Идите, сестра, я побуду здѣсь...

Антуанета подошла къ дивану и устремила долгій взглядъ

Digitized by Google

на покойнаго. Ей почти казалось, что онъ откроетъ глаза, улыбнется, заговоритъ съ нею... Она невольно вспоминала тѣ счастливые часы, которые переживала съ нимъ въ этой самой библіотечной комнатѣ, среди книгъ и рукописей. На столѣ лежали еще неоконченныя страницы *Европейской дипломатіи XIX вѣка.* Знакомый, красивый почеркъ вызвалъ новыя слезы на глаза дѣвочки. Бѣдный дядя Меланія!.. Какъ часто она поднимала на смѣхъ его „великій трудъ", какъ она выражалась!.. Какъ часто зато, видя, что дядя сердится, она садилась къ нему на колѣни и до тѣхъ поръ не переставала увѣрять, что никогда больше не будетъ „затрогивать" его *Европейской дипломатіи*, пока старикъ не улыбнется и не проститъ ее... Она даже не подозрѣвала, что онъ боленъ! Бѣдный дядя зналъ, что дни его сочтены и не говорилъ ни слова, изъ боязни огорчить ее!.. Если бы, наканунѣ, Антуанета случайно не остановилась у дверей, на крикъ тетки, она такъ ничего и не узнала бы!.. И дядя скончался бы безъ причащенія, безъ доктора, не простившись съ братомъ!.. Его бы мучили до послѣдней минуты!.. При этой мысли, ненависть Антуанеты къ маркизѣ проснулась съ новою силою. Она бросилась на колѣни, призывая на помощь Всевышняго, и закричала охрипшимъ отъ волненія голосомъ:

— Господи!.. Господи!.. убей ее, молю Тебя!..

При настоящемъ смятеніи ея мыслей, тетка представлялась ей чудовищемъ. Вѣчныя сцены, крикъ, брань и вульгарность этой женщины принимали въ глазахъ дѣвочки фантастическіе размѣры. Все зло, которое маркиза причинила другимъ, просто въ силу своего несчастнаго характера, казалось Антуанетѣ намѣреннымъ, разсчитаннымъ. Вмѣстѣ съ ненавистью къ теткѣ росъ въ дѣвочкѣ и страхъ передъ нею; при мысли, что ей придется жить съ этой женщиной, что она можетъ войти въ комнату сейчасъ, сію минуту,—Антуанета рѣшилась бѣжать. Но тутъ ею овладѣло новое раздумье. Въ правѣ ли она бросить такъ, одного, бѣднаго дядю Меланію?.. А почему же нѣтъ?.. Вѣдь, ему теперь никого и ничего не нужно!.. Для него нѣтъ больше ни печали, ни воздыханій!

Она снова подошла къ постели умершаго.

— Какъ вамъ хорошо, какъ спокойно теперь, дядя Меланія! прошептала она.

Digitized by Google

Дѣвочка, крадучись, вышла изъ библіотеки, бѣгомъ спустилась съ лѣстницы, прошла садомъ, осторожно пробираясь между кустами, и вышла на улицу.

Былъ полдень. Городъ былъ почти пустъ, и Антуанета, незамѣченная, добралась до предмѣстій. Тамъ она пошла по дорогѣ въ Сомюръ, сама не зная, куда и зачѣмъ она идетъ. Она шла, гонимая непреодолимымъ страхомъ, не спрашивая себя о цѣли своего безсмысленнаго бѣгства.

Шелъ дождь. Промокшая, дрожа отъ холода, дѣвочка хотѣла было просить убѣжища у доктора Шардена; онъ добръ, несмотря на свою суровую внѣшность; онъ — старый другъ ея отца! Но нѣтъ! Можетъ-быть, ее уже разъискиваютъ?.. Если она вернется въ городъ, ее узнаютъ и отведутъ къ теткѣ!.. Все, что̀ угодно, только не это!.. Вдругъ она вспомнила о монастырѣ... Вѣдь, опекунъ поручилъ ее сестрамъ Св. Игнатія, значитъ, онѣ не могутъ не оказать ей покровительства. Антуанета хорошо знала окрестности Трувиля, потому что привыкла дѣлать большія прогулки верхомъ. Она знала, что если идти наперерѣзъ, полями, то до монастыря не будетъ и двухъ часовъ пути.

Она снова двинулась впередъ, по лугамъ и пашнямъ; теперь она уже не бѣжала; она чувствовала какую-то слабость въ ногахъ и тяжесть въ головѣ. Путь казался ей безконечнымъ; но когда она очутилась, наконецъ, у рѣшетки монастыря, на нее снова напалъ страхъ, что ее могутъ отвезти къ теткѣ, и она не рѣшалась позвонить. Смеркалось; не считая возможнымъ провести ночь на большой дорогѣ, дѣвочка попыталась проникнуть незамѣченною въ паркъ. Она пошла вдоль высокой монастырской ограды и, дойдя до калитки, ведущей на ферму, остановилась въ радостномъ удивленіи: калитка была отворена.

Антуанета пошла по большой платановой аллеѣ. Холодный и частый дождь сѣялъ, не переставая. Мокрая юбка липла къ колѣнямъ и затрудняла ходьбу; дѣвочка съ трудомъ передвигала ноги. Ей казалось, что по головѣ ея бьютъ молоты. Окоченѣвшая, изнемогающая отъ слабости, она сѣла подъ однимъ изъ платановъ и отвела съ лица мокрые волосы, прилипавшіе ко лбу. Зрѣніе ея мутилось; деревья какъ будто склонялись къ ней со всѣхъ сторонъ; силы окончательно покидали ее, и она легла на мокрую дорожку.

Digitized by Google

Никогда не знавшую болѣзни, Антуанету обуялъ страхъ. Что если это конецъ, и она должна умереть здѣсь, сейчасъ же?

Потомъ, при видѣ своихъ изорванныхъ башмаковъ, мокраго, въ лохмотьяхъ, платья и при мысли о томъ, какъ она лежитъ тутъ, въ жидкой грязи, природный юморъ еще разъ взялъ верхъ, и она пробормотала насмѣшливо:

— Воображаю, какую рожу скорчила бы тетушка, если бы увидѣла послѣдній отпрыскъ Шампрё въ такомъ плачевномъ видѣ!

Слабость постепенно увеличивалась; Антуанета не различала уже отчетливо окружающихъ предметовъ, но зато воспоминанія съ величайшей ясностью и мельчайшими подробностями тѣснились въ ея маленькой головѣ. Она живо представляла себѣ, какъ дядя ввелъ ее въ пріемную, въ день ея поступленія къ Св. Игнатію... Видѣла битву съ Луизой де-Монвель!.. Сцены въ дилижансѣ!.. Вспоминала, какъ г-жа Лазаресъ встрѣтила ее въ этой самой аллеѣ... и тогда тоже шелъ дождь... Инспектриса была въ деревянныхъ башмакахъ и держала въ рукахъ красный зонтикъ...

И вдругъ Антуанета увидѣла надъ своей головой тотъ самый красный зонтикъ и склонившееся угловатое, морщинистое лицо г-жи Лазаресъ, которая говорила, какъ и въ тотъ разъ:

— Антуанета!.. Милая моя Антуанета!.. Какъ вы сюда попали?..

Знакомое, ласковое лицо монахини пріободрило дѣвочку; она хотѣла приподняться, отвѣтить что-то, но снова упала навзничь, безсознательно глядя въ пространство.

— Спрятаться!.. Она ищетъ меня!.. пробормотала Антуанета едва слышно.

Г-жа Лазаресъ стала звать на помощь. Антуанета видѣла, какъ прибѣжалъ садовникъ; чувствовала, что ее подняли съ земли и понесли, и что ей стало не такъ холодно; но отъ движенія боль въ головѣ сдѣлалась еще нестерпимѣе, несмотря на всѣ предосторожности, съ которыми несъ ее сторожъ.

— Бѣдняжка 93! повторялъ садовникъ.—Что̀ такое съ нею приключилось?

Садовникъ не зналъ имени Антуанеты, но отлично помнилъ ея нумеръ. Сколько разъ ему приходилось под-

бирать въ саду забытую шляпку, передникъ, перчатки или книги.

Разсѣянная дѣвочка вездѣ разбрасывала свои вещи, и садовникъ, найдя что-нибудь, говорилъ про себя:

— Объ закладъ побьюсь, что это опять 93 обронила!..

И онъ рѣдко ошибался. Въ слѣдующую рекреацію Антуанета уже бѣжала къ нему, вся красная, съ взъерошенными волосами.

— Амбруазъ, не нашли-ли вы чего-нибудь?

— Съ мѣткой 93, барышня?

— Да, да, Амбруазъ!.. Спасибо!.. Я всегда все растеряю!..

И дѣвочка убѣгала, смѣясь.

Когда садовникъ, сопровождаемый г-жей Лазаресъ, несъ Антуанету по монастырскому двору, воспитанницы какъ разъ шли въ столовую. Инспектриса сказала нѣсколько словъ ведущей ихъ монахинѣ, и дѣвочка услышала, сквозь шумъ въ вискахъ, какъ по рядамъ пробѣжалъ шопотъ:

— Боже мой!.. Да это „голубой кусочекъ"!

— Что съ нею случилось?

— Въ самомъ дѣлѣ, ея сегодня не было видно!..

— Она, вѣрно, упала въ прудъ?

— Не можетъ быть!..

— Навѣрное!.. Видите, она вся мокрая.

— „Голубой кусочекъ" утонула въ прудѣ!..

Это были послѣднія слова, слышанныя Антуанетой; въ вискахъ ея застучало еще сильнѣе, въ горлѣ пересохло, зубы невольно стиснулись, голова безпомощно откинулась назадъ, и дѣвочка лишилась чувствъ.

Она пришла въ себя среди говора какихъ-то голосовъ, въ числѣ которыхъ различала грубоватый басъ доктора Шардена.

— Чортъ знаетъ, что такое! говорилъ онъ.—Да это воспаленіе мозга!.. Въ которомъ часу ее нашли?

— Вчера, въ семь часовъ вечера! послышался отвѣтъ г-жи Лазаресъ.—Я возвращалась съ фермы, и чуть не наступила на нее; она лежала поперекъ дорожки, съ широко открытыми глазами... молча... ни на что не жалуясь...

— Да, сначала кончина бѣднаго де-Лобура, потомъ страхъ остаться вдвоемъ со своей милѣйшей тетушкой и, наконецъ, это путешествіе подъ проливнымъ дождемъ...

Столько потрясеній... Вотъ и схватила воспаленіе мозга! Вѣдь, она находилась въ пути около семи часовъ; изъ дому она исчезла ровно въ двѣнадцать...

И, не выдержавъ, онъ прибавилъ:

— Дрянь этакая, эта тетка!.. Попадись она мнѣ!..

Но тотчасъ же опомнился и обратился къ монахинѣ:

— Извините меня, мать-настоятельница,—когда меня выведутъ изъ терпѣнія, я не помню, что̀ говорю!..

Антуанета лежала безъ движенія. Послѣ невыразимыхъ страданій, она ощущала теперь удивительное, почти блаженное спокойствіе. Она чувствовала, что окружена друзьями, которые навѣрное не выдадутъ ее теткѣ. Теперь она можетъ умереть спокойно, не слыша ненавистнаго, скрипучаго̀ голоса маркизы, не видя изгибовъ ея безконечной шеи и движенія ненавистныхъ, длинныхъ пальцевъ, усѣянныхъ кольцами.

— Бѣдная дѣвочка! продолжалъ докторъ, — какъ она умоляла меня вчера утромъ не уѣзжать, не оставлять ее одну,—а я не послушался. Но могъ развѣ я ожидать то, что случилось!

— Неужели нѣтъ спасенія, докторъ? съ тревогой спросила настоятельница. — Можетъ быть, она придетъ еще въ себя?..

— Можетъ быть... Но это ничего не значитъ!.. Вы можете, батюшка, на всякій случай благословить ее, сказалъ онъ, обращаясь къ монастырскому священнику.

Антуанета слышала все, отъ слова до слова. Она почти не страдала теперь. Острая боль утихла, и она чувствовала только какую-то тяжесть. Ей казалось, что голова ея наполняется водою, и это было почти пріятное ощущеніе. Вспоминая искаженное страданіями лицо дяди и его прерывающееся дыханіе, она говорила себѣ:

— Бѣдному дядѣ Меланіи было гораздо тяжелѣе.

Въ эту минуту докторъ взялъ ея руку.

— Жаръ уменьшается, сказалъ онъ,—это плохой признакъ. Какая у ней была здоровая натура!

Но тутъ Антуанета открыла глаза; она хотѣла посмотрѣть, гдѣ она, и поблагодарить тѣхъ, кто принимаетъ въ ней такое участіе.

Она тотчасъ же узнала комнату инспектрисы; веселую, свѣтлую комнату, выходящую на востокъ, въ которую прямо падали лучи утренняго солнца.

Digitized by Google

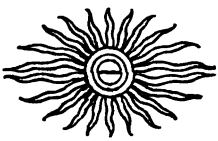
Вокругъ кровати стояли г-жа Лазаресъ, настоятельница, докторъ и монастырскій священникъ.

Обрадованная тѣмъ, что дѣвочка открыла глаза, инспектриса наклонилась надъ нею.

— Ну, что? спросила она.

У бѣдной г-жи Лазаресъ, всегда такой чопорной и важной, крестъ съѣхалъ на плечо, клобукъ сползъ на сторону. Антуанета засмѣялась, при видѣ ея; потомъ, указавъ блѣднымъ пальцемъ на ясное небо, которое само словно тянулось къ ней навстрѣчу, въ открытое окно, она утомленно закрыла глаза.

— Ну, что-жъ, повторила она,—и я унесусь туда, въ безконечную синеву неба...



Digitized by Google

Путешествіе по Сибири.

Очеркъ **А. Брема**. (Переводъ съ нѣмецкаго).

Съ благодарностью простились мы съ обѣими столицами русскаго государства. Радушный пріемъ, оказанный намъ, превзошелъ самыя смѣлыя наши ожиданія, и мы двинулись дальше, снабженные рекомендательными письмами, всю важность которыхъ мы узнали только впослѣдствіи.

До Нижняго-Новгорода мы пользовались современными путями передвиженія, но за нимъ узнали по опыту, что̀ значитъ сдѣлать по Россіи нѣсколько тысячъ верстъ зимою и лѣтомъ, въ дождь и вьюгу, въ саняхъ и на колесахъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ насъ ожидала огромная, крѣпкая дорожная кибитка, обтянутая по всѣмъ швамъ скобами, запряженная тройкою, съ весело позванивающимъ подъ дугою колокольчикомъ.

19-го марта мы тронулись въ путь по гладкой, ледяной поверхности Волги. Но оттепель, сопровождавшая насъ изъ Германіи въ Россію, изъ Петербурга въ Москву, стала нашимъ постояннымъ спутникомъ, точно сами мы были вѣстниками весны. Зіяющія щели во льду, наполненныя водою, обдававшей брызгами лошадей, сани и насъ самихъ, или заставлявшія дѣлать совершенно непроизводительные объѣзды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подозрительныя потрескиванія льда побудили насъ оставить гладкую поверхность рѣки и перемѣнить ее на проѣзжую лѣтнюю дорогу. Дорога эта, по которой тянутся безчисленные обозы, сдѣлалась для насъ истинною стезею мученій. Мокрый, рыхлый снѣгъ покрывалъ ее еще болѣе, чѣмъ на аршинъ; по сторонамъ дороги уже бѣжали ручьи. Несчастныя, запряженныя гуськомъ лошади съ трудомъ нащупывали подъ ногами твердую землю; онѣ дѣлали отчаянные прыжки, стараясь по-

Digitized by Google

пасть въ слѣдъ проѣхавшихъ раньше лошадей, но безпрестанно проваливались по брюхо въ мокрый снѣгъ или обледенѣлую воду. А за ними, покрякивая во всѣхъ швахъ на ухабахъ, подпрыгивала наша кибитка, иногда проваливаясь въ яму, изъ которой по цѣлымъ часамъ не могли ее вытащить выбивающіяся изъ силъ лошади. Жалобно позвякиваетъ колокольчикъ, тщетно кричитъ, понукаетъ, ругается и стегаетъ лошадей ямщикъ; только съ посторонней помощью мы выбираемся изъ ямы и продолжаемъ путь.

Мучительно тянутся часы; дорога кажется вчетверо или впятеро длиннѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Смотрѣть по сторонамъ изъ кибитки почти не стоитъ труда, потому что кругомъ разстилается пустынная, некрасивая равнина. Только въ деревняхъ можно найти что-нибудь интересное, но и то лишь тому, кто любитъ и привыкъ наблюдать. Зима еще удерживаетъ весь деревенскій людъ по избамъ, красиво построеннымъ, но плохо содержимымъ; только маленькіе мальчуганы, одѣтые въ тулупы, шлепаютъ босикомъ по мокрому снѣгу и лужамъ, черезъ которыя болѣе взрослые мальчики и дѣвочки перебираются на ходуляхъ, да вокругъ почтовыхъ станцій и постоялыхъ дворовъ праздно шатаются нищіе, но какіе нищіе! Такіе, отъ которыхъ любой художникъ пришелъ бы въ такой же неистовый восторгъ, какъ и я самъ. Когда, прося милостыню, они снимали шапку, то ихъ почтенная лысина, ихъ длинная бѣлая борода, грязь и отрепья, покрывавшія ихъ тѣло, дѣлали ихъ такимъ живымъ олицетвореніемъ отрекшихся отъ міра подвижниковъ, что я нарочно подавалъ имъ милостыню, чтобы только увидѣть это широкое троекратное, а иногда и девятикратное крестное знаменіе, которымъ они осѣняли себя — такое выразительное, такое проникновенное, какимъ могли осѣнить себя только истинные христіане.

Въ поляхъ и лѣсахъ, гдѣ зима еще слишкомъ даетъ себя знать, кромѣ сѣрой вороны да овсянки, мы не встрѣчали почти ни одной птицы; въ деревняхъ же насъ привѣтствовали, по крайней мѣрѣ, очаровательныя галки, лучшее украшеніе деревенскихъ крышъ, черные вороны, сороки и другія птицы, не говоря уже о домашнихъ животныхъ, изъ которыхъ больше всего бросались въ глаза бродящія на свободѣ свиньи.

Digitized by Google

Послѣ четырехъ сутокъ непрерывнаго пути, безъ сна, безъ отдыха, безъ достаточной пищи, разломанные и разбитые, мы достигли, наконецъ,—перейдя пѣшкомъ черезъ ненадежный ледъ Волги, — Казани, башни которой уже наканунѣ привѣтливо глядѣли на насъ. Мнѣ казалось, что я опять на Востокѣ. Съ минаретовъ и остроконечныхъ деревянныхъ башенъ раздавался голосъ муэдзина, призывавшаго правовѣрныхъ къ молитвѣ. Среди прохожихъ въ чалмахъ сновали черноокія женщины, боязливо закрываясь чадрами передъ своими единовѣрцами и съ любопытствомъ открывавшія передъ нами лицо; онѣ осторожно пробирались возлѣ домовъ, чтобы не промочить свои мягкія, красивыя желтыя чувяки; на базарѣ, пестрой толпой, тѣснился старъ и младъ; все совершенно такъ, какъ на Востокѣ. Только пышныя церкви, среди которыхъ особенно замѣчателенъ, по расположенію и архитектурѣ, монастырь во имя „Нерукотворной Казанской Божіей Матери", мало вязались съ этой картиной, доказывая, однако, въ какомъ мирѣ и согласіи живутъ здѣсь между собою христіане и магометане.

Смѣнивъ свою тяжелую повозку на болѣе легкія сани, мы двинулись дальше, по направленію къ Перми и Уралу. Дорога пролегаетъ по русскимъ и татарскимъ деревнямъ и по окружающимъ ихъ полямъ и лѣсамъ. Татарскія деревни выгодно отличаются отъ русскихъ отсутствіемъ свиней, считающихся у нихъ нечистымъ животнымъ, и хорошенькими, обсаженными деревьями, кладбищами; татаринъ привыкъ чтить память своихъ усопшихъ, русскій же чтитъ только память святыхъ. Лѣса, хотя и раздѣленные правильно на участки, могутъ быть названы вполнѣ дѣвственными лѣсами: они растутъ, старѣютъ и гибнутъ безъ всякаго участія человѣка. Черезчуръ большія разстоянія отъ сплавныхъ рѣкъ не позволяютъ правильно эксплуатировать ихъ.

Двѣ большія рѣки, Вятка и Кама, пересѣкаютъ нашъ путь. Онѣ еще скованы льдомъ, но весна начинаетъ уже кое-гдѣ разрушать ихъ ледяные покровы. По берегамъ выступаетъ вода, и обозы, избѣгающіе устроенныхъ въ такихъ мѣстахъ настилокъ, переходятъ прямо вплавь, при чемъ сани, какъ лодка, плывутъ позади лошади.

Еще не доѣзжая Перми, намъ пришлось замѣнить сани дорожной каретой и въ ней пересѣчь Уральскій хребетъ,

Digitized by Google

отдѣляющій Европу отъ Азіи. Путь пролегаетъ черезъ отлогія, невысокія, но постепенно идущія вверхъ, гряды холмовъ. Характеръ мѣстности измѣняется; глазъ встрѣчаетъ если и не грандіозныя, то, во всякомъ случаѣ, хорошенькія горныя картинки. Небольшія рощицы, поля и луга напоминаютъ предгорья Штейермаркскихъ Альпъ. Рощи состоятъ то изъ низкорослыхъ сосенъ, то изъ березъ, то изъ березъ и сосенъ вперемежку съ липами, осинами, черными и серебристыми тополями, надъ круглыми маковками которыхъ возвышаются несравненныя, кипарисообразныя вершины пихты или сибирской ели. Деревни становятся больше, избы лучше всѣхъ видѣнныхъ нами раньше, но дороги скверны, невообразимо скверны. Послѣ трехдневнаго тяжелаго пути, мы достигаемъ, наконецъ, водораздѣла двухъ большихъ рѣкъ, Волги и Оби, и по пограничному каменному столбу, на одной сторонѣ котораго стоитъ „Европа", на другой— „Азія", мы узнаемъ, что переступили черту нашей родной страны Свѣта! Подъ звонъ стакановъ мы вспоминаемъ объ отсутствующихъ близкихъ...

Мы не можемъ остановиться надолго въ привѣтливомъ, гостепріимномъ Екатеринбургѣ, съ его золотоплавильными заводами и гранильными фабриками; ибо весна все могучѣе и громче заявляетъ о своемъ приближеніи, все рыхлѣе и мягче становится ледъ на рѣкахъ, который долженъ служить намъ мостами до самаго далекаго Омска. Не останавливаясь, спѣшимъ мы дальше, по равнинамъ азіатской части Пермской губерніи, пока не достигаемъ ея границы, а съ нею вмѣстѣ и границы Западной Сибири.

Здѣсь, на первой же почтовой станціи, насъ привѣтствуетъ отъ имени губернатора тюменскій уѣздный начальникъ, готовый сопровождать насъ по своему уѣзду. Въ Тюмени мы нашли приготовленный къ нашему пріѣзду домъ одного изъ богатыхъ обывателей города и тутъ узнали еще ближе, что̀ значитъ настоящее русское гостепріимство. И до сихъ поръ насъ вездѣ принимали съ величайшимъ радушіемъ; но, начиная отъ Тюмени, всѣ высшіе сановники округа или губерніи заботятся о насъ, знатнѣйшіе дома гостепріимно открываютъ передъ нами свои двери. Насъ встрѣчаютъ, какъ принцевъ крови, единственно благодаря тому, что мы преслѣдуемъ научныя

Digitized by Google

цѣли. Выразить съ достаточной горячностью нашу благодарность нѣтъ средствъ, не хватаетъ словъ.

За Тюменью, на осмотръ которой, какъ перваго сибирскаго города, мы употребили три дня, крестьяне показали намъ, какъ они умѣютъ справляться даже съ рѣками. Приближающаяся весна тронула уже ледъ на Пышмѣ, и льдины начинали приходить въ движеніе, а между тѣмъ мы намѣревались еще переѣхать рѣку на колесахъ. Въ ожиданіи нашего прибытія, населеніе села Романовскаго стояло съ непокрытыми головами на берегу Пышмы, которая тоже, какъ будто, только и ждала насъ, чтобы сбросить свои ледяныя оковы. Съ большимъ искусствомъ и смѣлостью былъ устроенъ временной мостъ черезъ свободную ото льда часть рѣки, при чемъ главною его опорою служила большая лодка, а льдины, грозившія двинуться съ мѣста, были *привязаны* крѣпкими бечевами и веревками. Привычныя руки распрягли наши, заложенные пятернею, экипажи, взялись за оси и спицы колесъ и перевезли всѣ повозки, одну за другою, черезъ колеблющійся, гнущійся и скрипящій мостъ, который, такимъ образомъ, вполнѣ выполнилъ свое назначеніе, и мы снова весело помчались дальше, по снѣгу и грязи, по водѣ, по льду и по бревенчатымъ плотинамъ.

Менѣе податливъ оказался Тоболъ, который мы намѣревались переѣхать 14 апрѣля, въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, въ первый, дѣйствительно, весенній день. И здѣсь ужъ сдѣланы были всѣ приготовленія для нашей переправы, одинъ изъ экипажей былъ уже распряженъ и вкаченъ на ледъ, какъ вдругъ одна льдина съ трескомъ отдѣлилась, уничтожила переправу и заставила насъ вернуться. Бубенчики, весело позванивавшіе при нашемъ выѣздѣ изъ Ялуторовска, теперь грустно побрякивали при нашемъ возвращеніи въ этотъ городъ, и только въ первый день Пасхи намъ удалось переправиться черезъ рѣку на паромѣ.

Такимъ образомъ подвигались мы дальше. Рѣки одна за другой вскрывались или до нашего прибытія, или тотчасъ вслѣдъ за нами. Только ледъ на Иртышѣ стоялъ еще надежно и крѣпко, и, переѣхавъ черезъ него, мы достигли, наконецъ, послѣ мѣсяца слишкомъ пути, Омска, новаго города Западной Сибири.

Осмотрѣвъ городъ, мы двинулись по правому бере-

Digitized by Google

гу Иртыша, по направленію къ Семипалатинску. Еще ранѣе, между Ялуторовскомъ и Омскомъ, намъ пришлось пересѣчь степь—Ишимскую; теперь же степь охватывала насъ со всѣхъ сторонъ, и каждую ночь поднималось къ небу красное зарево пожара отъ опаливаемыхъ прошлогоднихъ травъ. Вдоль по Иртышу летѣли уже къ сѣверу перелетныя птицы, вслѣдъ за идущимъ по рѣкѣ льдомъ; водяныя птицы массами покрывали степныя озера; различныя породы жаворонковъ большими стаями вились близъ дороги; красивые степные соколы уже успѣли возвратиться на свое лѣтнее мѣстопребываніе—словомъ, весна стала совершившимся фактомъ.

Въ Семипалатинскѣ мы имѣли счастье найти, въ лицѣ просвѣщеннаго начальника области, горячаго ревнителя нашихъ научныхъ цѣлей, а въ лицѣ его супруги—радушную, любезную хозяйку. Не довольствуясь гостепріимствомъ, оказаннымъ намъ въ Семипалатинскѣ, генералъ пожелалъ познакомить насъ съ главною составною частью населенія своей области—киргизами, и устроилъ съ этою цѣлью грандіозную охоту на архаровъ или дикихъ барановъ, вдвое превосходящихъ величиною нашихъ домашнихъ овецъ.

Мы отправились на охоту 3 мая; переѣхали черезъ Иртышъ и по Ташкентской почтовой дорогѣ направились въ киргизскую степь. Послѣ шестнадцати часовъ ѣзды, мы достигли гористой мѣстности, въ которой предполагалась охота, и гдѣ, въ честь насъ, былъ разбитъ цѣлый киргизскій аулъ. Здѣсь насъ любезно встрѣтила выѣхавшая уже наканунѣ супруга генерала, и радушно привѣтствовали десятка два киргизскихъ хановъ и старшинъ, со своею многочисленною свитой.

Величайшее оживленіе царило въ Аркатскихъ горахъ въ три послѣдующіе дня. Для киргизовъ, какъ и для насъ, наступилъ праздникъ. Горы и равнина звенѣли подъ копытами лошадей принимавшихъ участіе въ охотѣ восьмидесяти всадниковъ; солнце весело лило свой свѣтъ на пестрыя одежды киргизовъ, шумная жизнь кипѣла въ горахъ и ущельяхъ. Когда-то грозные хищники, а теперь самые мирные, вѣрные и довольные своею судьбою подданные Россійскаго государства, киргизы явились со своими лучшими скакунами, цѣнными иноходцами, борзыми собаками, верблюдами, импровизаторами-музыкантами, кулач-

Digitized by Google

ными бойцами и проч. Они сидѣли живописными группами и отдѣльными кучками, лихо скакали и джигитовали на своихъ лошадяхъ; съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за единоборствомъ своихъ бойцовъ, съ восхищеніемъ любовались скакунами, на которыхъ скакали мальчики; искусно и умѣло руководили охотой и съ восторгомъ слушали слова импровизатора-пѣвца, воспѣвавшаго охоту. Импровизація его была не особенно богата содержаніемъ, но, во всякомъ случаѣ, настолько своеобразна, что я записалъ его слова, какъ образчикъ киргизскаго стихотворнаго искусства. Пока пѣвецъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ цитры, и переводчикъ повторялъ его слова по-русски, а генералъ переводилъ ихъ мнѣ по-нѣмецки, я успѣвалъ заносить ихъ въ свою записную книжку:

„Говори, красный языкъ, говори, пока ты живъ—послѣ смерти ты будешь нѣмъ.

„Говори, красный языкъ, данный мнѣ Богомъ—послѣ смерти ты будешь безмолвствовать.

„Слова, которыя ты произнесешь теперь, будутъ принадлежать тебѣ и послѣ смерти.

„Людей, высокихъ, какъ горы, я вижу передъ собой, и я хочу сказать имъ правду.

„Я вижу передъ собой словно горы и скалы; съ благородными скакунами я могу сравнить этихъ людей.

„Они больше лодки; они—словно пароходы на волнахъ Иртыша.

„Въ тебѣ, о господинъ, я вижу перваго послѣ царя; ты высокъ, какъ гора, цѣненъ—какъ конь-иноходецъ.

„Меня родила мать, но языкъ мой данъ мнѣ Богомъ.

„Если я не скажу всего этого тебѣ, кому же мнѣ сказать все это?

„Я говорю съ полной свободой, какъ будто обращаюсь къ своимъ единоплеменникамъ.

„Привѣтъ тебѣ, о господинъ, и счастье и благословеніе твоимъ гостямъ, между которыми есть высокопоставленные люди, хотя теперь и лежатъ на боку.

„Каждый гость генерала—и нашъ гость, можетъ быть увѣренъ въ нашей преданности.

„Богъ далъ мнѣ языкъ; пусть же онъ говоритъ.

„Въ горахъ было много охотниковъ, стрѣлковъ, загонщиковъ, но только одному была удача.

„Какъ вершина высочайшей горы возвышается надъ

Google

всѣми остальными, такъ счастье возвысило его надъ другими; ибо онъ, вѣрно прицѣлившись, попалъ въ архара двумя пулями и привезъ его въ юрту.

„Всѣмъ охотникамъ хотѣлось имѣть удачу, но только одного желаніе исполнилось, на радость намъ, на радость и тебѣ, о высокая госпожа, къ которой я теперь поведу рѣчь.

„Всѣ мы въ великой радости, что можемъ привѣтствовать среди насъ не только мужчинъ, но и тебя; всѣ мы желаемъ тебѣ счастья, благополучія и тысячу лѣтъ здравствовать.

„Соблаговоли принять нашъ привѣтъ! Хоть ты, можетъ-быть, видѣла много людей получше насъ, но никто искреннѣе насъ не привѣтствовалъ тебя.

„Да благословитъ тебя Богъ, домъ твой и дѣтей твоихъ. Я не нахожу достаточныхъ словъ, чтобъ восхвалить тебя; но мой языкъ данъ мнѣ Богомъ, и онъ говорилъ, мой красный языкъ, то, что̀ лежало у меня на сердцѣ“.

Мы покинули Аркатскія горы, и тутъ же на мѣстѣ охоты простились съ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ. Въ Сергіополѣ, первомъ городѣ Туркестанскаго края, мы снова были привѣтствуемы уже отъ имени генералъ-губернатора этой области, и продолжали путь, въ сопровожденіи даннаго намъ отряда казаковъ. Киргизскіе начальники выставляли намъ по пути почетные конвои и лошадей, которыя, вѣроятно, никогда еще не бывали въ упряжи, и потому, вначалѣ, какъ бѣшеныя, мчали наши тяжелые экипажи. Киргизскіе ханы оказывали намъ гостепріимство, заботились о нашемъ ночлегѣ и продовольствіи, и выставляли юрты на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы желали остановиться на отдыхъ; киргизы ловили намъ для коллекціи змѣй и другихъ пресмыкающихся, закидывали для тѣхъ же коллекцій сѣти въ степныя озера и сопровождали насъ въ нашихъ охотничьихъ экскурсіяхъ, точно вѣрные псы. Такимъ образомъ, миновали мы сіяющую полнымъ весеннимъ нарядомъ степь, останавливались для охоты и сбора коллекцій на Алакулѣ или „пестромъ озерѣ“, проѣзжали черезъ цвѣтущія долины и улыбающіяся и величественныя горы Алатау—райскія мѣстности, текущія млекомъ и медомъ,—взлѣзали на высокія горы, любовались гремящими горными ручьями, зелеными альпійскими озерами, чудными далями и, наконецъ, по-

Digitized by Google

вернули на сѣверо-востокъ, къ Китайской границѣ, чтобъ, проѣхавъ частью Небесной имперіи, достигнуть Алтая кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ.

Въ Бахтахъ, послѣднемъ русскомъ пограничномъ посту, мы узнали, что его „неизъяснимость" Джандзунъ-Джунъ, главный намѣстникъ провинціи Тарабагатай, желаетъ привѣтствовать насъ отъ имени Китая. Во исполненіе желанія высокаго мандарина, мы отправились 21-го мая верхами въ главный городъ названной провинціи Чугучакъ или Чаучакъ.

Нашъ конный отрядъ, двигавшійся по степи подъ яркими лучами лѣтняго солнца, былъ многочисленнѣе и блестящѣе, чѣмъ когда-либо. Частью въ виду небезопасности проѣзда по взволнованной возстаніемъ странѣ, частью для приданія соотвѣтствующей пышности нашему визиту, къ сопровождавшимъ насъ доселѣ тридцати казакамъ и нашимъ старымъ киргизскимъ пріятелямъ была добавлена еще полусотня казаковъ, и, такимъ образомъ, обыкновенно, пустынная степь дрожала теперь подъ копытами цѣлаго маленькаго войска. Всѣ киргизы одѣты были въ праздничныя одежды, и ихъ черные, синіе, желтые и красные, обшитые серебряными и золотыми галунами, халаты соперничали въ блескѣ съ мундирами сопровождавшихъ насъ русскихъ офицеровъ. На недавно установленной границѣ насъ ожидалъ одинъ изъ высшихъ китайскихъ военныхъ чиновъ, который, послѣ краткаго привѣтствія, круто повернулъ лошадь и помчался во всю прыть обратно, чтобы доложить своему повелителю о нашемъ приближеніи. При въѣздѣ въ городъ наши лошади шли, спотыкаясь, по грудамъ развалинъ, между обвалившимися и строящимися зданіями и густыми садами. Безобразныя монгольскія лица со всѣхъ сторонъ осклаблялись при нашемъ проѣздѣ, женщины, положительно, отталкивающей наружности, самымъ чувствительнымъ образомъ оскорбляли мое чувство красоты. Шествіе наше приблизилось къ дому намѣстника; мы остановились у широко открытыхъ воротъ, ожидая дозволенія войти. Напротивъ насъ возвышалась художественно разукрашенная стѣна съ изображеніемъ какого-то удивительнаго животнаго; направо и налѣво лежали на землѣ китайскія орудія пытки. Одинъ изъ домовыхъ слугъ просилъ насъ войти, приказавъ въ то же время казакамъ и киргизамъ оставаться на улицѣ. Намѣстникъ принялъ насъ,

Digitized by Google

съ величайшей торжественностью, въ жиломъ помѣщеніи, служащемъ ему въ то же время для отправленія судебныхъ и административныхъ обязанностей. Сохраняя все достоинство высокаго мандарина, скупясь на слова и произнося отдѣльные, отрывистые звуки, сопровождаемые однако осклабленной улыбкой, китайскій сановникъ протянулъ намъ руку и просилъ садиться къ чайному столу, уставленному безчисленнымъ множествомъ мелкихъ блюдъ. Кушанья состояли изъ риса, различныхъ, заготовленныхъ въ маслѣ и сушеныхъ плодовъ, нарѣзанной тонкими, какъ бумага, ломтиками свинины, сушеныхъ хвостовъ гарнеловѣ и множества неизвѣстныхъ и неопредѣленныхъ лакомствъ и сладостей; напитки-же—изъ чая и отвратительной, сивушной, рисовой водки, крѣпостью равняющейся спирту. Послѣ завтрака, прошедшаго для меня безъ дурныхъ послѣдствій,—благодаря тому, что я предусмотрительно позавтракалъ заранѣе дома,—былъ поданъ кальянъ, и затѣмъ намъ предложили осмотрѣть всѣ вообразимые и невообразимые предметы, находившіеся въ этой и сосѣдней комнатѣ: пейзажи и изображенія животныхъ, пожалованные правительствомъ похвальные листы, большую, тщательно завернутую въ пестрыя шелковыя ткани, государственную печать, удивительныя стрѣлы, которыя можетъ измыслить только китайскій умъ, произведенія европейской промышленности и т. под. Разговоръ велся съ необычайнымъ достоинствомъ и медлительностью. Слова наши переводились съ французскаго на русскій, съ русскаго на киргизскій, съ киргизскаго на китайскій языкъ, и отвѣты передавались тѣмъ-же медлительнымъ путемъ; немудрено поэтому, что разговоръ нашъ носилъ характеръ необычайной торжественности. Послѣ завтрака появились китайскіе стрѣлки, чтобы выказать передъ нами свою военную доблесть и искусство. Затѣмъ Джандзунъ самолично повелъ насъ въ свой фруктовый садъ, приглашая насъ вкусить отъ плодовъ его. Наконецъ, онъ простился съ нами, и мы снова поѣхали по городскимъ улицамъ и рынкамъ, въ домѣ одного татарина нашли гостепріимство и прекрасный обѣдъ, скрашенный присутствіемъ его молодой красавицы-жены, которую, въ честь насъ, призвали на мужскую половину, и, передъ заходомъ солнца, покинули Чугучакъ, городъ, имѣющій теперь и свою историческую извѣстность.

Digitized by Google

Чугучакъ—тотъ самый городъ, который въ 1867 году, послѣ продолжительной осады дунганами,—монгольскимъ племенемъ, исповѣдующимъ исламъ и ведущимъ постоянную борьбу съ китайцами — попалъ въ ихъ руки, былъ уничтоженъ ими до основанія и стертъ съ лица земли.

Изъ тридцати тысячъ жителей-китайцевъ, которыхъ Чугучакъ незадолго передъ тѣмъ насчитывалъ, одна треть бѣжала, а остальные, успокоенные счастливымъ исходомъ нападенія, остались въ городѣ—на свою погибель. Когда дунганамъ удалось, наконецъ, овладѣть Чугучакомъ, они принялись хозяйничать тамъ съ тѣмъ-же безчеловѣчіемъ и жестокостью, какую раньше проявляли относительно ихъ китайцы. То, что не было уничтожено мечомъ, сдѣлалось жертвою огня. Когда одинъ изъ нашихъ спутниковъ черезъ двѣ недѣли послѣ разгрома посѣтилъ городъ, ни одинъ дымокъ не поднимался надъ обугленными крышами. Волки и собаки съ брюхомъ, раздутымъ отъ пожранныхъ человѣческихъ тѣлъ, удалялись, не торопясь, при его приближеніи, или спокойно продолжали справлять свою отвратительную тризну. Орлы, коршуны, вороны раздѣляли ихъ изобильную трапезу. Тѣла то лежали сброшенныя въ кучи десятками и сотнями одно на другомъ, то валялись по улицамъ, дворамъ и домамъ по одиночкѣ, по два, по десяти, цѣлыми семьями, вмѣстѣ со сбѣжавшимися въ ужасѣ сосѣдями. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись раскроенные черепа, обезображенныя, обугленныя лица, обглоданныя собаками и волками кости, тѣла безъ головы, безъ рукъ. Все, что можетъ создать самое необузданное воображеніе, становилось здѣсь страшной дѣйствительностью.

Въ настоящее время Чугучакъ насчитываетъ едва ли болѣе тысячи жителей. Вновь построенная, увѣнчанная башнями крѣпость, находится фактически подъ защитой маленькаго русскаго пикета въ Бахтахъ, ибо дунгане и до сихъ поръ не сложили оружія и до сихъ поръ окончательно не усмирены.

Впрочемъ, во все наше многодневное странствованіе по долинѣ Эмиля, мы не встрѣтили ни одного дунгана. Эмиль, исходя изъ Саура, течетъ между двумя горными хребтами, Тарабагатаемъ и Семисъ-тау, образующими между собою острый уголъ, и принимаетъ въ себя со всѣхъ сторонъ безчисленное множество ручейковъ. Китайцы, хорошо владѣя искусствомъ орошенія, сумѣли воспользо-

Digitized by Google

ваться всѣми этими водами и создали изъ долины Эмиля плодороднѣйшій уголокъ, пока не пришли дунгане и не обратили его снова въ безплодную пустыню. Правда, мы натолкнулись вблизи города на нѣсколько деревень, попался намъ и калмыцкій аулъ, но все это представляло только развалины и остатки прежняго благосостоянія. На поля великодушная природа уже набросила цвѣтущій покровъ, но остатки деревьевъ продолжаютъ громко взывать къ небу. Ужасы прошлыхъ дней со страшной яркостью выступаютъ передъ глазами. Между опустѣлыми стѣнами, съ провалившимися крышами, на кучахъ мусора, на которыхъ въ изобиліи растутъ семьи поганыхъ грибовъ, среди обломковъ китайскаго фарфора и обугленныхъ, а потому сохранившихся предметовъ домашней обстановки, валяются человѣческія кости, вперемежку со скелетами животныхъ, и въ особенности, собакъ. Люди сдѣлались жертвою неистовствовавшаго врага, и собаки раздѣлили ихъ участь, между тѣмъ какъ весь домашній скотъ былъ угнанъ, равно какъ и все болѣе цѣнное было захвачено, а остальное разрушено и предано огню. Изъ полудикихъ домашнихъ птицъ остались только ласточка да воробей; всѣхъ прочихъ замѣнили дикія птицы, селящіяся обыкновенно въ развалинахъ.

Когда мы снова натолкнулись на людей, это оказались русскіе киргизы, которые здѣсь, въ Китаѣ, пасли свои стада, воздѣлывали поля и воздвигали памятникъ одному изъ своихъ умершихъ.

Изъ долины Эмиля мы поднялись на Тарабагатай въ одномъ изъ наименѣе высокихъ мѣстъ горнаго хребта, перешли его и спустились на южную плоскость Чиликты, лежащую на высотѣ тысячи шестисотъ метровъ надъ поверхностью моря и окруженную горами Садромъ, Манракомъ, Терсерикомъ, Мусъ-тау, Уркошаромъ и Тарабагатаемъ. Пересѣкши эту плоскость, мы стали отыскивать себѣ путь по извилистымъ ущельямъ Манракскихъ горъ, чтобы достигнуть долины Зайсана и небольшого, недавно возникшаго, пограничнаго городка Зайсанска. Здѣсь, на русско-китайской границѣ, мы снова встрѣтили европейскій комфортъ и удобства. Въ обществѣ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ лѣтнемъ клубѣ, проводили время точно такъ же, какъ въ Петербургѣ или Берлинѣ: пѣли, танцовали, играли, бесѣдовали. Чудное пѣніе соловья со-

Digitized by Google

провождало танцы и романсы; мы забывали, гдѣ мы находимся...

Я воспользовался своимъ пребываніемъ здѣсь, чтобы предпринять охоту на улларовъ, горныхъ курочекъ, похожихъ на куропатку, но съ глухаря величиною, и успѣлъ къ тому же познакомиться съ жизнью бѣднѣйшихъ кочевниковъ-киргизовъ, съ новой для меня стороны, почему и покинулъ дикія Манракскія горы вполнѣ довольный результатами своей экскурсіи.

Къ вечеру, 31 мая, мы снова сѣли въ наши дорожные экипажи и покатили по богатой, черноземной степи къ Черному Иртышу, по которому на слѣдующій день достигли озера Зайсана. Какъ ни скучны казались намъ до сихъ поръ сибирскія рѣки, этого далеко нельзя было сказать о Черномъ Иртышѣ. Чудныя перспективы на два могучіе горные хребта Сауръ и Алтай, съ ихъ отрогами, восхищали глазъ, зеленѣющіе берега рѣки, оживленные пѣніемъ птицъ и хлопотливой птичьей жизнью, ласкали зрѣніе и слухъ. Наскоро закинутая сѣть доставляла множество прекраснѣйшей рыбы, какъ доказательство того, что рѣка столь же богата, сколько красива. Переѣхавъ 2-го іюня мелкое и мутное, но изобилующее рыбою Зайсанское озеро, мы на слѣдующій день миновали наиболѣе пустынную часть степи, какую намъ до тѣхъ поръ доводилось видѣть, но зато именно здѣсь познакомились съ тремя характернѣйшими типами степныхъ животныхъ: куланомъ или дикою лошадью, степною антилопою и саджей. Намъ удалось убить одну изъ послѣднихъ, а наши киргизы поймали живого кулана-жеребенка. Вечеромъ мы отдыхали въ предгоріяхъ Алтая, а на слѣдующій день, на заранѣе условленномъ пунктѣ, встрѣтились съ нашими гостепріимными хозяевами, семьей начальника Семипалатинской области, съ которыми и продолжали далѣе путь.

Это было чудное путешествіе, хотя дождь, снѣгъ и вѣтеръ слишкомъ часто сопровождали насъ, — лишая привѣтливую юрту значительной доли ея комфорта, — хотя горные ручьи пресѣкали намъ путь и заставляли лазать по такимъ тропинкамъ, по которымъ у насъ, въ Германіи, не ѣздятъ верхомъ, а только карабкаются охотники за козами. Такъ какъ насъ сопровождали и казаки, и киргизы, то, для продовольствія нашего многочисленнаго

отряда, впереди насъ шло цѣлое стадо барановъ, которое замѣтно уменьшалось съ каждымъ переходомъ. Покинувъ Зайсанское озеро, мы снова вступили въ Китай, и намъ предстояло нѣсколько дней пути, прежде чѣмъ, достигнувъ болѣе низменныхъ мѣстъ, мы снова натолкнемся на живыхъ людей.

Когда киргизы, созванные губернаторомъ для какихъ-то приказаній относительно правъ ихъ на пастбища въ казенномъ имѣніи Алтаѣ, покинули насъ, наше общество все еще насчитывало до шестидесяти всадниковъ и свыше сотни лошадей. Рано утромъ, юрты разбирали надъ нашими головами и посылали ихъ впередъ на вьюкахъ; потомъ выѣзжали всѣ мы, болѣе или менѣе многочисленными группами, останавливались завтракать на удобныхъ мѣстахъ, пропускали мимо себя вьючныхъ лошадей, потомъ снова двигались въ путь, вторично обгоняли ихъ, и къ вечеру настигали у привала вышедшее раннимъ утромъ стадо барановъ, имѣя такимъ образомъ случай наблюдать каждый вечеръ пеструю, лагерную жизнь. Чудныя, ярко-зеленыя, благоухающія весенними травами равнины открывались передъ нашими глазами; высокія, крутыя, еще покрытыя снѣгомъ горы, на которыя мы взбирались, открывали намъ дивныя панорамы на пройденное степное пространство, на Сауръ и Тарабагатай, пока, наконецъ, мы не увидѣли передъ собою Марка-Куль, этотъ перлъ среди китайскихъ горныхъ озеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не вступили въ настоящую альпійскую страну. Три дня шли мы вдоль озера, задерживаемые непогодой и дурными дорогами, потомъ ѣхали дремучими лѣсами, почти непроходимыми ущельями, то въ гору, то подъ-гору, по направленію къ русской границѣ, потомъ головоломными тропинками спустились въ цвѣтущую долину Бухтармы и здѣсь, во вновь основанномъ казачьемъ поселкѣ — Алтайской станицѣ, снова нашли русское радушіе и гостепріимство, отдыхъ и комфортъ.

Богато одаренные со стороны офицеровъ станицы различными мѣновыми товарами, 12-го іюня мы снова двинулись въ путь. Ярко и весело свѣтило солнце съ чистаго голубого неба на грандіозные, сегодня въ первый разъ не скрытые облаками, пейзажи. Необъятныя долины, подобныя садамъ, окруженныя крутыми, отвѣсными, увѣнчанными снѣгомъ и залитыми волшебнымъ свѣтомъ горными вер-

шинами, чудныя деревья по лугамъ, цвѣтущіе кустарники на уступахъ горъ, безконечно разнообразный, не поддающійся никакому описанію, уборъ цвѣтовъ, словно ликующихъ при свѣтѣ давно невиданнаго солнца, только что расцвѣтшія дикія розы всевозможныхъ цвѣтовъ, крикъ кукушки и пѣніе тысячи птицъ, киргизскіе мулы у подошвы горъ и русскія, утопающія въ зелени, деревушки, пасущіяся стада, плодородныя поля, гремящіе ручьи и зубчатыя массы скалъ, теплый воздухъ, напоенный весеннимъ благоуханіемъ,—все это окружало нашъ путь несказаннымъ очарованіемъ. Вскорѣ мы перешли границу казеннаго имѣнія Алтай—имѣнія, немногимъ уступающаго величиною Франціи! Послѣ дневного переѣзда мы достигли горнаго городка Зыряновскаго, съ его серебряными копями. Радушно принятые, какъ вездѣ и всюду, мы осмотрѣли его рудники и снова направились къ Иртышу; спустились по немъ мимо Бухторминской къ Усть-Каменогорску и отсюда, снова въ экипажахъ, двинулись по имѣющему великую будущность казенному имѣнію. Къ привѣтливымъ отрогамъ горъ примыкаютъ степныя пространства; населенныя мѣста смѣняются, на большія протяженія, обширными лѣсами. Большія, богатыя села, драгоцѣнныя, черноземныя поля, статные, полные сознанія своего благосостоянія, жители, красивыя женщины въ живописныхъ одеждахъ, дѣтски-любопытные и младенчески-добродушные люди, превосходныя, сильныя, выносливыя лошади, крупный, сытый скотъ вокругъ деревень, безконечные обозы съ рудой и углемъ, тянущіеся по прекраснымъ дорогамъ, сурки по выступамъ горъ, суслики въ долинахъ, орлы-могильники на придорожныхъ столбахъ, очаровательныя крохотныя чайки вокругъ видныхъ пространствъ—оживляютъ мѣстность, черезъ которую пролегаетъ нашъ путь. Торопливо, не останавливаясь, миновали мы эти мѣста, на-лету заглянули въ маленькій городишко Змѣиногорскъ, столь по праву носящій это названіе, дали себѣ краткій отдыхъ въ главномъ пунктѣ имѣнія, уѣздномъ городѣ Барнаулѣ, и затѣмъ, чрезъ горный городокъ Салаиръ, направились въ Томскъ.

Еще не доѣзжая Барнаула, мы достигли Оби, подъ Барнауломъ переправились черезъ нее, а въ Томскѣ сѣли на пароходъ, чтобы прослѣдить все теченіе исполинской рѣки, область которой превышаетъ область теченія всѣхъ

Digitized by Google

западно-европейскихъ рѣкъ, вмѣстѣ взятыхъ. Двѣ тысячи шестьсотъ верстъ, почти четыреста географическихъ миль, плыли мы вверхъ по рѣкѣ, войдя въ нее по Томи; четыре дня и четыре ночи спускались внизъ по рѣкѣ, несмотря на то, что пароходъ дѣлаетъ этотъ путь вдвое скорѣе, чѣмъ въ обратную сторону. Одиннадцать дней и одиннадцать ночей намъ понадобилось на то, чтобы совершить переѣздъ между сліяніемъ Иртыша и впаденіемъ Щучьей, хотя мы отдыхали всего нѣсколько часовъ въ Самаровскомъ и Березовѣ, а тѣ два дня, которые мы провели въ Обдорскѣ, послѣднемъ русскомъ селеніи на Оби, вовсе не идутъ здѣсь въ расчетъ. Могуча и величественна эта рѣка, несмотря на всю свою пустынность и однообразіе. Она течетъ въ долинѣ отъ десяти до тридцати километровъ шириною, образуя своими безчисленными низовьями безконечное множество отроговъ, мѣстами разливаясь въ цѣлыя необозримыя озера, и ближе къ истоку достигая средней глубины въ двадцать восемь метровъ. Оба ея берега окаймляютъ едва пересѣченные кой-гдѣ просѣками, дѣвственные лѣса, въ глубь которыхъ не заходила даже нога туземца; ивнякъ, въ различныхъ степеняхъ своего развитія, покрываетъ вѣчно измѣняющіе форму, то исчезающіе, то снова вырастающіе острова. Все бѣднѣе и бѣднѣе становится страна, бѣднѣе и скуднѣе лѣсъ, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, хотя ближе къ устью рѣка въ изобиліи даетъ то, въ чемъ отказываетъ земля. Уже почти подъ Томскомъ, ниже Тобольска, почва не вознаграждаетъ трудъ земледѣльца; далѣе къ сѣверу прекращается постепенно и скотоводство; зато рѣка кишитъ несмѣтнымъ количествомъ цѣнныхъ породъ рыбы, а дремучіе лѣса по обоимъ берегамъ рѣки изобилуютъ пушными звѣрями и дичью. Не мудрено, что крестьянина, землепашца здѣсь смѣняетъ рыболовъ и охотникъ, а скотовода — владѣлецъ оленьихъ стадъ. Все рѣже и рѣже встрѣчаются русскія деревни, все чаще селенія остяковъ, и вотъ, наконецъ, однѣ только переносныя береговыя хижины, называемыя зумами, да кое-гдѣ жалкія избенки, временныя жилища русскихъ рыбаковъ, свидѣтельствуютъ о присутствіи человѣка.

Мы заранѣе рѣшили уже проѣхать также и тундрой, т. е. покрытой мхами степью, и избрали для этой цѣли лежащую между Обью и Карскимъ моремъ часть Самоѣдскаго полуострова, тѣмъ болѣе что въ этой части тундры,

Digitized by Google

широкимъ, безлѣснымъ кольцомъ охватывающей сѣверный полюсъ, намъ предстояло также рѣшить важный въ торговомъ отношеніи вопросъ. Въ Обдорскѣ и ниже по рѣкѣ мы наняли для предстоящаго путешествія нѣсколькихъ человѣкъ, русскихъ, зырянъ, остяковъ и самоѣдовъ, и 15-го іюля двинулись въ путь.

Въ сѣверныхъ высотахъ Урала, носящихъ здѣсь уже характеръ альпъ, берутъ начало, на небольшомъ разстояніи одна отъ другой, три рѣки: Уса, притокъ Печоры, Байдарака, впадающая въ Карское море, и Щучья, впадающая въ Обь. Мы намѣревались пройти область двухъ послѣднихъ. Какова здѣсь мѣстность, какимъ способомъ намъ придется передвигаться, найдемъ-ли мы оленей, или должны будемъ идти пѣшкомъ, — никто не могъ сказать намъ.

До впаденія въ Обь Щучьей мы передвигались обыкновеннымъ способомъ, въ каждомъ ближнемъ селеніи отпуская прежнихъ гребцовъ и нанимая новыхъ; по Щучьей-же гребли уже наши собственные люди. Цѣлую недѣлю плыли мы медленно вверхъ по рѣкѣ, добросовѣстно слѣдуя всѣмъ ея извилинамъ, по крайне однообразной, мертвенно-скучной тундрѣ, то приближаясь къ Уралу, то снова отдаляясь отъ него. Восемь дней не видѣли мы живого человѣка, а только слѣды его, въ видѣ могилъ, да упакованныхъ въ сани, заготовленныхъ на зиму, сокровищъ. Непроходимыя болота по обѣ стороны рѣки не давали возможности проникнуть внутрь страны, миріады кровожадныхъ комаровъ неотступно мучили насъ. На седьмой день пути мы увидѣли собаку, что составило событіе для насъ и нашихъ людей; на восьмой день мы натолкнулись на жилой чумъ и нашли въ немъ единственнаго человѣка, который могъ дать намъ какія-либо свѣдѣнія о предстоящемъ пути. Мы взяли его, въ качествѣ проводника, и вмѣстѣ съ нимъ, три дня спустя, двинулись въ путешествіе, которому суждено было оказаться для насъ столь же тяжкимъ, сколько опаснымъ.

Намъ сказали, что въ девяти суткахъ пути, на саддабейскомъ пастбищѣ, въ Уралѣ, мы достанемъ оленей; на Щучьей въ это время нельзя было найти ни одного. Поэтому намъ оставалось только продолжать путь пѣшкомъ, отважившись на всю тягость и непріятности такого способа передвиженія по лишенной дорогъ, лишенной съѣст-

Digitized by Google

ныхъ припасовъ, переполненной комарами, непріютной и, что самое главное, незнакомой мѣстности.

Осмотрительно, послѣ долгихъ совѣщаній между собою и съ туземцами, сдѣлали мы всѣ приготовленія къ пути и тщательно взвѣсили грузъ, который каждому приходилось нести на плечахъ, чтобы избѣжать стоявшаго передъ нами грознаго призрака голода. Мы знали хорошо, что просуществовать въ тундрѣ можетъ только кочевникъ-пастухъ, а отнюдь не охотникъ; знали по опыту, какія тяготы намъ придется нести отъ отсутствія дорогъ, несмѣтныхъ полчищъ комаровъ, непостоянства погоды, непріютности тундры, вообще, и, сообразно всему этому, сдѣлали наши приготовленія; но того, чего мы не знали, и что между тѣмъ постигло насъ, нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Возвращаться намъ не хотѣлось; хотя, конечно, если-бы мы знали, что намъ предстоитъ, мы все-таки предпочли-бы вернуться.

Въ короткихъ полушубкахъ, нагруженные кромѣ котомки на плечахъ, со съѣстными и боевыми припасами, еще ружьемъ и дорожной сумкой, выступили мы 29 іюля въ наше странствіе, оставивъ лодку на попеченіе двухъ человѣкъ. Съ величайшимъ трудомъ, изнемогая подъ навьюченной на наши спины тяжестью, неотступно, день и ночь мучимые комарами, двигались мы впередъ, отдыхая сначала каждый часъ, потомъ каждые полчаса и, наконецъ, черезъ каждую тысячу шаговъ, но не находя покоя и отдыха въ этомъ сплошномъ роѣ комаровъ.

Намъ приходилось взбираться на безчисленное множество холмовъ, исходить столько же долинъ, переправляться въ бродъ по болотамъ и топямъ; мы проходили мимо сотни безымянныхъ озеръ; пробирались чрезъ трясины и рѣчки.

Болѣе непривѣтливо не могла насъ встрѣтить тундра. Вѣтеръ хлесталъ намъ въ лицо мелкимъ дождемъ, въ промокшихъ полушубкахъ ложились мы на пропитанную дождемъ землю, безъ крова, безъ согрѣвающаго костра вблизи, и, попрежнему, неотступно мучимые комарами. Но взошедшее солнце снова сушило нашу одежду, придавало намъ бодрость и силы, и мы подвигались дальше. Радостная вѣсть подкрѣпила насъ еще болѣе, чѣмъ солнце и сонъ. Наши слуги открыли вдали два чума, и въ зрительныя трубы мы ясно разглядѣли даже пасущихся вокругъ нихъ оленей. Крайне обрадованные,

Digitized by Google

мы уже представляли себѣ, какъ мы удобно растянемся въ единственномъ возможномъ здѣсь экипажѣ-саняхъ, и какъ быстро понесутъ насъ по тундрѣ своеобразно запряженные олени. Мы спѣшимъ подойти къ чумамъ, къ оленямъ, и—страшное зрѣлище предстаетъ передъ нашими глазами. Среди оленьихъ стадъ свирѣпствуетъ сибирская язва, самая страшная изъ всѣхъ моровыхъ язвъ, опасная и для человѣка—неумолимый, безъ разбора и пощады, сѣющій истребленіе ангелъ смерти, передъ которымъ безсиленъ человѣкъ, который доводитъ до нищеты мѣстныя племена и такъ же безпощадно ищетъ жертвъ между людьми, какъ и между животными.

Семьдесятъ шесть палыхъ оленей насчитываю я въ непосредственной близости чума; куда ни обратишь взоръ, всюду встрѣчаешь трупы упавшихъ и лежащихъ въ предсмертныхъ судорогахъ оленей, взрослыхъ и пыжиковъ. Предчувствуя смерть, нѣкоторые изъ нихъ подбѣгаютъ къ приготовленнымъ уже къ отъѣзду санямъ, какъ будто надѣясь найти помощь и спасеніе у человѣка; отогнать ихъ нѣтъ возможности; они стоятъ одну, двѣ минуты съ выпученными глазами, безсильно скрестивъ переднія ноги, шатаются изъ стороны въ сторону, стонутъ и падаютъ; бѣлая, пузырчатая слизь выступаетъ у нихъ на губахъ и на носу — еще нѣсколько подергиваній—и на землѣ однимъ трупомъ больше. Матки съ оленятами отходятъ отъ стада, ища спасенія, и тотчасъ же падаютъ въ предсмертныхъ судорогахъ, а дѣтеныши ихъ или смотрятъ съ удивленіемъ на корчи, подергивающія ихъ родительницъ, или беззаботно пасутся возлѣ. Черезъ нѣсколько времени они снова подходятъ къ матери, ища ея ласкъ, но находятъ только трупъ, который они сначала обнюхиваютъ, потомъ въ ужасѣ отскакиваютъ прочь, кидаются къ одному, къ другому изъ взрослыхъ оленей и, отовсюду гонимые, наконецъ, находятъ то, чего не искали: смерть отъ стрѣлы, пущенной хозяиномъ, желающимъ, по крайней мѣрѣ, сохранить шкуру. Смерть одинаково неумолимо свирѣпствуетъ, какъ между старыми, такъ и между молодыми оленями: самые сильные, красивые олени-самцы такъ же неминуемо гибнутъ, какъ и подростки обоихъ половъ.

Между тѣмъ, среди издыхающихъ и палыхъ животныхъ, торопливо снуютъ люди, хозяинъ стада Шунгей, его семья

Digitized by Google

и слуги, съ безразсудной алчностью стараясь спасти, что возможно. Хорошо сознавая опасность, которая угрожаетъ имъ, если въ кровь ихъ попадетъ хотя малѣйшая капля крови, хотя атомъ пузырчатой пѣны больного животнаго, зная, что уже сотни изъ ихъ единоплеменниковъ погибли въ страшныхъ мукахъ отъ злокачественной заразы, они тѣмъ не менѣе работаютъ изо всѣхъ силъ, сдирая шкуры съ отравленныхъ животныхъ. Ударъ топора прекращаетъ мученія издыхающаго оленя, пущенная изъ лука стрѣла убиваетъ пыжика, и чрезъ нѣсколько минутъ его шкура, которая долго еще сохраняетъ заразительность, лежитъ вмѣстѣ съ другими на землѣ. Окровавленными руками остякъ макаетъ вырѣзанные изъ теленка куски мяса въ кровь, скопившуюся въ грудной полости убитаго животнаго, и куски эти тотчасъ же пожираетъ въ сыромъ видѣ. Залитые кровью мужчины, подобныя отвратительнымъ вѣдьмамъ женщины, словно кровожадныя гіены роются въ падали. Не обращая вниманія на дамокловъ мечъ, висящій надъ ихъ головами уже не на волоскѣ, а на паутинкѣ, они предаются своей кровавой тризнѣ, въ которой принимаютъ участіе и дѣти, начиная отъ мальчика-подростка до залитой кровью, едва отставшей отъ груди матери, маленькой дѣвочки.

Чумы снимаютъ и переносятъ на сосѣдній холмъ; несчастное стадо, вышедшее съ Урала въ количествѣ двухъ тысячъ головъ и сократившееся до двухъ сотенъ, усѣявшее трупами всю пройденную имъ дорогу, снова собирается вокругъ чумовъ; но на слѣдующее утро, вблизи новаго ночлега мы уже вновь насчитываемъ сорокъ палыхъ оленей...

Намъ извѣстна была опасность, которая грозитъ человѣку отъ зараженнаго сибирскою язвою животнаго, но мы не знали всѣхъ ея размѣровъ. Поэтому мы купили нѣсколько на видъ пока совершенно здоровыхъ оленей, впрягли ихъ въ трое саней, на которыя взвалили нашу поклажу, и рядомъ съ ними, налегкѣ, выступили въ путь. Питаться олениной, какъ мы надѣялись и разсчитывали, было рискованно; поэтому мы еще внимательнѣе стали посматривать кругомъ, не удастся ли намъ найти и убить какую-либо мелкую дичь, дергача, ржанку или утку. Тщательно сберегая наши скудные запасы, усаживались мы вокругъ огня въ томъ случаѣ, когда хотя бы

Digitized by Google

ничтожнѣйшая изъ подвластныхъ Діанѣ нимфъ оказывала намъ покровительство, и собственноручно жарили на вертелѣ хотя бы самую незначительную пичужку. Однако наѣдаться досыта намъ не удавалось.

Мы пересѣкли страшный путь смерти, пройденный Шунгеемъ, и достигли первоначальной цѣли нашего путешествія, Байдараки. На нашу долю выпало необыкновенное счастье еще разъ наткнуться на чумы и оленей, съ помощью которыхъ мы добрались до моря, но должны были, не ступивъ на берегъ, возвратиться обратно. Передъ нами лежало не только непроходимое болото, но и опять-таки необозримыя груды оленьихъ труповъ; мы еще разъ натолкнулись на дорогу Шунгея, по которой онъ бѣжалъ обратно, и нашъ новый знакомый, пастухъ Санда, не рѣшался пересѣчь ее.

Смерть унесла жертвы и изъ его стада, бѣда посѣтила и его домъ, и еще несравненно чувствительнѣе домъ его сосѣда. Этотъ сосѣдъ, кочевавшій и пасшій свои стада вмѣстѣ съ Сандой, поѣлъ мяса отъ зачумленнаго оленя, убитаго имъ незадолго передъ смертью, и долженъ былъ поплатиться за этотъ проступокъ собственною жизнью и жизнью нѣсколькихъ членовъ своей семьи. Трижды пастухъ Санда передвигалъ его чумъ, и трижды рылъ новыя могилы среди оленьихъ труповъ. Прежде всего умерло двое дѣтей, затѣмъ работникъ легкомысленнаго человѣка, на третій день умеръ и онъ самъ. Еще одинъ ребенокъ лежалъ больной и стоналъ отъ страшныхъ мученій въ то время, какъ мы предприняли поѣздку къ морю; когда мы возвратились къ чуму, стоны его уже умолкли, и четвертая могила пріютила пятую жертву. Но и эта жертва была еще не послѣдняя.

Одинъ изъ нашихъ людей, остякъ Хадтъ, усердный, всегда веселый, симпатичный и цѣнимый всѣми нами человѣкъ, уже третій день метался и жаловался на невыносимую боль и постоянно увеличивающійся ознобъ. Мы уложили его въ сани, когда ѣхали къ чуму Санды; такимъ же образомъ перевезли его и тогда, когда чумъ передвигался уже въ пятый разъ съ мѣста на мѣсто. На ночлегѣ онъ лежалъ среди насъ у очага. По временамъ онъ приподымался и обнажалъ свое тѣло, чтобы согрѣть его у огня; подвигалъ также къ пламени и свои окоченѣвшія ноги, не обращая, повидимому, вниманія на то,

Digitized by Google

что оно жгло ему подошвы. Наконецъ, мы заснули, и онъ, вѣроятно, также; но когда мы проснулись на слѣдующее утро, его ложе оказалось пустымъ. Мы нашли его на дворѣ передъ чумомъ; онъ сидѣлъ, прислонившись къ санямъ, обратившись лицомъ къ солнцу, лучами котораго хотѣлъ, очевидно, согрѣться; онъ сидѣлъ неподвижно, спокойно и не стоналъ болѣе: онъ былъ мертвъ.

Нѣсколько часовъ спустя, мы похоронили его согласно обрядамъ и обычаямъ его племени. Онъ былъ честнымъ „идолопоклонникомъ", и потому долженъ былъ быть погребенъ по языческому обряду. Наши „православные" спутники рѣшительно отказались принять въ этомъ участіе, а потому одни только товарищи-„язычники" исполнили, съ нашею помощью, это, хотя не христіанское, но человѣческое дѣло. И такъ, въ пятой могилѣ покоилась уже шестая жертва.

Но была-ли эта могила послѣднею? Вотъ вопросъ, который я невольно задавалъ себѣ, ибо, какъ мнѣ, такъ и всѣмъ моимъ товарищамъ, становилось жутко въ этомъ царствѣ смерти. Къ счастью, могила Хадта оказалась, дѣйствительно, послѣднею на этомъ пути.

Мрачно настроенные, бѣдствуя отъ возрастающаго недостатка съѣстныхъ припасовъ, мы двинулись далѣе, снова по направленію къ Щучьей. Санда кое-какъ кормилъ нашихъ людей; мы сами добывали себѣ скудное пропитаніе охотою. И когда намъ, однажды, удалось въ одно утро раздобыть цѣлое семейство гусей и подстрѣлить еще нѣсколько куропатокъ, бекасовъ и зуйковъ, мы задали настоящій пиръ, такъ какъ, наконецъ, имѣли возможность наѣсться досыта, не разсчитывая каждый кусокъ. Безъ помощи нашего хозяина, однако, мы едва-ли могли бы прокормиться въ пути.

Мы пріѣхали къ Щучьей, добрались, уже издержавъ почти всѣ запасы, до нашей лодки, и здѣсь, впервые послѣ двухъ недѣль, насладились относительными, въ сущности, ничтожными, но показавшимися намъ безграничными, удобствами. Съ тундрою мы распрощались навсегда.

Правда, когда мы выше по Оби встрѣтили шамана, занятаго рыбною ловлею, и попросили его дать намъ образчикъ своего искусства и мудрости, онъ, вызвавъ съ помощью глухого барабаннаго боя благоволившаго къ

Digitized by Google

нему посла боговъ, Ямаула, возвѣстилъ намъ, что не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году, мы снова посѣтимъ непривѣтливую страну, которую только что покинули, и что тогда мы будемъ держаться того направленія, гдѣ берутъ свое начало Щучья, Байдарата и Усса; ибо насъ наградятъ два царя; наши „старѣйшины" останутся довольны нашими писаніями и еще разъ пошлютъ насъ путешествовать. Во время же настоящаго пути съ нами не приключится болѣе никакихъ бѣдъ. Таковы были будто бы слова вѣстника боговъ, слышимыя ему одному.

Послѣдняя часть предсказанія сбылась. Медленно, правда, но безъ всякихъ злоключеній, ѣхали мы двадцать три дня вверхъ по Оби, затѣмъ пересѣли на давно желанный пароходъ и благополучно проплыли три дня вверхъ по Иртышу. Безъ злоключеній, хотя и не безъ препятствій, переѣхали мы черезъ Уралъ; быстро спустились на удобномъ пароходѣ внизъ по Камѣ; нѣсколько медленнѣе везъ насъ пароходъ вверхъ по Волгѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ насъ приняли такъ же радушно, какъ и въ первый разъ; на родинѣ насъ радостно привѣтствовали. Наши „старѣйшины", повидимому, также остались довольны нашими писаніями, но въ тундру мы, или, по крайней мѣрѣ, я никогда уже болѣе не заглядывалъ.

Digitized by Google

Рукоятка и клинокъ.

Сказка **К. М. В.**

Въ большой, роскошной мастерской одного знаменитаго художника было собрано много разныхъ рѣдкостей. Старинное оружіе висѣло по стѣнамъ между гобеленами. Заморскія сушеныя растенія, въ видѣ перьевъ, и перья, въ видѣ растеній, покрывали карнизъ. Японскіе вѣера раскидывались полукругомъ. Чучела нездѣшнихъ, странныхъ птицъ стояли на шкапахъ. Восточные ковры покрывали полъ. Фарфоровыя, драгоцѣнныя вазы и бронзовыя и мраморныя статуэтки красовались на столахъ и полкахъ.

Картины самого художника тутъ тоже были своего рода рѣдкостью. Художникъ пользовался извѣстностью, и его произведенія цѣнились весьма дорого.

Художникъ думалъ, что онъ, рисуя хорошія картины, можетъ знать толкъ и во всемъ остальномъ. Поэтому онъ былъ увѣренъ, что все, что попадало въ его мастерскую— было „настоящее“ и, дѣйствительно, стоило тѣхъ денегъ, которыя онъ платилъ.

Среди всѣхъ этихъ вещей, въ особомъ красномъ ящикѣ съ покатою стеклянною крышкой хранились самыя цѣнныя по своей старинѣ вещи.

Тутъ лежали: автографъ на пергаментѣ, рыцарская серебряная шпора, рукоятка средневѣковаго меча и нѣсколько женскихъ драгоцѣнныхъ украшеній различныхъ эпохъ.

Средневѣковая рукоятка особенно была нелюбима товарищами. Она была настоящая, средневѣковая рукоятка, роскошно оправленная въ золото, и очень гордилась своимъ древнимъ происхожденіемъ.

Рыцарскую шпору она считала далеко себѣ не парой и относилась къ ней съ презрѣніемъ. Шпора была поддѣльная. Женскія украшенія казались ей слишкомъ легкомысленными, и одинъ только автографъ, по ея мнѣнію, могъ понять ее; и она только съ нимъ водила компанію...

Въ одинъ прекрасный день пришелъ художникъ и унесъ рукоятку изъ ящика. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ—онъ никому не сказалъ, но всѣ, кромѣ автографа, очень обрадовались:

— Наконецъ-то, дескать, освободились отъ нея.

А автографъ былъ сильно опечаленъ. Въ самомъ дѣлѣ—столько лѣтъ они лежали вмѣстѣ и столько лѣтъ такъ хорошо понимали другъ друга! Къ тому же разлука была такъ неожиданна, и—главное—неизвѣстно было, на время взялъ художникъ изъ ящика прелестную рукоятку или навсегда!

„Ужъ не нашелъ ли онъ хорошаго покупателя и не продалъ-ли ее за хорошую цѣну!“ думалъ автографъ, чувствуя, что не вынесетъ одиночества и обратится въ пыль.

Шпора же не скрывала своей радости.

— Посмотрите, таинственно сообщала она своимъ сосѣдямъ,—какъ нашъ автографъ пожелтѣлъ за это время...

— Разумѣется, онъ тоскуетъ! пояснилъ браслетъ,—это очень понятно.

— Есть по комъ! перебила лежавшая тутъ же золотая серьга,—вотъ глупости... Какъ будто одна только рукоятка на свѣтѣ... могутъ быть и *другія*, получше ея!...

Автографъ, однако, ни на что не обращалъ вниманія и желтѣлъ, какъ совершенно справедливо замѣтила шпора.

Прошло около двухъ недѣль, когда такъ же неожиданно, какъ была унесена рукоятка, художникъ снова явился, открылъ ящикъ и, сдвинувъ остальныя вещи и иначе расположивъ ихъ, опросталъ мѣсто и положилъ въ ящикъ снова рукоятку съ придѣланнымъ къ ней желѣзнымъ вычурнымъ клинкомъ.

Онъ закрылъ ящикъ, бережно заперъ его, полюбовался на свое новое пріобрѣтеніе и ушелъ, неслышно шагая по ковру.

Въ ящикѣ произошло движеніе.

Шпора сейчасъ же узнала, что клинокъ былъ поддѣльный, и еще когда художникъ клалъ рукоятку съ клинкомъ въ ящикъ, она, задѣвъ за этотъ клинокъ,—зазвенѣла радостнымъ, торжествующимъ смѣхомъ.

— Честь имѣю поздравить васъ съ возвращеніемъ и съ чудесною партіей, которой вы были всегда достойны! насмѣшливо обратилась она къ рукояткѣ.

Но та, на этотъ разъ уже неумышленно, не обратила

вниманія на шпору. Она слишкомъ была подавлена горемъ, чтобы понимать теперь что-либо...

Никакія насмѣшки не могли нанести ей оскорбленія болѣе того, которое претерпѣла уже она, настоящая, оправленная въ чистое золото, средневѣковая рукоятка, соединенная теперь съ простымъ кускомъ желѣза, самозванно принявшимъ священную форму древняго клинка!...

— Плебей, смердъ! отчаивалась она, стараясь однако скрыть свое волненіе.

Выдать клинокъ за настоящій было немыслимо, потому что не видѣть этого могъ только художникъ; но настоящія вещи отлично поняли, въ чемъ дѣло. И шпора сейчасъ же узнала. Впрочемъ, о томъ, что будутъ говорить или думать окружающіе—рукоятка мало заботилась.

Развѣ она послѣ случившагося съ нею несчастія меньше стала презирать этихъ окружающихъ?

„А автографъ!“ вспомнила она и невольно обратилась въ его сторону. Она была, впрочемъ, вполнѣ увѣрена въ его порядочности и надѣялась, что онъ-то встрѣтитъ ее не насмѣшкой, а сочувствіемъ..

И она поразилась происшедшей въ немъ перемѣной. Онъ лежалъ совсѣмъ желтый, съежившійся, и согнулся, словно подъ какимъ-то бременемъ.

„Да, онъ пойметъ меня и на этотъ разъ, какъ всегда понималъ!“ подумала рукоятка и довѣрчиво обратилась къ нему:

— Вы видите?...

— Вижу! кротко отвѣтилъ онъ.

— Это ужасно! произнесла она.

— О, да!—это все равно, если бы мнѣ привѣсили поддѣльную печать! сказалъ автографъ.

И при этихъ словахъ рукояткѣ невольно пришло на мысль—зачѣмъ она не можетъ быть настоящей печатью!..

И ей захотѣлось высказаться, захотѣлось, чтобы старый другъ утѣшилъ ее...

— Вы думаете я ничего не сдѣлала, чтобы избѣжать этотъ мезальянсъ, спросила она и, не дожидаясь отвѣта, быстро продолжала:—нѣтъ, я сдѣлала все отъ меня зависящее... Я три раза вываливалась изъ рукъ мастера, когда онъ подносилъ ко мнѣ этотъ кусокъ желѣза... Но мастеръ отлично зналъ, что клинокъ поддѣльный, потому что онъ самъ дѣлалъ его, и все-таки соединилъ насъ. Онъ обма-

Digitized by Google

нулъ художника и получилъ съ него хорошую за это плату. Когда художникъ бралъ меня отъ мастера, я была холодна, какъ ледъ... Но онъ не понялъ этого... Правда, мастеръ объяснилъ мой холодъ тѣмъ, что я лежала на окнѣ... Знаете—я не вынесу долго своего униженія... я кончу съ собою... я дамъ трещину... я чувствую, что я дамъ трещину!.. взволнованно заключила рукоятка.

— О, тогда пусть съѣдятъ меня мыши, если я продолжу свое существованіе! съ чувствомъ воскликнулъ и автографъ...

Въ это время клинокъ, хранившій до сихъ поръ молчаніе, болѣе не выдержалъ и задребезжалъ:

— Позвольте, милостивая государыня, позвольте...

— Ахъ, пожалуйста, пренебрежительно перебила его рукоятка,—не заводите мѣщанскихъ ссоръ, хотя бы при постороннихъ... мы не одни здѣсь...

Это были первыя еще слова, которыми они обмѣнялись. До этой минуты они не разговаривали другъ съ другомъ.

— Мнѣ все равно! заявилъ клинокъ,—пусть слышатъ всѣ... я имѣю такое же право гордиться своимъ происхожденіемъ...

— Вотъ видите-ли, перебила рукоятка наставительно и съ такимъ выраженіемъ — что хотя и не стоитъ-де съ вами разговаривать, но я вамъ, такъ ужъ и быть, объясню разъ навсегда, чтобы заставить замолчать,—вотъ видите-ли, повторила она,—вы хотите равняться со мною! да знаете-ли, къ какому я вѣку принадлежу?—то былъ вѣкъ силы, славы и могущества... не то, что нынѣшній.. Меня сдѣлалъ лучшій мастеръ Италіи. Онъ соединилъ меня съ превосходнымъ восточнымъ клинкомъ, однимъ взмахомъ перерубавшимъ копье... Мы жили съ нимъ душа въ душу, какъ говорятъ люди. Это значитъ: безъ ссоръ и размолвокъ. Насъ отнялъ у купца на дорогѣ храбрый рыцарь, и мы стали служить ему. Золотое было время! Мы выѣзжали на зарѣ, и горе было тому, кто попадался намъ навстрѣчу... Рыцарь славился своею силою и заставлялъ всѣхъ подчиняться ей... И все было наше — все, чего-бы ни пожелали... Законъ для насъ былъ — на концѣ моего клинка. Другого мы не признавали...

— То было время кулачнаго права. Вашъ рыцарь былъ просто разбойникъ!.. язвительно замѣтила шпора, забывая, что хотя она и поддѣльная, но все-таки рыцарская шпора...

Digitized by Google

— Это былъ храбрый и сильный рыцарь, продолжала рукоятка,—я не могла равнодушно относиться къ его подвигамъ. Я горѣла, когда онъ бралъ меня въ руки. Мой клинокъ сталъ замѣчать это и задумалъ погубить рыцаря. Онъ пожертвовалъ для этого собою и однажды—въ самый разгаръ боя—сломался. Мой обезоруженный рыцарь палъ подъ ударами враговъ. Такъ вотъ въ какое время жила я!..

— И только-то? спросилъ клинокъ.

— Да только... но я желала-бы знать, чѣмъ вы, какимъ подвигомъ силы можете похвалиться, — поддѣльный клинокъ, созданный въ настоящее трусливое и слабонервное время?..

— Божественная рукоятка! началъ клинокъ, въ свою очередь,—мое происхожденіе вовсе не такъ древне, какъ ваше, но это ничего не значитъ. Правда, отцомъ моимъ былъ самый обыкновенный кузнечный молотъ, а мамашею—простая рельсина. Меня сдѣлали изъ рельсины. Тѣмъ не менѣе, повѣрьте — я получилъ свое существованіе въ столь-же героическое, какъ вы, время, хотя и позднѣйшее. Люди остались все тѣми-же людьми. Вы говорите вотъ: рыцарь не хотѣлъ подчиниться закону. Могу васъ увѣрить, и въ настоящее время также существуютъ такіе-же рыцари. Разница въ томъ лишь, что прежніе не подчинялись, обладая грубой физической силой,—теперь-же не подчиняются, обладая силой ума, которая даетъ средства *обходить* законъ. Такимъ образомъ, самая суть дѣятельности ничуть не измѣнилась—измѣнился только способъ. Даже средства остались тѣ-же самыя. Въ то время для добыванія золота изъ желѣза ковали мечи. Теперь изъ желѣза-же строятъ машины и тянутъ рельсы, которыя служатъ для предпріятій. При помощи этихъ предпріятій выпускаютъ акціи и добываютъ золото. Тутъ весь вопросъ: кто кого перехитритъ? Кто окажется „умнѣе“, тотъ будетъ и богаче, совершенно такъ же, какъ въ ваше время—былъ богаче тотъ, кто былъ сильнѣе... Если вамъ угодно примѣръ—я могу привести ихъ тысячи...

— Все это очень важно, что вы говорите, задумчиво замѣтила рукоятка, — но какіе-же примѣры — дайте хоть одинъ?

— Извольте. Я разскажу вамъ случай, близко касающійся нашей семьи. Когда строилась та дорога, на которой мамаша моя была рельсиной—то было неизвѣстно, бу-

Digitized by Google

дутъ-ли гарантированы бумаги этой дороги. Во главѣ предпріятія стоялъ одинъ рыцарь очень умный, значитъ, переводя на вашъ языкъ—сильный. У него въ рукахъ была бо̀льшая часть бумагъ дороги. Въ одно утро вдругъ является въ газетахъ слухъ, что гарантіи дано не будетъ. Глава предпріятія пріѣзжаетъ на биржу встревоженный. Агенты его продаютъ бумаги дороги почти за безцѣнокъ... На биржѣ паника. Всѣ спѣшатъ продать свои бумаги за что попало. Черезъ недѣлю выходитъ гарантія, и почти всѣ бумаги оказываются у главы предпріятія. Онъ узналъ своевременно о гарантіи, пустилъ въ газетахъ слухъ, что ея не будетъ, и когда явные его агенты продавали на биржѣ бумаги—тайные скупали ихъ за безцѣнокъ... и всѣ преклонились передъ его геніемъ, и законъ не предусмотрѣлъ такой случайности... Если угодно, я могу продолжить примѣры безъ конца,—если вамъ не довольно этого...

— Да, но, вѣдь, это обманъ! замѣтилъ автографъ,—ужъ лучше прямо съ оружіемъ прійти и отнять! Это не честно...

— Но это сильно! возразила рукоятка.

Она уже начинала чувствовать симпатію къ своему клинку... Ей казалось, что они начинаютъ понимать другъ друга...

Digitized by Google

Сѣровъ, какъ критикъ.

Очеркъ **В. С. Баскина.**

Нашимъ читателямъ уже извѣстно (*Нива*, № 50, 1892 г.), что щедротами Его Величества осуществляется изданіе полнаго собранія критическихъ статей композитора А. Н. Сѣрова, автора трехъ оперъ: „Юдиѳи", „Рогнѣды" и „Вражьей силы". Неоднократно указывалось въ печати на отсутствіе собранія этихъ статей, какъ на существенный пробѣлъ въ нашей музыкально-критической литературѣ; теперь пробѣлъ этотъ восполняется, и два тома „Критическихъ статей" уже предъ нами; всѣхъ томовъ будетъ четыре; вышедшіе содержатъ въ себѣ статьи за первыя десять лѣтъ его критической дѣятельности и обнимаютъ собою 1215 страницъ большого журнальнаго формата. Извѣстно, что Сѣровъ не переставалъ писать до послѣдняго дня своей жизни (20 января 1871 г.), продолжая, такимъ образомъ, свою писательскую дѣятельность въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ. Второе десятилѣтіе, вѣроятно, вмѣстѣ съ письмами составитъ содержаніе послѣднихъ томовъ.

Въ видахъ, однако, того, что, начиная съ 1860 г., Сѣровъ удѣлялъ сравнительно очень немного времени критической дѣятельности, будучи поглощенъ своими композиціями, важнѣйшее выпадаетъ именно на первое десятилѣтіе, и написанное имъ за это время (нынѣ появившееся въ разсматриваемыхъ двухъ томахъ) составляетъ главный вкладъ, сдѣланный имъ въ музыкально-критическую литературу. Вотъ почему думаемъ, что на основаніи этихъ двухъ томовъ можно смѣло высказаться о Сѣровѣ, какъ о критикѣ; тѣмъ болѣе, что образованная публика, вѣроятно, помнитъ главнѣйшіе труды Сѣрова, вышедшіе изъ-подъ его пера за второе десятилѣтіе его журнальной дѣятельности. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому, необходимо сказать два слова объ изданіи, выходящемъ въ свѣтъ подъ наблюденіемъ комитета, состоящаго подъ высокимъ покровительствомъ Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго.

Въ составъ комитета вошли товарищи покойнаго композитора, по училищу Правовѣдѣнія, гг. Стояновскій

Digitized by Google

(предсѣдатель), Чайковскій (извѣстный композиторъ), Герке и Молчановъ. Основаніемъ для изданія послужилъ „Библіографическій указатель произведеній А. Н. Сѣрова“, составленный послѣднимъ членомъ комитета и напечатанный приложеніемъ къ журналу *Библіографъ*, издаваемому г. Лисовскимъ (1888 г.); но самое дѣятельное участіе въ изданіи выпало на долю вдовы композитора, В. С. Сѣровой. Въ собраніе „Критическихъ статей“ не вошли тѣ изъ нихъ, которыя носили исключительно полемическій характеръ и представляли, слѣдовательно, временный интересъ. Для размѣщенія статей принятъ хронологическій порядокъ, по годамъ, представляющій бо́льшія удобства для нагляднаго обозрѣнія постепеннаго развитія критическихъ взглядовъ автора. Составители „Сборника“ обѣщаютъ систематическую группировку статей, въ видѣ приложенія къ послѣднему тому, т. е. къ четвертому.

А. Н. Сѣровъ писалъ въ 27 періодическихъ изданіяхъ и не только русскихъ, но и иностранныхъ: французскихъ и нѣмецкихъ, если не считать участія его въ „Энциклопедическомъ словарѣ“, составлявшемся русскими литераторами и учеными въ 1861—62 гг. подъ редакціей покойнаго Краевскаго (въ этомъ „Словарѣ“ помѣщено нашимъ критикомъ, однако, около 50 статеекъ по музыкѣ); наибольшее количество изданій, въ которыхъ работалъ Сѣровъ, конечно, русское; по-французски онъ писалъ въ *Journal de St.-Pétersbourg* и въ *Le Nord*, а нѣмецкія его статьи писались имъ по-русски и переводились другими лицами въ *Neue Zeitschrift für Musik*. Въ два тома вошли и эти статьи, а затѣмъ появившіяся въ русскихъ органахъ печати: *Современникѣ*, *Библіотекѣ для чтенія*, *Пантеонѣ*, *Москвитянинѣ*, *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, *Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ* (здѣсь помѣщено было наибольшее количество его статей, между 1856 и 1860 гг.).

Первый томъ снабженъ портретомъ композитора, сдѣланнымъ сыномъ его, В. А. Сѣровымъ; портретъ этотъ одно время былъ выставленъ въ фойэ Маріинскаго театра, когда праздновался 25-лѣтній юбилей „Юдиѳи“; композиторъ изображенъ стоящимъ у письменнаго стола въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Чтобы покончить съ внѣшней стороной изданія, нужно прибавить, что хотя оно и очень хорошо, какъ съ точки зрѣнія набора и шрифтовъ, такъ

Digitized by Google

и относительно корректуры (опечатокъ, и грубыхъ, весьма немного въ обоихъ вышедшихъ томахъ), но оно не можетъ разсчитывать на большой кругъ читателей, вслѣдствіе неимовѣрно высокой цѣны, назначенной за этотъ сборникъ. *Двѣнадцать* рублей за четыре тома (по 3 руб. книга по подпискѣ) не всякій въ состояніи уплатить, и въ особенности учащіеся, для которыхъ труды А. Н. Сѣрова представляли-бы особенный интересъ въ смыслѣ знакомства съ эпохами развитія музыкальнаго искусства. Разъ на изданіе ассигнованы средства, цѣна его должна была-бы быть наидоступнѣйшая для всѣхъ и, преимущественно, для учащихся; только тогда была-бы достигнута цѣль популяризаціи сочиненій Сѣрова; при существующихъ-же условіяхъ книги эти будутъ достояніемъ весьма немногихъ.

И такъ, предъ нами—Сѣровъ-критикъ. Въ монографіи нашей о Сѣровѣ („Русскіе композиторы". III.—А. Н. Сѣровъ. Изданіе П. Юргенсона. Москва, 1890 г.) мы имѣли возможность подробнѣе остановиться на томъ періодѣ его дѣятельности, между 1850 и 1860 гг., на который выпадаетъ наибольшая его критическая дѣятельность; это время,—въ теченіе котораго онъ пріобрѣлъ себѣ обширную популярность, въ качествѣ писателя на музыкальномъ поприщѣ,—было самое тяжелое въ жизни его. Напомнимъ о ней вкратцѣ, чтобы выяснить, при какихъ условіяхъ пришлось Сѣрову отвоевывать себѣ имя въ литературѣ. Извѣстно, что отецъ его, человѣкъ практически смотрѣвшій на жизнь, не раздѣлялъ взглядовъ сына на литературныя занятія; онъ хотѣлъ видѣть въ немъ человѣка, сдѣлавшаго служебную „карьеру", занимающаго извѣстный постъ, обезпеченнаго матеріально и проч.; словомъ, онъ всячески старался и содѣйствовалъ его службѣ; онъ неоднократно говаривалъ: „живя такимъ образомъ (т. е. не будучи на службѣ), ты умрешь на рогожкѣ гдѣ-нибудь возлѣ кабака"... Эти слова достаточно характерны.

Съ другой стороны, Сѣровъ, будучи художникомъ по натурѣ и чувствуя призваніе именно къ искусству, конечно, тяготился своимъ чиновничьимъ положеніемъ и не могъ мириться съ своей монотонной работой, требовавшей отъ него опредѣленнаго времени, извѣстной отчетности въ однообразныхъ дѣйствіяхъ, извѣстной отвѣтственности за шаблонно-установленныя формы и пр.; подъ чиновничьимъ

Digitized by Google

мундиромъ жила и крѣпла артистическая натура, искавшая свободы дѣйствій, не признававшая стѣсненія въ выборѣ формъ для выраженія своихъ мыслей, жаждавшая высказаться, подѣлиться пережитыми впечатлѣніями, установить и свои собственные выработанные взгляды; словомъ, въ немъ боролись два начала: обязанности чиновника и свобода художника; съ одной стороны—монотонная и къ тому-же стѣсненная формой работа, а съ другой стороны—желаніе сказать что-либо новое, интересное, обдуманное имъ, — выдѣлиться въ той области, которая, по его мнѣнію, нуждалась въ толкователяхъ. Эта альтернатива долгое время мучила Сѣрова, и онъ положительно не зналъ, какъ ему выйти изъ своего положенія.

То онъ выходитъ въ отставку (1850 г.) и предается своимъ любимымъ занятіямъ, то опять, — отчасти вслѣдствіе отсутствія средствъ къ жизни, отчасти вслѣдствіе настояній отца,—поступаетъ на службу (1852—1855 гг.), то снова оставляетъ службу, пока, наконецъ, въ 1860 г. не попадаетъ цензоромъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Дошедши до крайности въ борьбѣ, Сѣровъ предпринимаетъ въ концѣ разсматриваемаго десятилѣтія неслыханное до него предпріятіе: чтеніе публичныхъ лекцій о Глинкѣ (1859 г.) и о Вагнерѣ (1860 г.), надѣясь этимъ путемъ хоть сколько-нибудь поправить свои матеріальныя дѣла, пришедшія въ окончательный упадокъ; вотъ два отрывка изъ писемъ его, характеризующіе его благосостояніе въ это время и доказывающіе, при какихъ условіяхъ приходится работать нашимъ лучшимъ дѣятелямъ:

„Обстоятельства мои отвратительны! (Письмо писано къ М. П. Анастасьевой 7-го апрѣля 1859 г.). Съ половины курса слушателей только сорокъ человѣкъ (Сѣровъ читалъ свои лекціи въ залѣ С.-Петербургскаго университета). Дохода ни гроша! Я статьями плачу за лампы на лекціяхъ! Вотъ Петербургъ! *У меня буквально по цѣлымъ недѣлямъ трехъ копѣекъ не бываетъ!*.. На извозчика беру иногда взаймы... Иногда приходится хоть въ петлю...“ Чрезъ годъ, когда, — несмотря на равнодушіе петербуржцевъ и къ новизнѣ дѣла — чтенію лекцій по музыкѣ, и къ громкому имени лектора, — Сѣровъ въ то время ужъ пользовался обширной извѣстностью, въ качествѣ перваго музыкальнаго критика, — будущій авторъ „Юдиѳи“ снова открылъ курсъ лекцій о Вагнерѣ, все-таки не теряя надежды

Digitized by Google

на достиженіе какой-либо цѣли своими чтеніями по искусству, онъ писалъ: „Начиная съ Пасхи, я открываю небольшой курсъ полупублично, т. е. по подпискѣ, собственно о Вагнерѣ (авось, за то удастся сганашить копейку, а то совсѣмъ „обтрепался“, хуже нищаго! Платья нѣтъ! Сапогъ нѣтъ! Срамота, о которой говорить совѣстно!“) (Письмо къ той-же Анастасьевой отъ 19 марта 1860 г.).

Мы привели эти факты, чтобы убѣдиться, при какихъ тяжкихъ условіяхъ — матеріальныхъ и нравственныхъ — приходилось Сѣрову завоевывать себѣ имя, сначала, критика, а потомъ и композитора; сколько энергіи нужно было, какую силу воли и убѣжденія надо было ему имѣть, чтобы идти наперекоръ всѣмъ препятствіямъ и добраться до цѣли, т. е. занять первенствующее мѣсто въ музыкальной критикѣ. Какъ она ни была бѣдна въ то время представителями, послѣдніе все же были; Одоевскій, Сенковскій, Булгаринъ, Стасовъ, Ростиславъ, Ю. Арнольдъ, Званцовъ, Дамке и др. — всѣ они болѣе или менѣе писали по музыкѣ, и для того, чтобы между ними выдѣлиться, нужно было ужъ весьма не малое. А между тѣмъ, какъ извѣстно, Сѣровымъ зачитывались; онъ сотрудничалъ во всѣхъ лучшихъ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ; его наперерывъ приглашали во всѣ журналы и газеты. Даже нерасположенные почему-либо къ нему писатели вынуждены были впослѣдствіи констатировать огромное его вліяніе на музыкальное развитіе нашего общества.

Самое главное достоинство статей Сѣрова — повторимъ сказанное нами въ другомъ мѣстѣ — это серьезный и научный тонъ ихъ; онъ первый установилъ правильное и критическое отношеніе къ музыкѣ; онъ дѣлалъ свои выводы и заключенія, опираясь на исторію предмета, на философію искусства; затѣмъ слѣдуетъ талантливое изложеніе, обнаруживающее полное и основательное знаніе предмета, о которомъ онъ берется говорить, всестороннее изученіе музыкальной литературы. Кого бы онъ ни выбралъ героемъ своей бесѣды (русскаго композитора,—Глинку, Даргомыжскаго,—или иностраннаго,—Моцарта, Спонтини или Вагнера),—онъ чрезвычайно рельефно выдвигаетъ на первый планъ историческій моментъ, въ которомъ дѣйствовало то или другое лицо, прекрасно освѣщаетъ условія, при которыхъ явилось это лицо, его значеніе въ музыкѣ въ данную минуту и для будущаго развитія этого искусства.

Digitized by Google

Сѣровъ, несмотря на свои недостатки, о которыхъ скажемъ ниже, является настоящимъ критикомъ, не только для своего времени; многія изъ его статей не потеряли своего значенія и теперь; его заслуги въ музыкально-критической литературѣ, безъ преувеличенія, можно сравнить съ заслугами Бѣлинскаго въ литературной критикѣ; его разумное отношеніе къ историческимъ явленіямъ въ искусствѣ, отсутствіе рѣзкихъ приговоровъ, гдѣ онъ только не увлекается черезчуръ своими симпатіями и антипатіями (мы говоримъ о статьяхъ, носящихъ объективный характеръ; вѣдь, и такихъ у него не мало), искусная группировка фактовъ, объясненіе и обобщеніе ихъ,—дѣлаютъ его статьи весьма интересными; своимъ юморомъ и остроуміемъ онъ заинтересовывалъ даже равнодушныхъ къ музыкѣ людей; бойкость его пера и полемическій задоръ, съ которымъ, къ сожалѣнію, ежедневному хроникеру nolens-volens приходится имѣть дѣло, очень способствовали живому интересу его статей, а опредѣленными (и иногда рѣзкими) сужденіями онъ вызывалъ спеціалистовъ на полемику (Арнольдъ, Ростиславъ, т. е. Ѳ. Толстой).

Изъ многочисленныхъ статей, вошедшихъ въ разсматриваемые томы, особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія, какъ не потерявшія своего значенія и въ настоящее время по своимъ трезвымъ объективнымъ взглядамъ и по полному безпристрастію, съ которыми онѣ написаны. Во-первыхъ — „Спонтини и его музыка“ (*Пантеонъ*, 1852 г.); во-вторыхъ — „Моцартовъ Донъ-Жуанъ“ (тамъ же, три статьи, 1853 г.); въ-третьихъ—„Письмо къ Улыбышеву по случаю толковъ о Моцартѣ и Бетховенѣ“ (три статьи, тамъ же); въ-четвертыхъ — „Бетховенъ и его три стиля“ (о книгѣ Ленца, тамъ же); въ-пятыхъ — „О „Сѣверной звѣздѣ“ Мейербера“ (пять статей, въ *Муз. и Театр. Вѣстникѣ* 1856 г.); въ-шестыхъ — „Девятая симфонія Бетховена“ (двѣ статьи, тамъ же); въ-седьмыхъ— „Курсъ музыкальной техники“ (семь статей, тамъ же); въ-восьмыхъ — „Русалка, опера А. С. Даргомыжскаго“ (одиннадцать статей, тамъ же); въ-девятыхъ—„Малоизвѣстное произведеніе М. И. Глинки“ (четыре статьи о „Князѣ Холмскомъ“, тамъ же); въ-десятыхъ — „Галлерея оперныхъ композиторовъ. Моцартъ“ (четыре статьи, тамъ же); въ-одиннадцатыхъ—„Заграничныя письма“ (четырнадцать статей о Листѣ, Вагнерѣ, Берліозѣ и др., — особенно, о

Digitized by Google

Вагнерѣ, — тамъ же) и въ-двѣнадцатыхъ — „Опера и ея новѣйшее направленіе въ Германіи. Критическій этюдъ“ (*Русское Слово*, 1859 г.).

Мы назвали только крупнѣйшія его работы, не останавливаясь на цѣлой массѣ весьма интересныхъ разборовъ оперъ, дававшихся въ его время, на библіографическомъ отдѣлѣ, который онъ велъ такъ тщательно, не пропуская ничего выдающагося по литературѣ музыки, на его бесѣдахъ съ читателемъ по поводу того или другого интересовавшаго его вопроса („О вандальствѣ въ отношеніи оперы“, „Значеніе слова ритмъ“) и др., хотя мысли, высказываемыя нашимъ критикомъ въ этихъ статьяхъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно вѣрны, и можно было бы радоваться за процвѣтаніе нашей музыкально-критической литературы, если бы мы встрѣчали подобное знаніе дѣла и критическій тактъ у многихъ и многихъ, берущихся теперь судить публично объ этомъ предметѣ въ большинствѣ нашей ежедневной печати и скрывающихся или подъ псевдонимами, не смѣя называться, или находя болѣе выгоднымъ и „честнымъ“ стрѣлять изъ-за угла — что еще того хуже — прикрываться анонимами. Да, теперь такихъ писателей, какъ Сѣровъ, мало, — не только по таланту (талантъ отъ Бога), но, главнымъ образомъ, по знанію предмета и по честному отношенію къ искусству и печатному слову.

Сѣровъ, если и увлекался порою — а это одинъ изъ главныхъ недостатковъ его, какъ критика, — то увлекался искренно: въ данную минуту онъ былъ искренно убѣжденъ въ правотѣ и неопровержимости тѣхъ взглядовъ, которые онъ проводилъ, и готовъ былъ защищать ихъ до послѣдней капли крови, хотя бы эти взгляды и противорѣчили высказаннымъ имъ же сужденіямъ о томъ же предметѣ вчера. И кто только способенъ понять артистическую, увлекающуюся идеями, натуру Сѣрова, тотъ нисколько не станетъ удивляться перемѣнчивости убѣжденій этого критика, вчера превозносившаго Мейербера до небесъ, называвшаго его такими ласкательными эпитетами, какъ „мой Мейерберъ“, „несравненный Мейерберъ“, „La favori de mon âme“ и пр., — а завтра клеймившаго его прозвищемъ въ родѣ „жида-шарлатана“, „арранжера чужихъ мыслей“ и пр. Главнѣйшее, что извиняетъ Сѣрова въ этихъ крайностяхъ, кромѣ артистическаго темпера-

Digitized by Google

мента, вначалѣ вредившаго ему, какъ критику par excellence,—это полное отсутствіе *личныхъ* къ кому бы то ни было отношеній; онъ вездѣ и во всемъ руководствовался только идейной стороной дѣла; только идея могла его воодушевить въ ту или другую сторону.

Мы глубоко увѣрены, что его чрезмѣрное увлеченіе Вагнеромъ и его музыкальной реформой, — если то, что имъ сдѣлано, можно назвать реформой, — навѣрное приняло бы другой характеръ, если не противоположный тому, что имъ писалось; мы не можемъ допустить, чтобы такой образованный музыкантъ, такой всесторонне начитанный критикъ, такой широко захватывающій умъ и такой увлекающійся человѣкъ, могъ надолго или навсегда оставаться при мнѣніи, что „Тристанъ и Изольда“ Вагнера = „Бахъ + Бетховенъ + Шопенъ + Шекспиръ“. Его отношеніе къ Мейерберу слишкомъ насъ убѣждаетъ въ высказанномъ нами относительно его увлеченіи; говорилъ же онъ о „Гугенотахъ“: „Что это за прелесть, что за мотивы, что за мастерская обработка!“, а черезъ пять лѣтъ: „Въ „Гугенотахъ“, гдѣ вся задача была историчность, Мейерберъ не сумѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи ровно ничего“. Да, наконецъ, его произведенія, и въ особенности „Рогнѣда“, ясно доказываютъ, что онъ гораздо больше симпатизировалъ (и даже подпадалъ подъ вліяніе) Мейерберу, чѣмъ Вагнеру, которому онъ платитъ обильную дань въ „Юдиѳи“.

Мало того, онъ самъ, какъ можно судить по слѣдующему факту, былъ очень доволенъ сопоставленіемъ съ Мейерберомъ; въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ покойный Званцовъ разсказываетъ (*Русская Старина*, 1888 г.), что когда появилась статья въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* послѣ постановки „Рогнѣды“, въ которой авторъ между прочимъ говоритъ, что у Сѣрова самое мейерберовское направленіе, самый мейерберовскій строй душевный, — Сѣровъ сказалъ слѣдующія слова „не безъ нѣкотораго самодовольства“, какъ выражается Званцовъ: „Je ne demande pas mieux! Слава Богу, что въ Россіи есть хоть Мейерберъ“. Да и фактически Сѣровъ обнаруживалъ нѣкоторое охлажденіе къ своему кумиру, — къ Вагнеру, въ статьяхъ, по крайней мѣрѣ, послѣ отзыва Вагнера, довольно-таки кисло-сладкаго, о „Юдиѳи“: „Ну да, вы усвоили себѣ технику, вы правильно ведете голоса, вы хо-

Digitized by Google

рошо оркеструете,— что тутъ еще толковать?“ —отзыва, которымъ самолюбивый Сѣровъ, такъ много сдѣлавшій для Вагнера въ Россіи (кромѣ безчисленныхъ самыхъ хвалебныхъ статей о немъ, Вагнеръ обязанъ постановкой „Лоэнгрина“ на нашей сценѣ исключительно Сѣрову), — едва ли могъ остаться вполнѣ довольнымъ.

Самое лучшее опредѣленіе своей критической дѣятельности далъ самъ Сѣровъ. Опредѣленіе это приведено въ статьѣ г. Старчевскаго (*Наблюдатель* за 1888 годъ), которая представляетъ не что иное, какъ извлеченіе изъ статьи Сѣрова о себѣ.

Сѣровъ, какъ оказывается, отлично самъ сознавалъ всѣ свои достоинства и недостатки; относительно послѣднихъ позволимъ себѣ привести нѣсколько фразъ изъ статьи Старчевскаго, мало извѣстной читающей публикѣ и весьма характерной, какъ по опредѣленію значенія Сѣрова, въ качествѣ критика, такъ и по своему содержанію: Сѣровъ, самъ опредѣляющій себя и установляющій свой цензъ на поприщѣ музыкальной критики. Прибавимъ только сначала, что если существовали какіе-либо споры относительно Сѣрова, то предметомъ ихъ была композиторская его дѣятельность; относительно же критической, — разногласія не было въ томъ, что онъ первый и лучшій критикъ своего времени; это за нимъ признавали и тѣ, которые отрицали въ немъ выдающагося композитора.

„Статьи Сѣрова въ *Пантеонѣ*, — говоритъ г. Старчевскій, — прошли почти безгласно, хотя въ нихъ много такого, чего на поприщѣ русской музыкальной литературы еще не встрѣчалось. Любовь къ дѣлу и глубокое знаніе того, о чемъ идетъ рѣчь, видны тамъ въ каждой строкѣ. Статьи г. Сѣрова въ *Муз. и Театр. Вѣстникѣ* весьма серьезны, хотя безъ сухости, потому что онъ свободно владѣетъ перомъ, а по временамъ даетъ волю своей саркастической жилкѣ“. О своемъ „Курсѣ музыкальной техники“ Сѣровъ говоритъ, что „это не переводъ и не компиляція по нѣмецкимъ источникамъ, а оригинальный трудъ, и что по-русски не было еще ни одного серьезнаго трактата о музыкальной теоріи...“ „Но не слишкомъ ли *ученъ* курсъ г. Сѣрова?“ спрашиваетъ авторъ и тутъ же отвѣчаетъ за себя: „Онъ излагаетъ понятія, установившіяся въ немъ самомъ, излагаетъ ясно, логически,

Digitized by Google

систематически, — но не слишкомъ ли *философски* для большинства читателей?"

А вотъ и недостатки, которые вѣрно подмѣчаетъ въ себѣ Сѣровъ: „Нѣкоторая язвительность, колкость, съ которою онъ безпощадно преслѣдуетъ все, что не отвѣчаетъ его идеалу искусства,—также увѣренность, съ которою онъ высказываетъ свои убѣжденія, придали музыкальной критикѣ *Вѣстника* характеръ нѣкоторой „зрѣлости", что многимъ не понравилось. Понимая, что каждый пишетъ по-своему, т. е. сообразно своему дарованію, мы, однако, въ свою очередь, замѣтимъ г. Сѣрову, что *иногда* онъ слишкомъ увлекается и, при всей вѣрности взгляда и дѣльности направленія, иногда, какъ говорится, *„пересаливаетъ"* (курсивъ у самого Сѣрова). Критика его много бы выиграла, если бы онъ держался постоянно серьезности, яснаго и умѣреннаго изложенія своихъ взглядовъ на искусство,—какъ въ прежнихъ большихъ статьяхъ своихъ въ *Пантеонѣ*,—и чаще воздерживался бы отъ рѣзко-язвительныхъ выходокъ, отъ насмѣшливаго тона, который бываетъ кстати только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, а по большей части придаетъ серьезной критикѣ не совсѣмъ пріятный оттѣнокъ легкой журнальной полемики."

Похваливъ свои статьи о „Сѣверной звѣздѣ" Мейербера въ *Вѣстникѣ*, Сѣровъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Въ отношеніи же всего творчества Мейербера критику остается привести много и много фактовъ, чтобы доказать, что его взглядъ вполнѣ безпристрастенъ"; отсюда не трудно понять, что самъ Сѣровъ признавалъ свой главный недостатокъ, заключающійся въ пристрастіи, въ отсутствіи спокойнаго анализа, который такъ необходимъ историку и критику для установленія правильнаго взгляда на художественныхъ дѣятелей и явленія, и присутствіе котораго всегда вооружаетъ безпристрастнаго читателя противъ автора; въ результатѣ критикъ въ такихъ случаяхъ оказываетъ вовсе нежелательную ему услугу тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и косвеннымъ образомъ медвѣжью услугу себѣ и своему реноме. И это прекрасно сознавалъ Сѣровъ, заглаживающій тутъ же не совсѣмъ выгодное о себѣ впечатлѣніе слѣдующими словами: „Въ полемикѣ — главное оружіе г. Сѣрова знаніе фактовъ и неподкупная логика".

Не можемъ воздержаться, чтобы не привести заключи-

Digitized by Google

тельныхъ словъ этой любопытной статьи: „Впрочемъ, мы далеки отъ желанія поощрять г. Сѣрова на этомъ поприщѣ (т. е. полемическомъ); чувствуя свою способность къ журнальной борьбѣ, онъ и то слишкомъ много ею занимается, а между тѣмъ многіе изъ читателей *Вѣстника* болѣе были бы довольны, если бы онъ, вмѣсто литературныхъ ссоръ и споровъ, спокойно продолжалъ свои теоретическія статьи". Но увы, — Сѣровъ, прекрасно сознавая все это, все-таки не могъ отречься отъ своего артистическаго темперамента и продолжалъ свою полемическую дѣятельность до конца своей жизни. Даже когда пріятели впослѣдствіи, послѣ громаднаго успѣха „Юдиѳи" и „Рогнѣды", совѣтовали ему бросить критику и заниматься исключительно композиціями, Сѣровъ прямо отвѣчалъ, что если онъ будетъ молчать, то кто же дастъ отпоръ его „ревунамъ", подъ которыми онъ разумѣлъ своихъ литературныхъ враговъ. Онъ сознавалъ, что журнальная дѣятельность, къ сожалѣнію, сопряжена съ личными столкновеніями, хотя бы и литературнаго свойства.

Такъ какъ намъ едва ли придется возвратиться къ послѣднимъ двумъ томамъ „Критическихъ статей" Сѣрова, имѣющимъ еще выйти въ свѣтъ, въ видахъ того, что почти всѣ его главнѣйшіе труды на критическомъ поприщѣ принадлежатъ періоду времени между 1850 и 1860 гг., прибавимъ теперь, что къ его лучшимъ работамъ принадлежатъ статьи о Вагнерѣ („Нибелунговъ перстень", помѣщенный въ *Якорѣ* за 1863 г.) и о „Русланѣ" Глинки. Двѣнадцать статей о Вагнерѣ служатъ, собственно говоря, введеніемъ къ „Кольцу Нибелунговъ", а самая статья о главномъ предметѣ такъ и осталась неоконченною; только о первой части тетралогіи, кажется, онъ успѣлъ высказаться. Статья же „Русланъ и Руслaнисты" была помѣщена въ издававшемся Сѣровымъ и его женой журналѣ *Музыка и театръ*, вынужденномъ, несмотря на громкое имя редактора, прекратить свое существованіе, за отсутствіемъ подписчиковъ. Кромѣ того, заслуживаютъ серьезнаго вниманія его переводныя статьи Листа („Сонъ въ лѣтнюю ночь" и др.), Берліоза и др.

Digitized by Google

Библіографія.

С. В. Безобразовъ. Сборникъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ. Изданіе Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ дѣлъ. СПБ. 1892. Цѣна 1 руб.

Въ Сборникѣ помѣщена вся практика Правительствующаго Сената, точно установляющая признаки вѣчно-чиншеваго владѣнія, при наличности которыхъ земли могутъ быть предоставлены на выкупъ по правиламъ Положенія 9 іюня 1886 года. Вслѣдствіе этого книга г. Безобразова, представляющая значительный интересъ въ юридическомъ отношеніи, является необходимымъ руководствомъ, какъ для лицъ, ходатайствующихъ о признаніи за ними вѣчно-чиншевыхъ правъ, такъ и для владѣльцевъ имѣній, въ которыхъ расположены участки, заявленные вѣчно-чиншевыми.

Шесть статей о Пушкинѣ. А. И. Незеленова. Спб. 1892. Ц. 60 к.

Книжка проф. Незеленова въ высшей степени полезна для молодыхъ людей, желающихъ относиться къ Пушкину и его произведеніямъ съ должнымъ анализомъ и сознательно. Съ ясной послѣдовательностью и логичностью авторъ анализируетъ дѣятельность нашего великаго поэта и его произведенія, внимательно останавливаясь на всемъ, что представляетъ важность, и показываетъ значеніе разсматриваемаго, какъ онъ, конечно, самъ его представляетъ себѣ. Въ книжкѣ собраны нѣсколько статей нашего автора, напечатанныхъ въ разное время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ двухъ рѣчахъ: «Пушкинъ, какъ поэтъ и человѣкъ», произнесенныхъ въ Соляномъ Городкѣ, по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, и «Рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная въ Импер. СПБ. Университетѣ 28 янв. 1887 года»,—заключается опытъ психологической и историко-литературной характеристики поэта. Затѣмъ слѣдуютъ: «Евгеній Онѣгинъ. Романъ Пушкина»—критическій разборъ и характеристика персонажей романа; «Новые отрывки и варьянты сочиненій Пушкина (изъ рукописей Румянцевскаго музея)»,—нѣсколько произведеній геніальнаго поэта и матеріалы для біографіи его, не вошедшіе еще ни въ одно изъ собраній его сочиненій; «Какъ и почему пропущена одна глава изъ повѣсти «Капитанская дочка?»—гдѣ авторъ доказываетъ, что глава пропущена самимъ Пушкинымъ, какъ мѣшающая

Digitized by Google

«художественной стройности и правдѣ всего произведенія»; наконецъ, «Жизнь А. С. Пушкина (для народа)»—краткая біографія великаго поэта.

Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка. Томъ I. Составилъ **В. Потто.** СПБ. Типо-литогр. Р. Голике. 1892 г.

Со всевозможною роскошью изданный 1-й томъ исторіи Нижегородскаго полка, очевидно, преслѣдуетъ не только задачи историческаго изслѣдованія, а и цѣли военно-воспитательныя. Въ длинномъ ряду фактовъ, передаваемыхъ составителемъ въ увлекательной литературной формѣ, читатель находитъ примѣры беззавѣтной преданности родинѣ, готовность отдать ей кровь и жизнь, и самъ невольно проникается тѣмъ идеальнымъ, которое одно только и даетъ фактамъ истребленія себѣ подобныхъ оправданіе и освѣщеніе. Нижегородскій драгунскій полкъ принадлежитъ къ старѣйшимъ въ русской арміи; онъ учрежденъ въ самомъ началѣ XVIII вѣка, въ ту тяжелую эпоху, когда, послѣ сраженія при Нарвѣ, уничтожившаго войска Петра Великаго, отъ русскаго государства требовалось огромное напряженіе силъ; и потомъ, въ теченіе почти двухъ-вѣкового существованія, полкъ постоянно служилъ примѣромъ воинской самоотверженной доблести, «не зная неудачи въ бояхъ», по выраженію автора. И потому исторія его, дѣйствительно, можетъ имѣть для молодого офицерства и, вообще, для всей русской арміи высоко-поучительный смыслъ. 1-й томъ сочиненія г. Потто обнимаетъ жизнь Нижегородскаго полка до конца почти прошлаго вѣка. Весьма интересны главы, относящіяся къ исторіи Крымскихъ походовъ и дѣйствій русскихъ войскъ въ Польшѣ, въ эпоху Радомской и Барской конфедерацій. Въ изложеніи состоянія Польши и положенія въ ней русскихъ войскъ въ тѣ времена читатель встрѣчаетъ любопытные факты и подробности, до настоящаго времени не бывшія извѣстными.

Мясная пища съ точки зрѣнія вегетаріанца. Д-ра А. И. Бургера. СПБ. 1892. Цѣна 1 р.

Еще недавно въ легкомысленной печати по нѣкоторому поводу полились насмѣшки надъ вегетаріанизмомъ, даже просто надъ стремленіемъ и пробой замѣнить животную пищу человѣка растительной. Книга д-ра Бургера можетъ служить хорошимъ отвѣтомъ на нихъ. Авторъ владѣетъ солидными знаніями, и, съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія разсматривая предметъ, довольно убѣдителенъ, чтобы поселить полное сомнѣніе въ основательности легкаго отношенія къ вегетаріанизму. Первымъ эпиграфомъ къ книгѣ стоятъ слова Гёте: «Наша пища и образъ жизни неестественны»; а изъ цѣлаго длиннаго ряда мнѣній людей замѣчательныхъ, и между ними врачей, читатель убѣждается, что давно уже и многіе серьезно думаютъ не въ пользу рутинныхъ взглядовъ на человѣческую пищу. Вегетаріанизмъ безпретенціозенъ и никому не навязываетъ проповѣди тотчасъ же бросить мясную пищу, но это не мѣшаетъ ему заключать въ себѣ серьезную идею. Книга д-ра Бургера можетъ быть рекомендуема именно противникамъ вегетаріанизма; она способна заставить ихъ серьезнѣе отнестись къ вопросу.

Систематическій перечень судебно-медицинскихъ данныхъ въ практическомъ, преимущественно, примѣненіи ихъ къ общественнымъ потребностямъ. **Заслуженнаго**

Digitized by Google

ординарнаго профессора судебной медицины Казанскаго университета И. М. Гвоздева. Казань. Типогр. Импер. Унив. 1892.

Помимо главнѣйшаго спеціально научнаго содержанія, въ книгѣ заслуженнаго профессора обращено вниманіе на полное иногда незнаніе, обнаруживаемое учащимися медиками относительно государственныхъ и общественныхъ потребностей, касающихся ихъ будущей дѣятельности, и потому даны цѣнныя указанія на границы и правъ, и обязанностей безтенденціозной медицинской экспертизы и на желательныя нормы составленія судебно-медицинскихъ протоколовъ. Какъ извѣстно, это далеко не лишнее въ наше время.

Исторія Бастиліи. (Историческая монографія). **Сем. Дм. Ахшарумова.** Съ приложеніемъ вида и плана Бастиліи. СПБ. Изд. книгопрод. Н. Г. Мартынова. 1893. Цѣна 1 р. 75 коп.

Написать исторію Бастиліи, этого страшнаго мѣста заключенія, болѣе четырехъ столѣтій бывшаго ужасомъ Франціи, авторъ задумалъ, разсматривая модели современныхъ мѣстъ заключенія на бывшей въ Петербургѣ два годъ назадъ тюремной выставкѣ. Имъ руководило сравненіе, слѣдовательно. И нельзя безъ ужаса читать то, что разсказываетъ авторъ, стараясь дать ясное понятіе, какъ о самомъ зданіи, такъ и о порядкахъ, существовавшихъ въ Бастиліи. Изъ массы фактовъ онъ выбралъ наиболѣе выдающіеся и характеризующіе различныя эпохи, и читатель, дѣйствительно, невольно начинаетъ чувствовать, что значитъ прогрессъ гуманности, освободившій человѣчество отъ ужасныхъ нравовъ, характеризующихъ тѣ эпохи. Стоитъ прочитать хотя-бы уже одну исторію заключенія Сельдона (стр. 248—273), бывшую далеко не такъ давно, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, чтобы сдѣлать краснорѣчивѣйшіе выводы о той «цивилизаціи,» которая процвѣтала во Франціи въ русскую эпоху Петра Великаго, столь нерѣдко обвиняемаго въ жестокости. Вообще книга г. Ахшарумова въ высокой степени поучительна. Издана она прекрасно.

Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. Н. И. Познякова. Съ рисунками Т. И. Никитина. СПБ. Изд. А. Ф. Девріена. 1892.

Повѣсть г. Познякова — очень симпатичная книжка. Въ ней живо и жизненно разсказывается о мальчикѣ, поступающемъ въ гимназію, о его впечатлѣніяхъ «новичкомъ», объ отношеніяхъ начальства и товарищей къ нему и его къ товарищамъ и начальству и проч. Боря Булановъ — такъ звали героя, — сумѣвшій занять среди товарищей почетное мѣсто, обзаводится, какъ это обыкновенно бываетъ, «другомъ», сближеніе съ которымъ до извѣстной степени возмѣщаетъ разлуку съ родной семьей, — но этотъ другъ скоро умираетъ, оставляя въ героѣ глубокое и сильное впечатлѣніе горя. Это обстоятельство занимаетъ въ разсказѣ одно изъ главныхъ мѣстъ. Конечно, повѣсть не лишена дидактическаго, поучительнаго характера, какъ почти всѣ дѣтскія книги, но авторъ тщательно скрылъ эти поученія подъ событіями и образами, такъ что они не лѣзутъ въ глаза читателю,—и это не маловажное достоинство въ книгѣ. Вообще повѣсть съ интересомъ прочтется дѣтьми одного возраста съ героемъ. Книжка издана очень красиво, съ недурными картинками и виньетками.

Древнія россійскія стихотворенія, собранныя

Digitized by Google

Киршею Даниловымъ. Изд. А. С. Суворина. (Дешевая библіотека). СПБ. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 38 коп.

Нельзя не порадоваться новому, притомъ крайне дешевому изданію этого перваго на Руси сборника эпическихъ произведеній народнаго творчества, получившихъ позже названіе «былинъ». «Намъ казалось,» говорится въ предисловіи къ изданію, «что такіе памятники древней поэзіи, какъ этотъ, должны быть доступны всѣмъ русскимъ людямъ и даже найти своихъ читателей въ народѣ». Не согласиться съ этимъ невозможно.

С. Смайльсъ. Долгъ. (Нравственныя обязанности человѣка). **Переводъ** съ англійскаго **С. Майковой.** Второе исправленное изданіе. СПБ. Изд. книгопр. Губинскаго. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

Смайльсъ пользуется широкой извѣстностью въ русской публикѣ, и говорить о достоинствахъ его книги было бы излишне. Первымъ эпиграфомъ къ ней стоятъ слова Теннисона: «Не разъ и не два въ исторіи нашего суроваго острова путь Долга былъ путемъ къ славѣ», и эту основную мысль авторъ проводитъ не теоретическими сухими разсужденіями, а живыми примѣрами изъ исторіи всѣхъ странъ и народовъ, говорящими чувству и воображенію. Книга Смайльса можетъ служить хорошимъ чтеніемъ для юношества. Переведена она хорошо, издана сносно.

Химическая технологія. Соч. Руд. Вагнера, обработанное **Ферд. Фишеромъ.** Съ 13-го изд. перевелъ **В. Тизенгольтъ.** Выпуски: 7-й, съ 68 рисунк., и 8-й, съ 80 рисунками. СПБ. Изд. К. Л. Риккера. 1892. Цѣна по 1 р.

При выходѣ предыдущихъ выпусковъ, мы уже говорили объ этомъ прекрасномъ изданіи, составляющемъ цѣнное пріобрѣтеніе въ русской технической литературѣ.

О борьбѣ съ заразными болѣзнями. Публичная лекція **проф. Н. М. Любимова.** Казань. Изд. кн. маг. Дубровина. 1893. Ц. 30 к.

Чахотка, ея причины и предосторожности противъ нея. Публич. лекція **проф. Любимова.** Изд. 3-е. Казань. Изд. Дубровина. 1893. Ц. 30 коп.

Способы распространенія заразныхъ болѣзней. Публ. лекція **проф. Любимова.** Казань. Изд. кн. маг. Дубровина. 1893.

Табакъ, какъ прихоть и несчастіе человѣка. Проф. И. М. Догеля. Изд. 4-е, кн. м. Дубровина. Казань. 1892.

Названныя четыре книжки, написанныя извѣстными спеціалистами по вопросамъ, которые онѣ трактуютъ, по изложенію простыя, общедоступныя, по цѣнѣ дешевыя, имѣютъ въ небогатой популярной медицинской литературѣ нашей право на вниманіе и сочувствіе, и не будутъ лишними въ каждой семьѣ.

Простѣйшіе и общедоступные способы изслѣдованія и оцѣнки доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, воздуха, воды, жилищъ и пр. Д-ра мед. П. О. Смоленскаго. Съ 60 рис. въ текстѣ. 2-е, значительно дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1892. 247 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ Смоленскій задался похвальною цѣлью познакомить публику съ такими способами изслѣдованія употребляемыхъ нами въ пищу

Digitized by Google

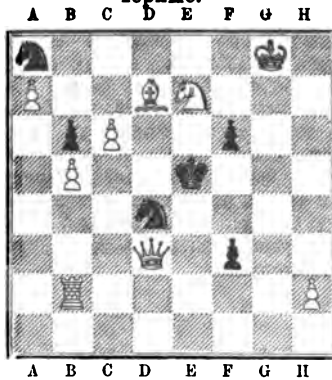
веществъ и напитковъ, которые доступны почти каждому человѣку съ помощью недорогихъ приборовъ и аптечныхъ реактивовъ, а часто и безъ всякихъ приборовъ—по цвѣту, вкусу, запаху, на ощупь и тому подобнымъ признакамъ, которые однако публикѣ часто неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе и этими упрощенными, такъ сказать, домашними способами вполнѣ удается удостовѣриться, имѣемъ ли мы дѣло съ доброкачественнымъ или испорченнымъ и поддѣланнымъ продуктомъ. При современномъ распространеніи всевозможныхъ фальсификацій самыхъ первыхъ предметовъ необходимости, такая книга является, можно сказать, насущной потребностью всякаго оберегающаго свое здоровье человѣка. Авторъ не оставилъ безъ вниманія рѣшительно ни одного продукта потребленія, ни одного предмета обстановки, имѣющаго то или иное отношеніе къ нашей жизни и здоровью. Это видно уже изъ одного перечня заглавій: мясо, рыба, молоко, сливки и сметана, масло и сыръ, жиры, яйца, медъ, мука и крупа, хлѣбъ и кондитерскія произведенія, водки и вина, пиво, квасъ, лимонадъ и медъ, чай и кофе, какао и шоколадъ, перецъ и горчица, уксусъ, консервы, вредныя краски въ косметикѣ, игрушкахъ, обояхъ, одеждѣ, посудѣ и пр., воздухъ, вода, почва, жилище и освѣщеніе! Обширная литература, существующая по всѣмъ этимъ вопросамъ, видимо, основательно изучена авторомъ.

Digitized by Google

ШАХМАТЫ
подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 8.
C. Planck.

Черные.

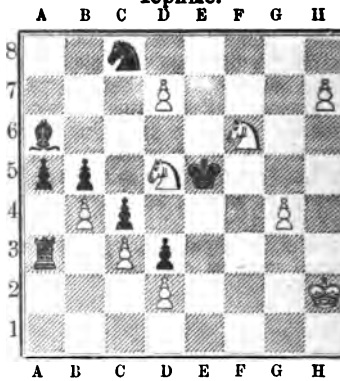


Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 9.
H. v. Gottschall (Halle).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 10. **A. Munk (Kopenhagen).**

Бѣлые: ♔h2 ♕b8 ♖c1, h6 ♗g8 ♘b5, f4 ♙a3, a5, f2.

Черные: ♚c5 ♕c4 ♜f7 ♝g6 ♞a8, e7 ♟a4. Матъ въ 2 хода.

Краткій курсъ дебютовъ и концовъ партій.

Дебютъ королевскаго коня.

ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

1. **e2—e4, e7—e5;** 2. **К. g1—f3, К. b8—c6;** 3. **С. f1—b5.**

(Продолженіе).

III. 3 . . . **С. f8—c5.**

(Окончаніе).

Партія № 68.

П. Морфи.	**Э. Морфи.**
Бѣлые.	Черные.
1. **e2—e4**	**e7—e5**
2. **К. g1—f3**	**К. b8—c6**
3. **С. f1—b5**	**С. f8—c5**
4. **c2—c3**	**Ф. d8—e7**
5. **0—0**	**К. g8—f6**
6. **d2—d4**	**С. c5—b6**
7. **С. c1—g5**	**h7—h6**
8. **С. g5 : f6**	**g7 : f6**

Очевидно, что послѣ 8 . . . Ф. : f6, черные по меньшей мѣрѣ теряютъ пѣшку e5.

9.	**d4—d5**	**К. c6—d8**
10.	**К. f3—h4**	**c7—c6**

Въ одной матчевой партіи Лёвенталя (бѣлые) съ Гаррвицемъ было продолженіе: 10 . . . Ф. c5; 11. Ф. f3, Ф : b5; 12. Ф. : f6, Л. g8; 13. К. f5, С. c5; 14. Ф. : e5+, Кр. f8; 15. Ф. f6, Кр. e8; 16. b4, С. f8; 17. a4, Ф. d3; 18. Ф. e5+ и бѣлые выиграли.

11.	**К. h4—f5**	**Ф. e7—c5**
12.	**b2—b4**	**Ф. c5—f8**

Digitized by Google

13. d5 : c6 d7 : c6
14. К. f5—d6+ Кр. e8—e7
15. Ф. d1—d3! c6 : b5

немного лучше было-бы 15... С. e6.

16. К. d6 : c8+ Л. a8 : c8
17. Л. f1—d1 Ф. f8—g7

лучше было 17 ... С. d4!.

18. Ф. d3—d7+ Кр. e7—f8
19. Ф. d7 : c8 и бѣлые выигрываютъ.

Партія № 69.

П. Морфи. Шультенъ.
Бѣлые. Черные.

Первые три хода, какъ въ предыдущей партіи.

4. c2—c3 К. g8—e7
5. 0—0 0—0
6. d2—d4 e5 : d4
7. c3 : d4 С. c5—b6
8. d4—d5 К. c6—b8
9. d5—d6! c7 : d6
10. С. c1—f4! С. b6—c7
11. К. b1—c3 a7—a6
12. С. b5—c4 b7—b5
13. С. c4—b3 С. c8—b7
14. С. f4 : d6 С. c7 : d6
15. Ф. d1 : d6 h7—h6?
16. Л. a1—d1 К. e7—c8
17. Ф. d6—f4 К. c8—b6
18. К. f3—e5 Ф. d8—f6?
19. Ф. f4 : f6 g7 : f6
20. К. e5—g4 Кр. g8—g7
21. К. g4 : f6 С. b7—c6
22. e4—e5 a6—a5
23. Л. d1—d3 Л. f8—h8
24. К. c3—d5 К. b6—c4
25. С. b3 : c4 b5 : c4
26. Л. d3—g3+ Кр. g7—f8
27. К. d5—b6 Л. a8—a7
28. Л. f1—d1 С. c6—b5
29. Л. d1—d4 Л. a7—c7
30. Л. d4—g4 и выигрываютъ.

Партія № 70.

Майетъ. Андерсенъ.
Бѣлые. Черные.

Первые 3 хода тѣ же.

4. c2—c3 К. g8—f6
5. С. b5 : c6? . . .

Это не хорошо; гораздо лучше здѣсь 5. d4, ed; 6. e5, К. e4!; 7. 0—0 (если 7 Ф. e2, то 7 ... d5; 8. ed, 0—0; 6. dc, Ф.—d5; 10. С. c4, Ф. f5; 11. С. d3, Л. e8; 12. К. d2, Ф. g6, а затѣмъ С. f5=) С. e7! (а не 7 ... 0—0) 8. cd, d5=.

5. . . . d7 : c6
6. 0—0 . . .

лучше 6. К. : e5!, К. : e4; 7. d4, С. e7;

6. . . . С. c8—g4
7. h2—h3 h7—h5?
8. h3 : g4 h5 : g4
9. К. f3 : e5 g4—g3
10. d2—d4 К. f6 : e4
11. Ф. d1—g4? . . .

Если К. f3, то 11 ... gf+; 12. Л. : f2, Л. h1+; и К. f2+. Лучше было 11. fg, К. : g3; 12. Л. e1!, Л. h1+; 13. Кр. f2, Ф. h4; 14. Л. : h1, К. : h1+; 15. Кр. g1, С. d6, 16. С. e3, Кр. e7; 17. К. f3±.

11. . . . С. c5 : d4!
12. Ф. g4 : e4 С. d4 : f2+
13. Л. f1 : f2 Ф. d8—d1+
14. Л. f2—f1 Л. h6—h1+
15. Кр. g1 : h1 Ф. d1 : f1∓

IV.

3 ... f7—f5.

Эта защита, хотя и слабѣе другихъ, даетъ незначительное превосходство бѣлымъ только при постепенномъ правильномъ развитіи игры съ ихъ стороны.

Бѣлые могутъ продолжать:

a) 4. С. b5 : c6; b) 4. e4 : f5; c) 4. Ф. d1—e2; d) 4. d2—d4; e) 4. 0—0! и f) 4. d2—d3.

a.

4. С. b5 : c6 d7 : c6
5. К. f3 : e5 Ф. d8—d4

и черные возвращаютъ пѣшку съ лучшимъ положеніемъ.

Если 6. Ф. h5+, то 6 ... g6; 7. К. : g6, hg; (хуже 7 ... Ф. : e4+; 8. Кр. d1, К. f6; 9. Ф. h4, Ф : h4; 10. К : h4, К. g4; 11. Кр. e2. С. c5: 12- f3 и т. д.) 8. Ф : g6+, Кр. d8; 9. d3, К. e7∓.

b.

4. e4 : f5 e5—e4

(см. п. № 72).

Digitized by Google

5. Ф. d1—e2 Ф. d8—e7
6. С. b5 : c6 d7 : c6
7. К. f3—d4 К. g8—h6

лучше чѣмъ 7 ... g6; 8. fg, С. g7; 9. Ф. c4, С. d7; 10. Ф. f7+, Ф : f7; 11. gf+, Кр : f7; 12. К. e2±.

8. g2—g4 g7—g6!
9. К. b1—c3 g6 : f5
10. g4 : f5 К. h6 : f5
11. Ф. e2—h5+ Ф. e7—f7
12. Ф. h5 : f7+ Кр. e8 : f7
13. К. d4 : f5 С. c8 : f5 +

c.

4. Ф. d1—e2 f5 : e4

или 4 ... d6; 5. ef, С : f5; 6. d4±.

5. С. b5 : c6 d7 : c6
6. Ф. e2 : e4 С. f8—d6
7. К. f3 : e5 К. g8—f6
8. Ф. e4—e2 0—0
9. d2—d4 . . .

если 9. Ф. c4+, то К. d5; 10. d4, Ф. h4; 11. К. f3, Ф. g4; или 11 ... Л : f3 и С. h3.

9. . . . Л. f8—e8
10. f2—f4 c6—c5
11. С. c1—e3 К. f6—g4
12. c2—c3 c5 : d4
13. c3 : d4 c7—c5
14. 0—0 К. g4 : e3
15. Ф. e2 : e3 Ф. d8—b6
16. Ф. e3—d2 . . .

На 16. Ф. d3, послѣдуетъ: Ф.: b2; 17. К. c4, Ф : a1; 18. К. : d6, Л. e7.

16. . . . c5 : d4
17. К. e5—c4 Ф. b6—b4
18. К. c4 : d6 Ф. b4 : d6 +

Если 19. f5, Ф. e5; 20. Ф. f2, Л. f8, и теряется пѣшка f5; а если 19. Л. d1, то С.—f5; 20. К. a3, d3, въ пользу черныхъ.

d.

4. d2—d4 f5 : e4! (α)
5. С. b5 : c6! . . .

Это лучше чѣмъ 5. К : e5, К : e5; 6. de, c6! 7. 0—0 (7. С. e2, Ф. a5+; 8. К. c3, Ф : e5), cb; 8. К. c3, d6!; 9. ed, Ф : d6; 10. Ф. h5+ (10 К : b5, Ф. c5!), g6; 11. Ф : b5+, С. d7; 12. Ф : b7, Ф. c6; 13. Ф : c6, С : c6; 14. Л. fe1, 0—0—0 (15. С. g5, Л. e8)∓.

5. . . . b7 : c6
6. К. f3 : e5 К. g8—f6
7. 0—0 С. c8—b7
8. К. b1—c3 d7—d5
9. f2—f3 e4 : f3
10. Ф. d1 : f3 С. f8—e7
11. С. c1—g5 0—0

Если 11. Ф. h3, то Ф. c8, игра равна.

α.

Стейницъ даетъ: 4 ... c5 : d4! (?) 5. e5!, (слабѣе 5. К : d4, К : d4; 6. Ф : d4, c6; 7. С. d3, fe;=) 5 ... С. c5; 6. 0—0, Kg. 8—e7; 7. c3. dc; 8. Ф. h3, cb; 9. С : b2, a6; 10. К. g5, Л. f8; 11. С. c4 и выигрываютъ.

e.

4. 0—0 f5 : e4?

(если 4 ... К. f6, см. вар. f).

5. С. b5 : c6 e4 : f3
6. С. c6 : f3 d7—d6
7. Л. f1—e1 С. f8—e7
8. d2—d4 e5 : d4
9. С. c1—g5 ∞ +

f.

4. d2—d3! К. g8—f6
5. 0—0 С. f8—c5

или 5 ... fe; 6. de, К : e4; 7. Л. e1 и т. д.

6. К. b1—c3! d7—d6!
7. С. c1—g5 h7—h6
8. С. g5 : f6 Ф. d8 : f6
9. К. c3—d5 Ф. f6—f7
10. b2—b4 С. c5—b6
11. a2—a4 a7—a5

или 11 ... a6; 12. С. c4, С. e6; 13. a5, С. a7; 14. К : c7+ и выигрыв. пѣшку.

12. К. f3—d2 и у бѣлыхъ значительное преимущество. Въ одной партіи Ланге-Шлиманъ продолженіе было: 12 ... f4; 13. К. : b6, cb; 14. К. c4, Ф. g6; 15. f3, 0—0; 16. К : b6 и бѣлые выиграли партію.

Digitized by Google

ПАРТІЯ № 71.

Играна на Берлинскомъ турнирѣ въ 1881 г.

Бергеръ. Бѣлые.	Риманъ. Черные.
1. e2—e4	e7—e5
2. К. g1—f3	К. b8—c6
3. С. f1—b5	f7—f5
4. К. b1—c3	. . .

Продолженіе Розенталя.

4. . . . К. g8—f6

если 4 . . . d6, то 5. d4, и если 4 . . . fe, то 5. К : e4, d5; 6. К. g3, и т. д.

5. d2—d3 С. f8—c5
6. 0—0 d7—d6
7. d3—d4 e5 : d4
8. К. f3 : d4 С. c5 : d4
9. Ф. d1 : d4 0—0
10. С. b5 : c6 b7 : c6
11. С. c1—g5 h7—h6
12. С. g5 : f6 Ф. d8 : f6
13. Ф. d4—c4+ С. c8—e6
14. Ф. e4 : c6 f5 : e4
15. Ф. c6 : e4 Л. a8—e8
16. Ф. e4—d3 Ф. f6—f7
17. b2—b3 С. e6—f5
18. Ф. d3—d2 Ф. f7—g6
19. Л. a1—c1 Л. e8—e5
20. f2—f4 Л. e5—c5
21. К. c3—d5 Л. f8—e8
22. c2—c4 С. f5—e4
23. Л. c1—e1 c7—c6
24. К. d5—c3 Л. c5—h5
25. Л. f1—f2 d6—d5
26. Л. f2—e2 Л. h5—f5
27. К. c3 : e4 d5 : e4
28. Л. e2 : e4 Л. e8—f8
29. Ф. d2—e3 c6—c5
30. g2—g3 Ф. g6—g4
31. Ф. e3—e2 Ф. g4—h3
32. Л. e4—e6 Кр. g8—h7
33. Ф. e2—d3 Кр. h7—h8
34. Ф. d3—d7 Ф. h3—h5
35. Л. e1—e5 и выигрываютъ.

ПАРТІЯ № 72.

Играна въ 1878 г.

Шлецеръ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.
1. e2—e4	e7—e5
2. К. g1—f3	f7—f5
3. e4 : f5	К. b8—c6
4. С. f1—b5	. . .

Теперь партіи (Гамбитъ во второй рукѣ) свелась къ вар. b защита 4 . . . f7—f5 въ Испанской партіи.

4. . . . С. f8—c5
5. С. b5 : c6 d7 : c6
6. К. f3 : e5 С. c8 : f5
7. Ф. d1—h5+? g7—g6
8 К. e5 : g6 h7 : g6
9. Ф. h5 : h8 Ф. d8—e7+
10. Кр. e1—d1 . . .

если 10. Кр. f1, то С : c2!; 11. Ф : g8+, Кр. d7; 12. Ф. c4, Л. e8 и выигрываютъ.

10. . . . С. c5 : f2!
11. Ф. h8 : g8+ . . .

если 11. h3, то 0—0—0, и затѣмъ Л. e8.

11. . . . Кр. e8—d7
12. Ф. g8—c4 Л. a8—e8

сдался.

V.

3. . . . g7—g6

Эта защита встрѣчается очень рѣдко.

ПАРТІЯ № 73.

Играна на Лондонскомъ турнирѣ въ 1883 г.

Винаверъ. Бѣлые.	Стейницъ. Черные.
1. e2—e4	e7—e5
2. К. g1—f3	К. b8—c6
3. С. f1—b5	g7—g6
4. С. b5 : c6	. . .

Стейницъ въ своемъ руководствѣ „The modern Chess-Instructor“ даетъ продолженіе: 4. d4, ed; 5. К : d4, С. g7; 6. С. e3, К. f6; 7. К. c3, 0—0; 8. 0—0, К. c6—e7; 9. С. c4, d5; 10. ed, К : d5; 11. К : d5, К. : d5; 12. С : d5, Ф : d5; 13. c3, b6;=.

4. . . . d7 : c6
5. d2—d3! С. f8—g7
6. С. c1—e3 Ф. d8—e7
7. К. b1—c3 С. c8—e6
8. 0—0 . . .

преждевременно; слѣдовало выждать рокировку противника, чтобы направить на нее атаку.

Digitized by Google

8. . . . h7—h6
9. К. f3—d2 g6—g5
10. a2—a3 К. g6—f6
11. f2—f3 К. f6—d7
12. Ф. d1—e1 h6—h5
13. Ф. e1—f2 b7—b6
14. Л. f1—e1 c6—c5
15. Л. a1—b1 . . .

подготовляя атаку на случай 0—0—0.

15. . . . К. d7—b8

чтобы перевести коня черезъ c6 на d4.

16. К. c3—d5 С. e6 : d5!
17. e4 : d5 К. b8—d7
18. c2—c4 f7—f6
19. d3—d4 . . .

лучше было 19. b2—b4.

19. . . . c5 : d4
20. С. e3 : d4 Ф. e7—f7
21. С. d4—e3 h5—h4!
22. К. d2—e4 0—0
23. g2—g4? h4 : g3
24. h2 : g3 Ф. f7—g6
25. Ф. f2—g2? f6—f5!
26. К. e4 : g5? f5—f4
27. g3 : f4 e5 : f4
28. С. e3—f2 К. d7—e5!
29. С. f2—h4 Л. f8—f5
30. Кр. g1—f1! С. g7—f6
31. Ф. g2—c2! Л. a8—e8!
32. К. g5—e6 К. e5 : f3!
33. С. h4 : f6 Ф. g6—g1+
34. Кр. f1—e2 Ф. g1—e3+
35. Кр. e2—f1 К. f3—d2+

и черные выигрываютъ.

(Продолженіе будетъ).

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ „Нивы" № 2 и 3 за февраль и мартъ 1893 г. № 2 февраль 1893 г. № 3. I. Hilneny (Chleb).

Матъ въ 3 хода.

1. g5 : h6, a3—a2 (или С. h2); 2. Л. g5+, Кр. f4; 3. e5‡.

a) 1 ..., Кр. f4; 2. e5+ и 3. Л.‡
b) 1 ..., С. f4; 2. Л. e6+ и 3. Ф. e8‡.
c) 1 ..., С. h4; 2. Л. g4 и 3. d4‡

№ 4. K. Weinheimer (Ottakring).

Матъ въ 3 хода.

1. h6—h7, Кр. e3; 2. h7—h8 Ф. и 3. Ф‡.

1. . . ., Кр. d5; 2. К. g5 и 3. e4‡.

1. . . ., Кр. f5; 2. Ф. h3+, ∞ 3. Ф. или h7—h8 К‡.

Мартъ № 3 1893 г.

№ 5. A. F. Makenzie (Kingston).

Матъ въ 3 хода.

1. С. g6—h7, Л : b1; 2. Л : c7, ∞; 3. Л‡.

a) 1 . . ., Л : d1; 2, Ф : d1, ∞; 3. Ф‡ и т. д.

№ 6. O. Brenander (Hellefors).

Матъ въ 3 хода.

1. Ф. d7—e6, h5 : g4; 2. Ф. g6+; 3. Ф. h6‡.

a) 1 . . ., Кр. h4; 2. К. e5, ∞; 3. К. f3‡.
b) 1 . . ., f3; 2. К. f2∞; 3. Ф. К‡.
c) 1 . . ., h4; 2. Ф. g6‡.

№ 7. A. Wheeler (London).

Матъ въ 2 хода.

1. К. c3—b1, ∞; 2. Матъ различными способами.

Правильныя рѣшенія всѣхъ задачъ прислали: **А. П. Сусликовъ** (Харьковъ); всѣхъ, кромѣ № 4—**К. В. Дунаевъ** (Зарайскъ); № 5, 6, 7—**Л. К. Истоминъ** (Харьковъ); **Сахаровъ** (с. Лабушная, Подольск. губ.); № 3—**Д. А. Гофлинъ** (Симферополь); № 6 и 7—**Л. Меркуловскій** (ст. Плюсса, Варш. ж. д.); № 6.—**М. Быхановъ** (Липецкъ) и **М. А. Юновидовъ** (ст. Колѣно, Сарат. губ.); № 3, 4—**Л. Лидскій** (Люблинъ).

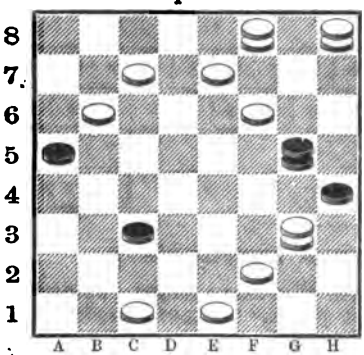
Digitized by Google

ШАШКИ.

Задача № 7.

Н. П. Смирнова (въ Москвѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ „Нивы“ № 2 и № 3 за февраль и мартъ 1893 г.

№ 2. Февраль.

№ 3. В. П. Шошина (СПБ.)

Запереть дамку и простую.

1. **e3—f2**; 2. h4 : b6; 3. e5—f6; 4. a3—c1; 5. h6—g7; 6. c1 : g5; 7. c3—b4; 8. a7—b8; 9. b8 : h2.

№ 4. Е. Ѳ. Андрезена (СПБ.)

Запереть простую.

1. **d6—h2**; 2. b6—c7; 3. d4—e5; 4. h4 : f6; 5. h2 : c3.

№ 3. Мартъ.

№ 5. **Ф. М. Уткина (Муромъ).**

Запереть простую.

1. **a1—b2**; 2. a5—c7; 3. d4—c5; c3 : e5; 5. b2—c3; 6. e1 : f8; 7. g5—f6.

№ 6. М. И. Иванова (Москва).

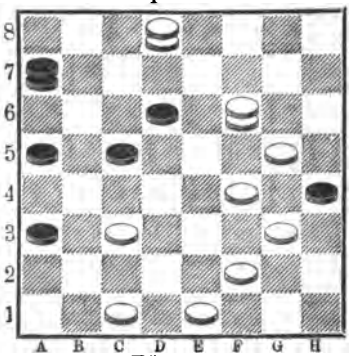
Запереть простую.

1. **g5—f6**; 2. g3—f4; 3. g7—h6; 4. b8 : b2; 5. e1—d2; 6. g1—f2; 7. h2—g3; 8. h6 : a7; 9. a7 : g1.

Задача № 8.

А. Г. Савельева.

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Другое рѣшеніе:

1. **g5—f6**; 2. g3—f4; 3. h2—g3; 4. b8—h6; 5. g7 : a1.

Правильныя рѣшенія прислали: **С. П. Соколовъ** (Калуга); **М. П. Зайцевъ, С. Покровскій, Н. П. Смирновъ, Д. Смирновъ** (Москва); **В. П. Шошинъ** (СПБ.); **Н. Н. Кузнецовъ** (Ромны); **И. М. Матюхинъ** (Николаевъ); **М. А. Юновидовъ** (ст. Колѣно, Сарат. губ.); **А. Н. Покровскій** (Тамбовъ); **И. Волковъ** (Прилуки); **М. В. Лундышевъ** (Роман. - Борисоглѣбскъ); **Н. Фросинюкъ** (Судакъ, Тавр. губ.); **М. Случановская** (с. Сухорабовка, Под. губ.); **А. Романычевъ** (Нижн. Новгородъ).

Н. П. Смирновъ исправляетъ свою задачу (№ 30, Сб. № 10, 1892 г.) тѣмъ, что ставитъ на a3 черную дамку.

Поправка.

Въ сборникѣ „Нивы“ за Мартъ 1893 г. напечатана на стран. 725, 12-я строка снизу—*XIV*-го; должно быть—*XVI*-го.

Digitized by Google

ЗАДАЧИ И ИГРЫ.

подъ редакціей Ю. О. Г.

Задача буквъ—ходъ коня № 8.

		а	р												
	п	с	а	л		з									
т	ю			е	г	ѣ	и	г	о	ѣ	л	н	о	ѣ	к	о	м
ъ	у			н	ъ	о	и	д	з	о	г	т	о	а	н	в	а
	у	т	п	т		о									г	ъ	
		с	п												с	к	

Ариѳметическая шутка задача № 9.

Требуется къ числу 621 приписать нѣсколько цифръ—въ середину числа или по краямъ его—все равно,—но такъ, чтобы получившееся число было менѣе даннаго.

Рѣшеніе задачи буквъ № 7

(помѣщ. въ Сборникѣ за Мартъ 1893 г.)

Слова:

1) Масперо.
2) Иннъ.
3) Або (=или).
4) Дышла.
5) Десть.
6) Вепрь.
7) Глаза.
8) Гобой.
9) Коньякъ.
10) Тынъ.
11) Семь.
12) Тайги.
13) Кожи.
14) Ваза.

		Г	о									д	ъ		
в	о	й	н							ы	Г	р	о		
		з	а									П	л		
		е	в									н	а		
		и	Ш									и	б		
		к	а			Д						а	л		
ь	С	е	м	ь	я	б	о	г							
		а	т			ы						р	е		
		й	П									а	т		
		м	о									с	ъ		
		Ж	и									з	н		
ь	к	а	к							ъ	о	н	а		
		е	с									т	ь		

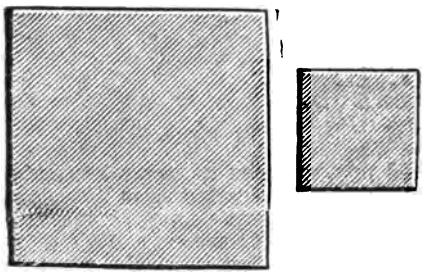
Годъ войны, Гроза,
Плевна и Шибка,
Даль, Семья богатырей,
Патмосъ,
Жизнь какъ она есть.

В. И. Немировичъ-Данченко.

Digitized by Google

Геометрическая задача № 10.

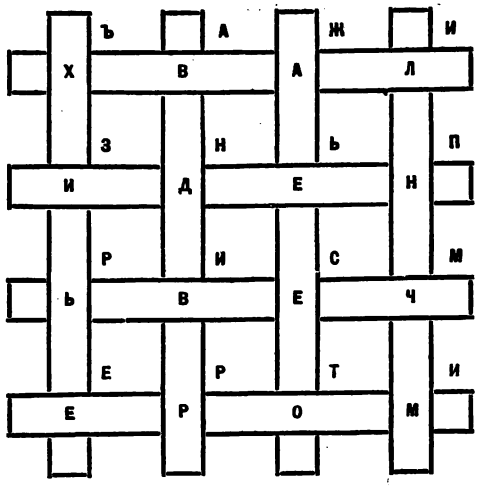
Н. В. П.



Помѣстить меньшій квадратъ на большій такъ, чтобы діагонали перваго были перпендикулярны сторонамъ другого и чтобы пересѣченія діагоналей обоихъ квадратовъ совпадали; если вырѣзать пространство, занимаемое меньшимъ квадратомъ, то изъ оставшейся фигуры по теоремѣ (*какой?*) можно построить квадратъ. Требуется показать, какъ нужно дѣлить эту фигуру.

Рѣшеніе задачи № 6

(помѣщ. въ Сборникѣ за Февраль 1893 г.)



„Хвали день вечеромъ, а жизнь при смерти“.

Вѣрное рѣшеніе прислано отъ Соколова въ Калугѣ.

Digitized by Google

Смѣсь.

По-турецки. Въ 1823 году, во время греческаго возстанія, греки захватили въ плѣнъ весь гаремъ знаменитаго паши Шершида. Сэръ Фредъ Адамъ, командовавшій англійскимъ флотомъ, тотчасъ же вступилъ съ ними въ переговоры и выкупилъ женщинъ за 10,000 долларовъ, послѣ чего позаботился отправить ихъ въ Корфу, а оттуда въ Лепанто, съ соблюденіемъ величайшей осторожности и такъ, чтобы ни одинъ мужской глазъ не могъ видѣть прекрасныхъ турчанокъ. Особенно хороша была фаворитка паши, черкешенка Фатима, которую супруга сэра Адама въ своихъ запискахъ называетъ прекраснѣйшею женщиной, какую она когда-либо видѣла. Турецкія власти приняли дамъ отъ имени паши и, выразивъ англичанамъ благодарность за вниманіе, немедленно вернули имъ издержанныя на выкупъ деньги.

Хотя можно было поклясться, что ни одинъ посторонній не видѣлъ красавицъ, тѣмъ не менѣе фанатикъ-паша, повидимому, не вѣрилъ англичанамъ въ этомъ отношеніи и, не слушая никакихъ увѣщаній, приказалъ всѣхъ женъ и рабынь, не исключая прекрасной Фатимы, зашить въ мѣшки и утопить въ Лепантскомъ заливѣ.

Однако жестокій паша вскорѣ понесъ заслуженное наказаніе. Какимъ-то образомъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе Порты, и скоро къ нему явился кавасъ (гонецъ), который вручилъ ему султанскій фирманъ съ классическимъ шнуромъ. Прочтя фирманъ, паша спросилъ, можетъ-ли онъ принять ядъ и, получивъ позволеніе, началъ готовиться къ смерти. Онъ призвалъ всѣхъ своихъ офицеровъ и слугъ и, держа въ одной рукѣ драгоцѣнный кубокъ съ ядомъ, въ другой фирманъ, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью: «Я потребовалъ всѣхъ васъ сюда, чтобы показать вамъ своимъ примѣромъ, что долгъ каждаго мусульманина умереть по повелѣнію своего господина такъ же, какъ онъ жилъ для его славы и чести. Султанъ, мой повелитель, не нуждается болѣе въ службѣ своего слуги и прислалъ ему этотъ фирманъ. Я долженъ ему повиноваться. Я могъ бы воспротивиться, но я чту волю Аллаха и нашего святого пророка, говорящаго устами своего преемника. Запечатлѣйте въ вашихъ сердцахъ мой примѣръ».

Онъ твердой рукою поднесъ ядъ къ губамъ и выпилъ все до послѣдней капли. Послѣ этого онъ съ трудомъ могъ проговорить только нѣсколько словъ, упалъ на подушки дивана и умеръ. Кавасъ снялъ со своего пояса сумку и отдѣлилъ ножомъ голову трупа отъ туловища. Голову онъ старательно увязалъ въ сумку, прикрѣпилъ ее опять къ поясу и черезъ нѣсколько минутъ уже скакалъ на своемъ быстромъ конѣ по направленію къ Константинополю. (в.)

Digitized by Google

Удачный отвѣтъ. Писатель Бёрнъ въ молодости имѣлъ изъ-за какой-то бездѣлицы дуэль съ однимъ докторомъ. Дуэль была американская, и Бёрнъ вынулъ черный шаръ; это значило, что, по истеченіи извѣстнаго срока, онъ долженъ былъ лишить себя жизни. Однако, по прошествіи этого времени, докторъ встрѣчаетъ на улицѣ писателя, котораго уже считалъ мертвымъ. Онъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: «Итакъ, вы не застрѣлились?»

Спокойно, какъ всегда, Бернъ отвѣчалъ: «Да, любезный докторъ, несмотря на всю мою готовность покончить съ собой, я никакъ не могъ попасть въ себя,—пуля постоянно пролетала мимо».

Оба разсмѣялись, и миръ былъ заключенъ. (в.)

Юмористъ Маркъ Твэнъ. Рядомъ съ самыми выдающимися юмористическими писателями Европы, какъ Диккенсъ и Жанъ Пауль, завоевалъ себѣ видное мѣсто первый юмористъ Америки, Маркъ Твэнъ. Онъ обладаетъ замѣчательною способностью улавливать смѣшное въ человѣческихъ учрежденіяхъ и личностяхъ и своимъ мастерскимъ изображеніемъ комическихъ сторонъ жизни приводитъ читателя въ самое веселое настроеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увлекательный разсказчикъ всевозможныхъ приключеній и тонкій знатокъ человѣческой души, умѣющій передать въ своихъ сочиненіяхъ множество тончайшихъ и сокровеннѣйшихъ чертъ душевной жизни. Въ Америкѣ онъ уже давно любимецъ всего читающаго міра, и сочиненія его распространены тамъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Но талантъ Марка Твэна имѣетъ много почитателей и на европейскомъ континентѣ, въ особенности, въ Германіи, которую писатель посѣтилъ во время своихъ неоднократныхъ путешествій по эту сторону Атлантическаго океана.

Маркъ Твэнъ—настоящее его имя Самуэль Лангборнъ Клеменсъ—родился 30 ноября 1835 года во Флоридѣ, въ штатѣ Миссури. Фамилія Лангборнъ принадлежитъ его матери. Нашъ герой провелъ годы своей юности въ Ганнибалѣ, въ штатѣ Миссисипи; онъ описалъ этотъ городокъ въ своемъ «Томѣ Соуэрѣ». Его отецъ былъ тамъ съ 1840 г. мировымъ судьею. «Самъ» былъ добродушный, шаловливый, необузданный мальчикъ; онъ зачастую пропускалъ уроки въ школѣ и устраивалъ всевозможныя проказы. Свое дѣтство онъ поразительно живо описалъ, какъ въ «Томѣ Соуэрѣ», такъ и въ другой повѣсти: «Гэкльберри Финнъ». Его отецъ Джонъ Клеменсъ былъ строгъ съ шалуномъ и часто подвергалъ его заслуженнымъ наказаніямъ; мать была кротка и снисходительна. Отецъ умеръ, когда «Саму» было двѣнадцать лѣтъ; съ этихъ поръ онъ и его братья и сестры начали жить своимъ трудомъ. Юный Самуэль Клеменсъ поступилъ мальчикомъ-наборщикомъ въ «Weekly Courier» въ Ганнибалѣ. Этотъ листокъ имѣлъ 100 абонентовъ въ городѣ и 350 за городомъ; горожане платили колоніальными товарами, сельскіе жители кочнями капусты и дровами—«если они вообще платили», прибавляетъ Маркъ Твэнъ. Въ редакціи все шло вверхъ дномъ, и жизнь была самая жалкая. Когда ученикъ, не слишкомъ обремененный занятіями, достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, онъ «кончилъ ученіе» и пошелъ странствовать; пожилъ въ Нью-Іоркѣ, потомъ въ Филадельфіи, Цинциннати, Луисвиллѣ и Ст.-Луи. Нигдѣ онъ долго не уживался. Онъ сдѣлался лоцманомъ на Миссисипи; эту пору жизни онъ изображаетъ въ «Жизни на Миссисипи». «Mark twain!» кричитъ матросъ, когда опущенный лотъ показы-

Digitized by Google

ваетъ только два фута воды; этотъ возгласъ позднѣйшій юмористъ сдѣлалъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ [1]).

Когда началась междоусобная война, Самуэль Клеменсъ, тогда уже двадцатичетырехлѣтній молодой человѣкъ, поступилъ волонтеромъ въ армію Южныхъ штатовъ, вскорѣ сдѣлался лейтенантомъ отряда въ 15 человѣкъ, но попалъ въ плѣнъ, бѣжалъ и отправился на дальній Западъ, гдѣ сначала сдѣлался рудокопомъ, а потомъ на собственный страхъ и рискъ золотоискателемъ въ Невадѣ. Случилось, что въ компаніи съ другими онъ напалъ на золотоносную жилу, которая впослѣдствіи сдѣлала его компаніоновъ милліонерами; но къ этому времени молодой человѣкъ уже давно перепродалъ свой пай. Въ 1862 г. онъ сдѣлался редакторомъ одного листка въ Виргиніи-Сити и здѣсь написалъ свои первые юмористическіе очерки, подъ фамиліей Марка Твэна. Уже тогда развилась въ немъ его всегдашняя страсть къ куренію табака, а сортъ, который онъ употреблялъ, заражалъ до такой степени воздухъ редакціонной комнаты и типографіи, что наборщики называли его трубку не иначе, какъ «трупомъ». Черезъ нѣсколько времени онъ перенесъ свою литературную дѣятельность въ Санъ-Франциско и пристроился при газетѣ «Morning Call»; онъ явился туда такимъ оборваннымъ, что редакторъ Бернсъ прежде всего заказалъ ему приличное платье. Онъ доставлялъ корресподенціи мѣстныхъ происшествій; но это было ему такъ не по душѣ, что онъ снова хотѣлъ сдѣлаться лоцманомъ. Расположенный къ нему генералъ Микэмбъ, признавшій въ Маркѣ Твэнѣ большой талантъ, отговорилъ его отъ этого. Писатель остался вѣренъ перу и въ сообществѣ съ Бретъ-Гартомъ началъ издавать газету «Калифорнія»; но такъ какъ она, несмотря на великолѣпные разсказы, пошла плохо, то оба издателя ушли сами и снова направились въ горы, въ качествѣ золотоискателей. Ни одному изъ нихъ не посчастливилось, они разстались, и Маркъ Твэнъ поѣхалъ корреспондентомъ на Сандвичевы острова. Но уже черезъ два мѣсяца онъ былъ снова въ Санъ-Франциско; здѣсь онъ бѣдствовалъ до 1867 года. Въ этомъ году онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ по штатамъ для чтенія лекцій, при чемъ вездѣ встрѣчалъ большое сочувствіе. Тогда же появился первый томъ его разсказовъ, жадно читавшихся, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англіи. Неугомонный авторъ ихъ опять отправился въ Нью-Іоркъ, оттуда въ Вашингтонъ. При содѣйствіи своего покровителя Микэмба, онъ вслѣдъ за этимъ получилъ возможность примкнуть къ одному обществу путешественниковъ, ѣхавшихъ въ Европу, и оттуда посылалъ корресподенціи въ одну изъ калифорнійскихъ газетъ. По возвращеніи онъ опять былъ въ Вашингтонѣ, въ 1868 году опять въ Санъ-Франциско, въ 1869 году опять въ Нью-Іоркѣ, гдѣ безуспѣшно искалъ издателя для своего новаго произведенія «Добрые люди въ путешествіи». Наконецъ, оно было напечатано издательскимъ обществомъ въ Гартфордѣ, разошлось въ 200,000 экземпляровъ и дало 75,000 долларовъ чистой прибыли, изъ которыхъ авторъ получилъ половину.

Такимъ образомъ, слава его была упрочена, онъ сдѣлался популярнымъ писателямъ, и въ 1872 году, во время своей поѣздки въ Англію, нашелъ уже тамъ множество восторженныхъ поклонниковъ своего таланта.

[1]) *Mark Twain*—двѣ мѣтки.

Digitized by Google

Вершины славы Маркъ Твэнъ достигъ въ 1876 году, когда появился въ печати «Томъ Соуэръ». Книга имѣла огромный сбытъ во многихъ изданіяхъ, такъ же, какъ «Книга эскизовъ» и прославленное сочиненіе «A Tramp abroad» (Бродяга за границей), для котораго авторъ въ 1878 году предпринялъ большое путешествіе по Англіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи. Затѣмъ послѣдовалъ разсказъ «Пропажа бѣлаго слона», въ 1883 году — «Жизнь на Миссиссипи», въ 1885 году—«Принцъ и нищій», въ 1886 г.—«Гэкльберри Финнъ», въ 1889 г.—«Янки при дворѣ короля Артура», въ 1892 г.—«Американскій претендентъ»; оба послѣднія произведенія не имѣли большого успѣха. Съ 1884 года Маркъ Твэнъ читалъ рядъ публичныхъ лекцій, какъ это принято въ Америкѣ, переѣзжая изъ города въ городъ; лекціи его производили вездѣ сенсацію, подобно лекціямъ Диккенса. Американскій юмористъ въ настоящее время, не переставая служить литературѣ, живетъ то въ своемъ прекрасномъ помѣстьи въ Гартфордѣ, то въ помѣстьи родныхъ своей жены близъ Эльширы, въ штатѣ Нью-Іоркъ, и пользуется благосостояніемъ, граничащимъ съ богатствомъ, такъ какъ его книги, печатаемыя его собственною издательскою фирмой: «Webster & C.» въ Нью-Іоркѣ, уже принесли ему много сотенъ тысячъ долларовъ; кромѣ того, онъ очень много нажилъ изданіемъ «Мемуаровъ папы» и «Достопамятностей генерала Гранта».

(Б.)

Барометръ Саутера. Показатель измѣненій давленія воздуха составляетъ, какъ извѣстно, вещь крайне существенную въ домашнемъ обиходѣ,— особенно, лѣтомъ въ деревнѣ, когда вопросы о томъ, грозитъ ли дождемъ или бурею застоявшійся штиль, сегодня ли, или завтра произойдетъ переломъ погоды,— и пройдетъ ли, есть ли надежда, что живой лучъ солнца проглянетъ сквозь хмурыя тучи и проч.,—вяжутся съ самыми горячими дѣлами хозяйства. Между тѣмъ, «колдунчикъ», т. е. барометръ — машинка вообще не дешевая, да, кромѣ того, далеко не подручная: чаще всего его нужно выписать, что для жителя деревни нерѣдко бываетъ очень хлопотливо, а потому сплошь и рядомъ откладывается въ долгій ящикъ.

Между тѣмъ, для обиходныхъ нуждъ можно обходиться съ приборомъ, который показывалъ бы, хотя грубо, повышается ли давленіе атмосферы или понижается, и идетъ ли измѣненіе давленія постепенно, или же скачками.

Барометръ, предложенный ульмскимъ профессоромъ Саутеромъ, можетъ въ значительной мѣрѣ служить для отвѣта на эти, самые важные для хозяйства, вопросы и удобенъ тѣмъ, что его безъ труда можетъ сдѣлать себѣ каждый, если не гнаться за особою точностью показаній. Устроенный человѣкомъ, знакомымъ съ физикою, этотъ барометръ будетъ инструментомъ достаточно точнымъ и весьма чувствительнымъ.

Чтобы устроить подобный «колдунчикъ», берутъ склянку (какую угодно, но не очень маленькую, примѣрно,— полуфунтовую) и наливаютъ въ нее до двухъ третей воды, окрашенной какимъ-нибудь красящимъ веществомъ, имѣющимся подъ рукою. Затѣмъ, плотно пригоняютъ къ горлышку хорошую мягкую пробку и просверливаютъ въ ней, по направленію оси, каналъ, въ который должна довольно туго входить стеклянная трубка вершковъ въ 10 длины, такъ, чтобы она чуть не доставала до дна склянки, когда пробка вставлена, какъ слѣдуетъ, на мѣсто. Послѣ того, горлышко и пробку необходимо облить

Digitized by Google

сургучемъ, либо воскомъ, и сдѣлать это вполнѣ основательно, чтобы ни сквозь пробку, ни около трубочки, ни между горлышкомъ и пробкою *не проходило воздуха*.

Когда все это будетъ сдѣлано,—поверхность воды внутри трубочки будетъ стоять ниже поверхности воды въ склянкѣ. Чтобы поднять воду въ трубочкѣ, надобно вдуть черезъ нее въ склянку нѣсколько пузырьковъ воздуха,—чтобы вода наполнила, примѣрно, половину трубочки. Остается налить, далѣе, въ трубочку, сверху, каплю, двѣ масла, для устраненія испаренія воды съ поверхности (можно употребить подкрашенное масло, не окрашивая воду),—и приборъ готовъ. Онъ будетъ, однако, отличаться отъ обыкновеннаго барометра въ ходѣ показаній тѣмъ, что, при пониженіи давленія воздуха, будетъ *повышаться, а не падать*, и наоборотъ.

Дѣло въ томъ, что когда давленіе внѣшняго воздуха увеличивается, объемъ воздуха, заключеннаго въ склянкѣ, долженъ становиться меньше, и столбъ жидкости въ трубочкѣ будетъ понижаться. При уменьшеніи же внѣшняго давленія, явленіе должно идти обратнымъ порядкомъ.

Такимъ образомъ, если подобный барометръ постепенно *падаетъ*, то нужно ожидать прочной *ясной* погоды; наоборотъ, медленное *повышеніе* слѣдуетъ считать указаніемъ наступленія *дождливой* погоды. Быстрый же и рѣзкій *подъемъ* будетъ служить предсказаніемъ *грозы или бури*, а крутое *пониженіе*—кратковременнаго *ведра*.

Очень существенное обстоятельство, при помѣщеніи прибора, заключается въ томъ, чтобы отведенное ему мѣсто отличалось возможно постоянною температурой. Всего лучше, поэтому, поставить его въ доступномъ углу подвала и т. п. Въ комнатахъ, гдѣ температура значительно мѣняется, подъ вліяніемъ солнца и топки, прямыя показанія вѣрными не будутъ; но если кто въ состояніи составить табличку такъ-называемыхъ поправокъ на температуру и на давленіе паровъ, тогда имъ можно съ увѣренностью пользоваться и въ помѣщеніи съ колеблющейся температурой, установивши вмѣстѣ съ нимъ термометръ.

Конечно, трубочку можно снабдить правильною шкалою, и, во всякомъ случаѣ, нужно сдѣлать на ней какую-нибудь постоянную отмѣтку или придѣлать, изъ кусочка проволоки, подвижной указатель, гдѣ стояла вода при послѣднемъ наблюденіи.

Для людей съ обыкновеннымъ математическимъ образованіемъ, безъ сомнѣнія, не представитъ большого труда и полная вывѣрка прибора, т. е. приблизительное уравненіе его съ нормальнымъ барометромъ и установка необходимыхъ поправокъ.

Не малое удобство снаряда заключается также въ томъ, что при порчѣ—его не только легко починить, но и сдѣлать снова. (А.)

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Кн. М. Н. Волконскій.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google